

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

К проведению в 2014 году
в Российской Федерации
Года культуры

Состояние и перспективы развития
российской культуры

Цикл лекций в Государственной Думе
25 марта – 23 мая 2014 года

Издание Государственной Думы
Москва • 2014

УДК 008.304.2
ББК 71.4(2)+60.56
С66

Состояние и перспективы развития российской культуры. Цикл лекций в Государственной Думе. 25 марта – 23 мая 2014 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 160 с.

УДК 008.304.2
ББК 71.4(2)+60.56

© Аппарат Государственной Думы, 2014

**Вступительное слово
Председателя Государственной Думы
С. Е. Нарышкина при открытии цикла лекций,
приуроченного к Году культуры**

Добрый день, уважаемые друзья! Я рад приветствовать вас в стенах Государственной Думы. Здесь, в Малом зале, обычно проходят заседания фракций, пресс-конференции, "круглые столы" и парламентские слушания, но вот уже в течение года звучат и лекции.

Вы можете спросить: зачем вообще в Государственной Думе лекции? Казалось бы, депутаты сами могут читать лекции, и многие их читают. Но, во-первых, учиться нико-

гда и никому не поздно и не вредно, а даже полезно, во-вторых, не все депутаты Государственной Думы имеют юридическое образование, а наши лекции связаны именно с вопросами права и законодательства.

Сегодня мы открываем цикл лекций, посвящённых культуре. Мы решили организовать его именно в 2014 году, который Президентом Российской Федерации объявлен Годом культуры. И открываем мы его именно 25 марта – в День работника культуры, поэтому я прежде всего хотел бы поздравить с профессиональным праздником всех, кто работает на столь важном для общества и для государства поприще.

Безусловно, на нашу повестку, на работу Государственной Думы влияют украинский фактор, события на Украине: все мы переживаем за братский народ. Причин, которые привели к ост-

рейшему политическому кризису на Украине, много, и, на мой взгляд, одна из них состоит как раз в недоработках в культурной политике.

Из анализа того разлома, который сейчас наблюдается на Украине, можно извлечь несколько практических уроков – например, насколько опасно вмешиваться извне в большое и сложноустроенное общество, историю и культуру которого нужно не просто знать, но чувствовать. Нужно понимать саму душу народа, а не пытаться навязать чуждый для него выбор. И уж тем более не нужно пытаться поссорить два близких и по-настоящему дружественных народа, принадлежащих к одной культурно-языковой семье.

Однако я уверен в том, что история всё расставит на свои места и русские и украинцы будут вместе, как бы ни старались недальновидные политики и авантюристы. Добавлю, что они или сами плохо учились в школе и в институте, или у них были плохие преподаватели. А вот у нас лекторы хорошие, и вы в этом убедитесь.

**Лекция специального представителя
Президента Российской Федерации
по международному культурному сотрудничеству
М. Е. Швыдкого
25 марта 2014 года**

Глубокоуважаемый Сергей Евгеньевич, глубокоуважаемые депутаты, дорогие коллеги! Мне очень приятно, что в этот день, День работника культуры, в Государственную Думу пришла молодёжь. Это очень важно, потому что, я полагаю, для молодых людей в высшей степени интересно ощутить атмосферу высшего законодательного органа страны, и я надеюсь, что для них – я имею в виду вас, ребята, – это будет полезно, потому что возмож-

ность побывать в парламенте, где создаются законы, вообще нечасто выпадает. Я думаю, в любом случае, интересной для вас будет моя лекция или не очень, этот день для вас уже не бессмысленный – вы видели Нарышкина, вы были в этом зале, то есть, собственно говоря, день удался, и лучшего подарка ко Дню работника культуры сделать было невозможно. Я всех сердечно поздравляю с этим замечательным праздником!

Конечно, очень важно, что культуре в стране сегодня уделяется большое внимание, и тот факт, что 2014 год объявлен президентом Годом культуры, мне представляется одним из таких знаков внимания. Вы можете возразить: мы же не только один год живём в культурной среде – и будете правы. "Россия" и "культура" – это вообще слова-синонимы, потому что на са-

мом деле, когда задумываешься, в чём значение великой России в мире (я сейчас не говорю о военачальниках, о политических лидерах), конечно, прежде всего приходят на ум наука и культура. Если говорить о том, что такое XX век для России, то прежде всего это победа в Великой Отечественной войне, разумеется, это высшее проявление духа народа, и это изменило мир. А если говорить о том, на какой основе эта победа была достигнута, откуда у советского народа такая неистребимая воля к победе, то, конечно, дело прежде всего в духовной сфере, в сфере культуры, науки – самоотверженность рождается на этой основе.

Открывая наш цикл лекций о культуре, Сергей Евгеньевич говорил об Украине, и я подхватываю эту мысль: одна из фундаментальных проблем украинской жизни в том, что Украина до конца не определила для себя, какую культурную модель она строит, и это колоссальная проблема для развития страны. Дело в том, что после того, как распался Советский Союз, все страны, от Таджикистана до Украины и Белоруссии, стали строить национальные государства – национальные с точки зрения уклада жизни, языка и культуры. Но Украина так устроена, что там двуязычие (я сейчас не говорю о многоязычии, потому что на Украине живут и венгры, и румыны, и поляки, и другие народы), и двуязычие Украины было таким фундаментальным достоянием этой страны, которым они, к сожалению, не воспользовались, с моей точки зрения. И я всегда говорил украинским коллегам, что иметь русскоязычного украинского писателя Гоголя значительно лучше, чем не иметь, в каком-то смысле и Булгаков – писатель, глубоко укоренившийся в украинской жизни, потому что понять Булгакова, не понимая киевской, украинской жизни 10-х – начала 20-х годов, когда он сформировался, очень сложно.

В этом смысле много опасностей: на наших глазах, например, распадалась Югославия, если вы помните, и два братских народа, которые говорили практически на одном языке (я сей-

час сказал, может, кощунственную вещь, но раньше в университетах вообще не учили сербский отдельно и хорватский отдельно, учили сербскохорватский язык), вели ожесточённую, непримиримую войну на протяжении ряда лет, войну, которая обескровила Хорватию и Сербию. Я не говорю о боснийском конфликте – там была религиозная проблема, этническая проблема, во многом цивилизационная даже, потому что всё-таки там был конфликт албанцев, мусульман, с православными сербами и даже с сербами-католиками, а здесь два братских народа воевали на наших глазах, и это была, поверьте, очень жестокая война.

Как ни странно, те события, которые предопределили развитие мировой истории в последние месяцы, были связаны с культурой. Одним из первых законов, который отменила нелегитимная власть в Киеве, был закон о языке, который взорвал восток Украины. Я сейчас не буду касаться отдельно украинской темы, это особая и в высшей степени поучительная история, но Российская Федерация – страна многонациональная, и мы не можем строить мононациональное, монокультурное государство, это будет неправильно – мы просто с этим не справимся, мы не справимся с этносами, которые живут на территории Российской Федерации, если не поймём, что должны строить особую культуру. Мы можем сколько угодно говорить, что "российский" и "русский" – это синонимы, но на самом деле это не совсем так, потому что есть русская нация, системообразующая во многом. Впервые в России русские, этнические русские, составляют почти 80 процентов, даже больше 80 процентов населения, но 20 процентов – это другие народы, и это немалое число. Из-за этого взрывались многие государства – если не учитывались интересы, культурные ценности и уклад жизни людей.

XX век в этом смысле, особенно вторая половина XX века, и первое десятилетие XXI века, показали, что культура – это не просто такая виньетка, украшение жизни, культура очень часто становится инструментом большой политики и взрывает го-

сударства. Так происходит не только в новых странах, которые формируются, но и в тех, где, казалось бы, всё устоялось, в странах старой Европы: и проблема фламандцев и валлонов в Бельгии – это колоссальная, серьёзная проблема, и все проблемы, связанные с отделением Каталонии или отделением Шотландии, – это не только экономические проблемы, это не только нефть, которую нашли шотландцы, это другой уклад жизни. Знакомые шотландцы мне говорили: "Пойми, есть англичане, а мы – как грузины, если брать советский расклад: так же живём, так же гуляем". Вопросы уклада жизни становятся важнейшими, поэтому не случайно представители всех стран – членов ООН и стран – членов ЮНЕСКО работают в комиссии, которая занимается проблемами цивилизационных отношений.

В XVIII веке думали, что человечество едино, в XIX веке полагали, что мир един и что все люди одинаковы, XX век показал, что мир един, но все люди разные, и в этом смысле это колоссальная проблема: когда мы говорим, что мы все похожи друг на друга, что мы любим друг друга, потому что мы одинаковые, – это одна история, но когда мы говорим, что мы не похожи друг на друга, но должны любить друг друга – это совершенно другое, это совершенно другой подход к миру, если угодно.

Знаете, я не буду сейчас рассказывать о культуре – рассказывать о культуре за 15 минут бессмысленно, я не буду касаться теории культуры, я остановлюсь лишь на некоторых проблемах, которые сегодня мне кажутся актуальными.

Зигмунд Фрейд, которого цитируют по разным поводам, написал в одном своём сочинении, что культура начинается с табу, культура начинается с запретов. Этот тезис по-разному интерпретировали разные писатели, я прочёл впервые эту мысль у Юрия Лотмана, но одним из основоположников такого подхода к культуре был Фрейд. В этом смысле, я думаю, чем точнее мы определяем, какие запреты нам необходимы, тем точнее мы понимаем, в каком культурном пространстве мы живём. У разных народов это по-разному, например, у буддистского

монаха 182 запрета, 182 вещи, которые он не имеет права делать, у буддистской монахини – 180 запретов, что гуманно. Мы минимизировали нашу, если можно так сказать, запретительную часть – мы придерживаемся десяти заповедей, хотя если почитать любые религиозные сочинения, то запретов можно найти значительно больше: в иудаизме можно насчитать 634 запрета, 634 вещи, которые не должен делать правоверный иудей, в православии, если внимательно прочесть евангельские и богослужебные книги, книги о православном обряде Византии, этих запретов около двухсот – мы же стараемся минимизировать перечень того, что делать нельзя.

Мы говорим о том, что культура даёт две возможности: культура создаёт, формирует ценностную систему, то есть систему запретов на самом деле, и культура формирует территорию свободы, и баланс этих двух тенденций очень важен. Размышляя о том, чего мы хотим от культуры, мы вообще должны задать другой вопрос: а имеет ли культура какие-то цели? И если есть цели, то кто эти цели ставит? Это тоже очень интересная тема. Мы часто говорим о миссии культуры, но кто это формулирует? На протяжении веков эта миссия складывалась, если угодно, из творческой деятельности коллективного бессознательного, народы формировали ту или иную систему ценностей, которая была для народов предпочтительной, и в этом смысле есть вещи поразительные. Когда в эпоху Великих географических открытий началась колонизация многих стран, то, естественно, возобладал европоцентризм – европейцы считали, что европейская система ценностей наиболее важная, они пытались жизнь всех народов на тех территориях, которые они открывали, привести в соответствие с европейской схемой, но это оказалось невозможным. Я приведу, да простят меня дамы, очень простой, армейский почти пример.

В 20–30-е годы XX века появились новые антропологические школы, этнографические школы, и замечательные французские учёные работали вместе с англичанами, которые зани-

мались антропологией и этнографией с конца XIX века. Так вот в одно племя приехала большая исследовательская группа этнографов и антропологов, и, естественно, они построили, извините, простой солдатский туалет – уборную с дыркой, ну, обычную уборную, так местные индейцы начали там молиться, потому что любое сооружение, где есть круг, для них было символом Солнца. Это не значит, что мы лучше, чем они, может быть, мы не понимаем, что делаем, когда отправляем свои естественные потребности, а они там разговаривают с Богом. Вы понимаете, мир, то есть вообще вся система культуры, оказался сложнее, чем нам представлялось, никакие простые матрицы не прикладываются ни к культуре, ни к жизни человеческой. В этом смысле, с моей точки зрения, одна из задач культуры – дать человеку возможность, во-первых, попытаться воспринять мир сложно и, во-вторых, выразить мир сложно. Поймите, это очень важная вещь. Я всегда привожу один и тот же пример – прошу прощения у тех, кто его слышал, – пример очень характерный. У Томаса Манна в книге "Иосиф и его братья" Иосиф объясняет жене евнуха Потифара, очень высокого египетского вельможи, почему не может стать её любовником, и он приводит десять причин – я не буду их все пересказывать, – почему не может стать любовником этой женщины, которая воспылала к прекрасному Иосифу невероятной страстью. Ну, из уважения к русским писателям можно сказать, что Достоевский или Толстой привели бы одиннадцать причин. Я не хочу Томаса Манна обижать, потому что Томас Манн действительно великий писатель XX века, но вот думаю, какое количество причин для отказа сегодня может привести молодой человек, если к нему воспылет страстью женщина в расцвете своей женской красоты? Боюсь, одну-две, и они либо будут лежать в области материально-телесного, либо будут просто медицинского характера, точка!

Понимаете, когда любовь подменяется сексом и все пишут: секс, секс, секс... Я не против, но ведь всё не так просто. В Интернете цитируется смешной такой полуанекдот. Муж говорит

жене: "Ну давай займёмся сексом...", а она в ответ: "Нет, сначала поговорим об Украине, о Крыме и о геополитике". Это шутка, конечно, но на самом деле сложность восприятия любви... ведь человек, который не читал никогда сонетов Петрарки, к примеру, или не читал стихов Пушкина, того же "Графа Нулина", он не понимает до конца, что такое любовь, ну правда не понимает, и это нас обедняет, поверьте мне, действительно обедняет!

Кстати сказать, одна из современных тенденций в культуре называется "экономика впечатлений" или "экономика воспоминаний": люди, чтобы как-то изменить жизнь, обогатить её, сделать интереснее, начинают охотиться за впечатлениями и воспоминаниями, ездят в какие-то рискованные экспедиции, фотографируют... Вы обратите внимание, сейчас даже стало, можно сказать, хорошим тоном, ну, обычным явлением в ресторанах, когда люди, заказав какую-то еду, пельмени или сосиски, первое что делают, после того как им ставят её на стол, – фотографируют это. Мы-то думали, что надо просто сначала выпить, потом съесть и на этом поставить точку, – нет, это выставляется в "Фейсбуке" и все в Сети оповещаются о том, кто что сегодня ел. Я не говорю, хорошо это или плохо, но это ведь не случайно, это некая имитация жизни на самом деле, а не жизнь. Знаете, была такая старая шутка: "Бабушка, а что вы делали, когда у вас не было ни мобильного телефона, ни компьютера?" – "Что делали? Жили!"

Сейчас возникла одна очень серьёзная социокультурная проблема. Есть такое понятие – "информационный сёрфинг", это когда люди скользят по поверхности любой информации, и вот отсюда иллюзия понимания у современных людей: а) они думают, что владеют всей информацией, б) они думают, что понимают то, что, если можно так сказать, потребляют. Эта иллюзия возникает не только потому, что в Сети много вранья, – дело не в этом даже: мы и в это враньё не погружаемся. Вот обратите внимание, как сегодня монтируется кино, например, – сегодня любой кинорежиссёр знает, что зритель задержаться больше

чем на 10 секунд на одном плане не может, потому что мы все живём "в щелчках": мы телевизор смотрим, переключая кнопки, – что здесь, что там, вперемешку с кетчупом смотрим фильм по роману Достоевского, и всё это, в голове не укладывающееся, создаёт иллюзию знания. У Толстого есть очень важная мысль, он писал, что опасно не незнание, а опасно полужнание, которое создаёт ощущение того, что ты владеешь ситуацией в целом. В этом смысле, я думаю, если говорить о культуре как таковой, конечно же, культура заставляет остановиться и сосредоточиться, сконцентрироваться, хотя мы и живём в таком полуиллюзорном мире.

Ну, я пример приведу. Маме моей 88 лет, она мне говорит: "По телевизору совершенно нечего смотреть!" – и начинает пересказывать мне все передачи, в которых нечего смотреть, а я ей в ответ: "Ну выключи!" Я сейчас вожу ей книжки, привёз роман "Госпожа Бовари" – она в молодость вернулась! То есть культура – ещё и акт воли: вы можете сформировать для себя на самом деле любую информационную программу, любую, сегодня это возможно, но для этого нужны воля и понимание того, что вы хотите.

Есть ещё одно обстоятельство, довольно существенное. Василий Васильевич Розанов, замечательный русский философ, очень не любил Чернышевского, и у него есть такая фраза: "Что делать? Если это лето – чистить ягоды и варить варенье; если зима – пить с этим вареньем чай". Сейчас многие роман Чернышевского "Что делать?" даже не читали, но мы-то читали, и для нас эта фраза была шуткой – сейчас уже не шутка. Так вот Василий Васильевич Розанов написал однажды, что в России всегда была великая литература и скверная жизнь (он писал это в 1902 году) и что он был бы согласен, чтобы в России была великая жизнь, а литература могла бы отступить тогда на второй план.

Надо сказать, что при всех политических и каких угодно сложностях процессы, происходящие в России, являются частью общемировых процессов. Я скажу больше: изучая исто-

рию культуры, историю искусства особенно, понимаешь, что и в советское время, когда, казалось, был незыблемый железный занавес, когда, казалось, никакая птица не долетит до середины Днепра (если можно сейчас так шутить), когда, казалось, мы ото всех отделены, тоже шли параллельные процессы в развитии искусства, и это связано с чем-то большим, чем любая социальная система.

Где-то в 50-е годы – в начале 60-х годов в мире произошла одна вещь: высокие стандарты жизни стали доступны многим миллионам, сотням миллионов людей, тогда вообще изменились стандарты, изменилось качество жизни, причём не только в Европе и не только в Америке – оно и у нас изменилось тогда. И вот это изменившееся качество жизни бросило вызов взаимоотношениям с культурой, с литературой в том числе: люди стали потребителями, сформировалась абсолютно глубокая и серьёзная потребительская цивилизация, которая бросила вызов отношениям, основанным на внутреннем духовном мире. Но здесь всё не так просто, как кажется: люди пытались получить то, что они не могли получить во время войны, в голодное послевоенное время.

Вот был такой фильм, который сняли Анатолий Васильевич Эфрос и Георгий Григорьевич Натансон по пьесе Розова, фильм назывался "Шумный день": молодой герой, которого играл Олег Павлович Табаков, хватал со стены шашку отца, героя Гражданской войны, и рубал полированную мебель, которая была символом мещанства в его глазах, символом бездуховности, символом пошлости и так далее. Когда я смотрел этот фильм, мы жили в очень большой коммунальной квартире вчетвером в маленькой комнате, у нас был один телевизор на всю эту коммунальную квартиру и полированная мебель казалась каким-то невероятным богатством, и, когда он рубанул шашкой, я подумал: господи боже мой, что же это происходит, ведь люди за этим гарнитуром ночами бились, копили деньги!..

Да, в стране, в которой мы жили, – я говорю о Советском Союзе – идеология действительно была важнее потребительства, хотя на самом деле все всё равно всё старались "достать", слова "купить" не было – люди "доставали", потому что деньги были – товаров не было. Зато потом, когда начала складываться эта потребительская цивилизация, я видел, как люди отъедались просто: хотелось это, это, это... Я ждал, что в какой-то момент наступит перенасыщение, что найдут какой-то оптимум достатка, но... И эта проблема тоже связана с культурой. Знаете, был такой замечательный французский фильм "Большая жратва", там по сюжету люди жрали до тех пор, пока у них не лопались животы, – вот цивилизация в принципе сегодня подталкивает именно к такому потребительскому отношению. Но потребительство же хитрая история, и я уже говорил, что сегодня потребительство как бы пытается предоставить вам некую духовную оболочку: вы приходите в магазин, там играет арфистка или пианист, или все продавцы одеты в костюмы пиратов... Сегодня вообще все учебники по маркетингу, все серьёзные учебники о том, как продавать товары, начинаются с разъяснения того, что менеджер – это режиссёр, а продавцы – это актёры. И вот такое вхождение в культуру, в реальную жизнь кому-то очень нравится, экономисты счастливы, но я считаю, что это значит вообще опустить всё ниже плинтуса!

И здесь возникает ещё один вопрос: кого мы хотим видеть гражданами России, какими мы хотим видеть граждан России – мы что, хотим иметь просто образованного покупателя? Об этом мечтает, кстати сказать, рекламодатель на телевидении – он мечтает, чтобы у обывателя, который смотрит телевизор, было ровно столько воображения, чтобы он мог понять, почему он должен купить этот новый товар: вам же предлагают не только знакомые товары, но и какие-то новые шампуни, в которых что-то такое содержится, вот и должна быть у потребителя некая фантазия, почему это что-то, которое даёт невероятный блеск волосам, должно быть куплено. В каком-то смысле

(я прошу прощения, мы в высшем политическом органе страны находимся) политика – это тоже некий бутик: вам предлагают – выбирайте! И вот здесь, опять же повторю, возникает вопрос, кого мы хотим видеть гражданами – людей, которыми можно манипулировать, чтобы они покупали товары любые, или людей, которые способны размышлять. Это серьёзная тема на самом деле. Я приведу такой пример: все родители и школьные учителя хотят, чтобы дети были послушными, чтобы они сидели тихо и слушали учителя, чтобы правильно записывали за ним и делали то, что он говорит, чтобы на переменах они не бегали, а спокойно ходили по коридору, чтобы не курили в уборных, не писали матерные слова на стенах и так далее, и так далее. Одновременно они хотят, родители и учителя, чтобы дети были успешными, но дело в том, что вот из таких послушных детей успешных будет немного.

Знаете, есть такой тест, старый как мир – рисуют белый круг и просят поставить на этом рисунке точку, так вот очень многие, процентов восемьдесят, стараются поставить точку в центре или, во всяком случае, внутри круга и только некоторые ставят за пределами круга. Вот здесь ещё момент очень важный – культура консервативна, безусловно, хотя некоторые теоретики культуры считают, что культура – это не биологическое творчество. На самом деле это не так, потому что если нет биологического – кто мы тогда, андройды, что ли? На нас всё влияет! Когда Алиса Георгиевна Коонен играла Машу в "Живом трупe" в Художественном театре, Станиславский – а он был деликатный человек и один из самых деликатных художников – интересовался в день спектакля, как у неё с пищеварением, правильно ли она питалась, потому что он знал, что и это отражается на творчестве. Да, отражается, и ничего с этим не поделать. Это отражается и на ваших экзаменах. Вот многие артисты, например, когда у них съёмки, вообще не едят, потому что им это мешает. То есть люди биологичны, поэтому культура есть результат, конечно же, психобиологического, психофизиологического

творчества, это такой совокупный продукт. А раз так, то культура консервативна, потому что люди консервативны по природе своей. И что бы там ни рассказывали, иногда не надо слушать, а то ведь сейчас очень много таких, знаете ли, популяризаторов, которые могут сказать, например: "А у этих людей есть лишние хромосомы..." К таким вещам надо относиться очень серьёзно!

Да, мы консервативны. Хотя некоторые полагают, что пять тысяч лет назад был некий мутантный взрыв, – возможно, это и так, однако это другая история – но за последние пять тысяч лет мы всё же мало изменились, у нас всё те же жизненные циклы, и у мужчин, и у женщин; в конце концов, сам цикл жизни – мы рождаемся и умираем – это некий великий цикл бытия, и культура с этим великим циклом бытия связана, она не может из него вырваться, потому что бытие охватывает всё человеческое и, может быть, даже нечеловеческое. Но одновременно мы должны понять и другое: любая культура – это инструмент развития, мы не смогли бы ничего открыть, мы даже не смогли бы доказать, что дважды два четыре, если бы какие-то люди не нарушали этот консерватизм, и это очень важно понимать. Вот это соотношение в культуре процессов развития и необходимости сохранения ценностей очень важно, и этот баланс нужно соблюдать. Я думаю, что здесь, конечно, важно нечто такое очень точное, очень правильное... как бы вам сказать?.. я даже интуицией это не назвал бы, но это не математика, поверьте мне, это что-то совсем другое, то, что невозможно вычислить.

Нынешний год объявлен Годом культуры, президент поручил разработать концепцию развития культуры, и, конечно, мы будем сталкиваться с огромным количеством проблем, притом они очень часто диктуются текущим политическим моментом, запросами общества. Считается, что сегодня есть запрос общества на определённый консерватизм, но ещё раз хочу сказать: культура всегда консервативна, культура на то и культура, что она формирует некую фундаментальную прочность духовных

ценностей, – заповедь "не убий" сформулировали не мы с вами, и это не политический лозунг.

Сейчас концепцию развития культуры разрабатывают наши коллеги в Казахстане – президент Назарбаев тоже поручил разработать концепцию развития культуры до 2050 года: в январе, выступая перед парламентом, он изложил программу развития страны на семь пятилеток, до 2050 года, и стало ясно, что амбициозных экономических и научных проблем страна решить не сможет, если не будет аналогичных, чётко сформулированных инструментов в сфере культуры, с помощью которых придётся это всё решать.

Когда-то давным-давно я работал в журнале "Театр", мы провели простой эксперимент и выяснилось, что дети, которые ходят в театр пять раз в год, начинают лучше успевать не по литературе, а по математике, по физике, они вообще начинают лучше развиваться: общение живого с живым искусством – это залог развития, поэтому я всегда и говорю, что никаких образовательных систем и новых программ нельзя принимать, если в эти программы не встроены общеэстетические программы, без этого... Ещё Солженицын писал о том, что в Советском Союзе существует образованщина: есть люди, получившие некое подобие образования. Кстати сказать, образование – очень консервативная вещь в отличие от науки. Это тоже очень интересный момент, это как в искусстве, но даже ещё более остро: в образовании всё беспредельно консервативно, в систему образования входит то знание, которое считается отобранным, апробированным, проверенным и так далее. Но люди, получившие такое консервативное образование, должны заниматься наукой, где всё неизвестно, зыбко, непонятно и так далее.

Я, может быть, немножко заморочил вам голову, но, поймите, проблема состоит в том, что никаких простых рецептов в сегодняшней жизни не существует, одна из самых серьёзных проблем – что мы очень часто принимаем жизненно важные

решения, не обладая внутренней грамотностью, навыками экспертной оценки самих себя и своих поступков.

И закончу любимой цитатой из записной книжки Ильфа: "Люди думали, что, когда они научатся передавать мысли по беспроводному телеграфу, наступит всеобщее счастье. Но вот радио есть, а счастья нет". Вы должны понять одну простую вещь: культура занимается не решением проблемы, как усовершенствовать форму стульчака в туалете, и даже не тем, как улучшить качество социальных сетей, культура занимается проблемами человеческого счастья и несчастья одновременно. Хотим мы того или не хотим, как бы ни развивалась цивилизация, какие бы мы ни открывали новые звёзды и какие бы ни совершали невероятные технические перевороты, какие бы совершенные политические системы ни создавали, у человека есть несколько очень важных собственных проблем – как быть счастливым в тот короткий на самом деле промежуток, в который он присутствует на этой земле. Вот это и есть проблема культуры – помочь вам стать счастливыми, если угодно. Притом счастье не надо понимать просто, в конце концов наша жизнь – это трагедия, потому что мы знаем: конец её предопределён. Но именно потому, что мы об этом знаем, мы должны использовать каждую минуту для того, чтобы ощутить красоту и богатство жизни. Так что не прочтёте сонетов Петрарки – ничего не поймёте!

Благодарю вас за внимание.

**Лекция директора Государственного Эрмитажа
М. Б. Пиотровского
31 марта 2014 года**

Добрый день! Для меня большое удовольствие выступать сегодня здесь, в этих стенах с лекцией в рамках проводимого в Российской Федерации Года культуры. Мы очень ценим эту инициативу и надеемся, что Год культуры не просто поможет собрать силы для того, чтобы развивать нашу культуру, но и позволит устранить недопонимание, неправильное понимание, а подчас незнание того, что такое наша культура, для чего она существует и чем на самом деле занимаются учреждения культуры.

Я бы хотел сразу поблагодарить депутатов Государственной Думы за несколько хороших законов, которые были в последнее время приняты, – это и закон об охране археологического наследия, о борьбе с "чёрными" археологами, о котором мы много лет мечтали, и закон о целевом капитале, который теперь можно использовать для развития культуры, учреждений культуры. Один из самых важных законов, принятых Государственной Думой прошлых созывов, – это закон "О Музейном фонде Российской Федерации", который должен был предотвратить повторение того, что происходило в 20-е годы, когда музейные коллекции продавались за границу, так вот в этом законе есть положение, что музейные коллекции неделимы, они не должны покидать музей, кроме тех случаев, когда их плохо содержат. Это очень важно для нас, и это совершенно неожиданным обра-

зом проявилось в связи с ситуацией с Крымом, о чём я несколько слов ещё скажу, но сначала немного философии.

Существуют тысячи определений культуры, первое – культура в метафизическом смысле: это ненаследуемая биологически память поколений, это то, что создаётся человечеством, передаётся следующим поколениям через обучение, образование, через институты культуры, и это является смыслом жизни человечества, потому что память – это то, ради чего люди существуют, если нет памяти, то жизнь народа, человека, страны прожита зря, и это не просто красивые слова, это действительно важнейшая вещь!

Второе. В широком смысле культура объединяет и объясняет всё: и экономика, и политика, и религия, и всё остальное может быть объяснено особенностями культуры, и это помогает правильно определить место культуры в нашей жизни, значение, которое имеет культура в обществе.

Третье. У нас в России, да и, собственно, не только в России, есть прекрасные теории, которые помогают определить позицию общества в отношении культуры, – это теория мериторных (достойных) благ и концепция экономической социодинамики, которая была разработана отечественными философами. В концепции говорится, что государство и общество в сфере культуры предусматривают те потребности общества, которые ещё только появятся; то есть культура ориентирована на будущее, она идёт из прошлого, но ориентирована на будущее, и мы в современности должны бережно относиться и к прошлому, и к будущему.

Я попытаюсь сейчас перейти от общего к конкретным вещам, ведь в первую очередь я – директор музея, и культура для меня сводится, вообще-то, к музею, и всё, о чём мы в Эрмитаже думаем, что обсуждаем в Союзе музеев России, мы стараемся воплощать в жизнь в разных формах. Это очень важно, это уже не метафизика, а наша реальность, и мне хотелось бы рассказать вам о последних событиях в Эрмитаже.

Я надеюсь, все помнят, что 19 марта мы отмечали 200-летие взятия Парижа (мы отмечаем даты по старому календарю); в этот день мы провели в Эрмитаже специальную торжественную церемонию: рота почётного караула внесла в зал знамёна и штандарты полков Российской императорской гвардии, и не только гвардейских полков, которые участвовали во взятии Парижа. Это можно было сделать только в Эрмитаже – больше нигде этих знамён нет, и вынести их за пределы Эрмитажа мы тоже не можем, поэтому эта церемония только у нас могла происходить.

На один день в Фельдмаршальском зале была открыта маленькая выставка. Вот шпага маршала Мармона¹, который объявил капитуляцию Парижа, сдал Париж русским. Вот портреты фельдмаршалов. Вот трофейный жезл маршала Даву, одного из лучших маршалов армии Наполеона, этот трофей был взят русскими войсками. Это портрет лейб-гвардии казака на коне, но конь непростой – это конь Александра I (это не портрет Александра I на коне, здесь конь Александра I).

Экспонаты Эрмитажа являются частью культуры государственности, которая является и частью культуры в целом, нашей российской культуры. В Фельдмаршальский зал недавно вернулись все портреты фельдмаршалов, один из них – портрет фельдмаршала Витгенштейна, человека, который спас в войну 1812 года Петербург, и мы решили, что его надо поместить рядом с портретами Румянцева, Суворова и остальных.

Начиная с прошлого года мы пытаемся возродить празднование 25 декабря Дня изгнания неприятеля из пределов Отечества, который ранее отмечался в России, а сейчас восстановлен как церковный праздник. В этот день мы проводим маленький парад в Зимнем дворце, молебен в церкви дворца, как это когда-то было. 25 декабря – единственный день, когда там можно и действительно уместно проводить службу.

¹ Лекция сопровождалась демонстрацией слайдов. Здесь и далее иллюстративный материал не публикуется.

Вот Петровский (Малый тронный) зал, который скоро будет отреставрирован, здесь замечательный бархат, висит портрет Петра I.

Вот крест Большой церкви Зимнего дворца, который только что был отреставрирован и освящён, буквально три дня назад с него сняли леса и колпак, он даже светится; этот крест находится там со второй половины XVIII века.

С 30-х годов XIX века над Дворцовой площадью высятся крест и ангел Александровской колонны, которая тоже находится в ведении Государственного Эрмитажа, она отреставрирована.

Насчёт связи культуры со временем, с прошлым скажу: как только начались крымские события, мы стали размещать в "Фейсбуке" наши коллекции, связанные с Крымом, и не для того, чтобы порассуждать, наш Крым или не наш, а чтобы рассказать, какое удивительное созвездие исторических вещей связано с Крымом: это древности Крыма, пейзажи Крыма, а также медали, врангелевские значки, советские медали и многое другое.

Может быть, сейчас стоит сказать ещё об одном: в культуре всё время возникают острые проблемы, иногда даже неожиданно – не то чтобы мы напрашивались на разные проблемы, но проблемы рождаются сами по себе. Крым для Эрмитажа и для всех музеев России – это место, где постоянно, всегда работали археологические экспедиции, это хорошо известное место. Существует политическая сфера, и существует сфера культуры, и только люди культуры знают, что в этой сфере надо делать и что не надо делать, они за неё отвечают. Мы не отвечаем за то, какие политические решения принимаются, не наше это, может быть, дело, но наше дело в связи с воссоединением Крыма с Россией – это громадная ответственность за памятники и состояние культурного наследия Крыма, и я уже написал об этом несколько писем, – ведь памятники могут оказаться в очень опасном положении. Понимаете, Крым – это сплошные древние памятники, где ни копнёшь – везде древние памятники

ки, и, когда это была Украина, украинские девелоперы ставили дома прямо на памятниках и с ними боролись украинские археологи, хотя и не всегда успешно, а теперь, как вы понимаете, придут наши девелоперы и желание поставить себе дворцы на древних утёсах, где стояли античные храмы, будет ещё более сильным, так что наша задача в том, чтобы этого не случилось.

Кроме того, Крым, к сожалению, в мире известен как одно из самых желанных мест для "чёрных" археологов: с помощью металлоискателей ищут, копают и грабят памятники. Очень часто наши экспедиции, приезжая даже в такие места, как Керчь, вынуждены были работать там, где уже копали "чёрные" археологи. Сейчас уже этого нет – заповедники достаточно хорошо оберегаются, но тем не менее известно, что многие могильники, могилы разрыты и разграблены. Теперь это всё наша ответственность, и ответственность, надо сказать, на нас не только за Крым, но и за Северный Кавказ, и за многие другие места.

Мы должны об этом сейчас очень серьёзно подумать и очень осторожно говорить о существующей ситуации, не пытаться использовать её для лёгкого пиара, а действительно думать о проблемах. Например, я получил письмо от Петра Петровича Толочко, академика, директора Института археологии НАН Украины, одного из блестящих украинских учёных, который много лет защищал археологию от всяких домыслов и вымыслов, а сейчас защищает от нападков в связи с появившейся в наших СМИ информацией о том, что украинское правительство заложило всё скифское золото, которое у них хранится, увезло в Америку и так далее, о том, что музейщики давно всё продали, а в музеях хранятся копии. Такое мы слышим и про себя, про Эрмитаж, и, когда мы услышали это про украинцев, нам было ясно, что источники несерьёзные. Это пример доступного, лёгкого пиара, очень вредного, в то время как в нашей культуре в действительности есть острые сюжеты.

Я думаю, уже все слышали (это было в телевизионных программах вчера), что в Амстердаме проходит выставка "Крым:

золото и тайны Чёрного моря", где представлены экспонаты четырёх крымских музеев. Эта выставка приехала в Амстердам по таким же правилам, какие действуют в нашем Министерстве культуры: министерство давало разрешение, ехали через украинскую таможню. Теперь непонятно, куда и как эта выставка будет возвращаться. Было уже заявление, и даже некоторые изменения внесло украинское правительство в существующие правила: всё должно вернуться в Киев, на Украину. Это непростая проблема, и я недаром упомянул положение нашего закона о музейном фонде о том, что коллекции неделимы, то есть по логике всё, что находится в музее, должно в музей и вернуться, если взято на временное хранение. Это и с моральной, и с исторической точки зрения правильно, но тут есть много разных юридических нюансов, и это задача для наших дипломатов и юристов – решить этот вопрос, не вступая в конфронтацию, чтобы решение было юридически выверенным. Мы знаем, что это непросто, но это наша задача.

В то же время мы часто получаем какие-то странные упрёки: почему-то всегда хотят сказать что-нибудь плохое и обязательно стараются привлечь внимание к Эрмитажу – в данном случае объявили, что Эрмитаж хочет забрать себе скифское золото. Мне пришлось официально пояснять, что никто не собирается забирать скифское золото, находящееся сейчас в Амстердаме, наоборот, мы говорим о том, что экспонаты нужно вернуть в музеи Херсонеса и Бахчисарая. Ну а когда говорят, что Эрмитаж хочет забрать картины Айвазовского из Феодосии, – это уж совсем смешно, потому что нужно знать, что полотна Айвазовского Эрмитаж не коллекционирует. Это всё издержки полемики, но серьёзные вопросы, которые нужно решать вместе и политикам, и дипломатам, и юристам, и деятелям культуры, на самом деле существуют. И конечно, надо понимать, что политика политикой, собственность собственностью, но есть ещё культура, и законы культуры предполагают, что экспонаты крымских музеев должны оставаться в Крыму.

Напомню, какова политика Большого Эрмитажа. Мы разработали концепцию динамичного развития музея, которая позволяет делать доступными все его коллекции. Коллекции у нас огромные, и просто выставить их все полностью, как в любом другом большом музее, невозможно: никто не сможет пройти сотни километров по галереям, где столько экспонатов. Эрмитаж предлагает многоступенчатую модель для решения проблемы, которая исходит из устройства города. Посмотрите, как выглядит музей в центре города: это наш проект Дворцовой площади. Эрмитажу сейчас передано Восточное крыло здания Главного штаба, это будет центром входной зоны в Эрмитаж, и здесь стрелочки показывают, как люди будут входить, выходить, Дворцовая площадь становится форумом, центром общественной жизни Петербурга.

А вот Триумфальная арка Главного штаба, она тоже передана Эрмитажу. Александровская колонна тоже является теперь экспонатом Эрмитажа. Отсюда виден Александровский зал Эрмитажа, который посвящён войне 1812 года: тут портрет Александра I, европейское серебро. Дальше идут Военная галерея, Большой тронный зал; надгробие Александра Невского вписывается, я бы сказал, в военно-государственную линию – Александр I, Александр II, – оно всё украшено рельефами, изображающими битвы и сражения с участием Александра Невского. Рядом Зимний дворец Петра I, где была его токарная мастерская, – сейчас здесь находится восковая фигура Петра. Зимний дворец частично восстановлен после раскопок под зданием Эрмитажного театра, а Эрмитажный театр был построен для Екатерины II, где она ставила свои первые пьесы и оперы, для которых сама писала либретто.

Экспонаты нашего музея – государственная память, которую хранит Эрмитаж, как и другие музеи России, какие-то в большей степени, какие-то в меньшей. Они сохраняют государственную память, они влияют на мир, и здесь возникает вопрос о физике культуры, в отличие от метафизики. Государ-

ственная политика в сфере культуры – очень важная вещь: государственная политика не есть стратегия развития культуры, государственная политика – это то, что государство может, должно, хочет делать в сфере культуры, для того чтобы в целом культура процветала.

Культура является конкурентным преимуществом каждой страны и каждой нации, и задача государства, как мне представляется, – сохранять это конкурентное преимущество. Это абсолютно не означает, что всё должно быть по полочкам разложено, важно другое: государство должно создавать условия для того, чтобы если не все цветы расцветали, то хотя бы все хорошие цветы, но государство в свою очередь имеет право ожидать от культуры участия в государственной политике, в воспитании людей, в создании более высокого качества жизни и всего того, что может создавать культура, и очень важно, чтобы мы эти вещи не путали, понимали, что есть и то, и другое.

Сейчас мы готовим заседание по вопросу государственной политики в области культуры, и мне кажется, здесь нельзя упустить одну очень важную вещь: государство должно забыть манеру быть меценатом культуры, таким её помощником, который с барского плеча что-то выделяет, государство должно инвестировать в культуру – это XXI век, и большая часть индустрий, приносящих деньги, связана с культурой, с тем или иным типом культуры, и значит, государство инвестирует в будущее страны, в будущее культуры, и это уже совсем другая ситуация.

Говоря о государственной политике, считаю важным заметить, что необходимо соблюдать автономию территории культуры, хотя это может вызывать идиосинкразию у многих. Культура – это особая территория, у неё есть свои права, их можно описать: в музее можно делать то, что нельзя делать на улице, и нельзя делать то, что можно делать на улице. Культура доступна, но эта доступность не примитивна: можно открыть двери, но всё равно трогать руками в музее ничего нельзя – это всем понятно, и это распространяется и на многие другие вещи.

Государство должно – лучше всего, чтобы это так и было, – создавать гарантии для культуры. Например, постоянно идёт речь о такой очень простой вещи: музейные коллекции должны быть доступны, их нужно вывозить в разные концы России – да, это абсолютно правильно, но невозможно вывозить никакие коллекции, пока за это нужно будет платить коммерческую страховку. Мы, видимо, единственная страна в мире, в которой нет государственных гарантий страхования, мы упираемся в совершенно жуткое сопротивление страховых компаний, хотя уже много лет пытаемся этого добиться. Казалось бы, всё очень просто, так во всём мире делается: государство гарантирует и, если наступает страховой случай, платит, хотя чаще всего, как правило, ничего не происходит. Нет, ну представьте, какое коммерческое страхование на территории России сегодня, сколько может стоить страхование выставки, которая едет на Дальний Восток, во Владивосток или в Омск, где мы планируем создавать наши центры?! В каждой газете пишут, если едет выставка, например, в Саратов: золота столько-то, серебра столько-то, едет сухопутным путём, общая страховая сумма такая-то – гласность, тендеры, всё объявляется. Вот вам целый набор таких вещей, которые могли бы дать возможность сделать так, чтобы культура процветала, а если культура процветает, она может быть для государства мягкой воспитывающей силой, только для этого должно быть действительно многое сделано.

Сейчас мы вернёмся опять к Эрмитажу, как бы пройдем по нему и посмотрим, что сегодня делается в Эрмитаже, которому в этом году 250 лет – 250 лет!

В центре шесть больших строек. Запасной дом Зимнего дворца, рядом с Эрмитажным театром, – здесь будут находиться лаборатории, мастерские и хранилища. Вот Малый Эрмитаж, где находится Висячий сад, недавно нами отреставрированный. У нас родилась когда-то идея, поддержанная нашим коллегой Ремом Колхасом, замечательным архитектором, который много лет работает с Эрмитажем, открыть для посетителей проход

к Неве вдоль Малого Эрмитажа, где внизу, под Висячим садом, находятся бывшие конюшни и бывший Манеж. Мы построили открытые фондохранилища, перевезли туда всё, что было, и здесь будет выставочный зал с отдельным входом с Дворцовой площади – видите, как это всё будет красиво! Предполагается, что зал будет работать по своей внутренней программе выставок. Выставки бывают разные, одно дело – выставки эрмитажных коллекций как научные отчёты, другое дело – привозные выставки, которые размещаются в интерьерах Зимнего дворца, третье дело – выставки в своих собственных, постоянных, привычных интерьерах, по своей программе, и вот здесь будет именно так – это будет публичное пространство, соединённое с площадью. Основная идея развития Эрмитажа к его 250-летию – это максимальная открытость: все двери будут открыты, будет открыта библиотека, то есть максимальная открытость городскому пространству.

Меншиковский дворец – это тоже один из филиалов Эрмитажа, символ русско-голландских связей. Здесь лучшая коллекция изразцов, причём бóльшая часть их сохранилась с петровских времён. Одна из задач, которые стояли и стоят перед нами, – рассказать историческую правду, но не просто сказать, что вот это, мол, враньё, а вот это – правда, поскольку бóльшая часть того, что сказано о Меншикове, – это враньё либо преувеличение: и вор, и жулик, и мерзавец, и дворец свой построил так, что отодвинул в сторону здание Двенадцати коллегий... На самом деле Меншиков – один из лучших военачальников России, человек с типично русской судьбой: он взлетел вверх и упал – был полностью лишён званий, наград и имущества, закончил жизнь в ссылке. Мы пытаемся рассказать, каким он был на самом деле, и когда человек попадает в его дворец и видит, с одной стороны, тогдашнюю роскошь, с другой стороны – скромность, видит его кабинет, его портрет работы Растрелли (есть его же портрет Петра I), он невольно задумывается о прошлом, об истории. Это и есть задача музея – не внушить какую-

либо правильную идею, а заставить людей начать думать в правильном направлении: нашей стране нужны сложные люди, которые и мыслят сложно, и музей пытается работать в этом направлении.

Вот портреты Петра I и Меншикова, эти портреты висели рядом на нашей выставке в Амстердаме. Это ещё одна функция музея – рассказывать о нашей культуре за границей. Филиал Большого Эрмитажа за рубежом – выставочный центр "Эрмитаж-Амстердам", и выставка, которая там организована, не просто достаточно откровенно рассказывает о Петре, а поддерживает те добрые связи, которые ещё Петром были заложены. Это удивительная вещь: голландцы, в том числе амстердамцы, любят Россию из-за Петра I. У них есть много поводов и не любить Россию: голландцы воевали в составе немецких войск под Ленинградом, всё это было, но есть ощущение, что Амстердам и Петербург связаны Петром I, и значительную, важную роль здесь играет музей. Отмечу, что и королева Нидерландов посетила эту выставку.

"Эрмитаж-Амстердам" находится в здании Амстелхоф, которое является памятником архитектуры, но тем не менее там разрешили открыть наш филиал, потому что там всё связано с Петром I, даже отпечаток руки Петра там есть, висит мемориальная доска на стене. В Амстелхофе был дом для престарелых, но было решено перевести его за город, и был объявлен конкурс, как использовать здание, мы его выиграли, и теперь там расположен выставочный центр "Эрмитаж-Амстердам".

Вернёмся к Меншиковскому дворцу. Его реставрация – первый наш подарок посетителям к 250-летию Эрмитажа. Из этого здания выселили, хотя, в общем, зря, наверное, военно-морской музей, но уж раз выселили, раз объявили конкурс и наши предложения оказались лучшими, то есть конкурс мы выиграли, мы решили, что лучше всего открыть здесь музей государственной символики и наград из собрания Эрмитажа, сделать его церемониальным местом. Предполагается, что в этих громадных залах

будут проходить разные государственные церемонии, парады, награждения – всё, что может в таком месте, связанном с государственной символикой, происходить, а вокруг будут залы, где будет полная выставка всех российских наград, где будет отражена история российского герба, будут картины с изображением батальных сцен. При этом мы договорились, что ряд музеев Петербурга и российских архивов будут иметь возможность размещать в этих залах свои экспозиции, связанные с государственной символикой. Но символика – одно, другое дело – универсальный музей, энциклопедический музей, каким является Эрмитаж: он прославляет русскую государственность и одновременно рассматривает русскую государственность в мировом контексте, что делает нас всех одновременно и гордыми, и смиренными.

Продолжаем наше воображаемое путешествие.

Это древнейший ковёр в мире, скифский, IV век до нашей эры, найден в Пазырыкских курганах. На втором древнейшем ковре – изображение оленя, который стал символом Эрмитажа. Раньше считали, что это летящий олень, но наука развивается, и теперь мы понимаем, что это олень стреноженный, которого приносят в жертву; раньше считали, что он помещался на щите, теперь мы знаем, что он помещался на горите – деревянном футляре для лука и стрел.

Эта знаменитая пантера тоже скифская.

Это самая древняя татуировка, она украшала тела скифских воинов, мумии которых были найдены в Пазырыке.

Это раскопки государства Урарту, древнейшего государства на территории Закавказья.

Это знаменитый Перещепинский клад – клад тюркского воина, вождя, который царствовал в южнорусских степях и ходил походами именно на Византию.

Сейчас в Амстердаме проходит большая выставка "Экспедиция. Шёлковый путь. Шедевры Эрмитажа": фрески из древних городов Средней Азии, добытые нашими археологами,

камень Чингиза, в надписи на котором упоминается его племянник, победивший в соревновании по стрельбе.

Это наша экспозиция буддийского искусства, она открыта только что: здесь мандала в виде скульптурки, не в виде изображения, а в виде скульптурки.

Музей – это всегда история, история того, что и как происходило. До января этого года работала выставка к 150-летию со дня рождения академика Ольденбурга. Вот портрет Сергея Фёдоровича Ольденбурга, его дневники, личные вещи, его портфель неперменного секретаря Академии наук. Портфель находится в экспозиции, посвящённой древностям Центральной Азии, потому что учёный организовал десятки археологических экспедиций, в ходе которых были добыты вот эти замечательные фрески, эти центральноазиатские древности. Кроме того, Сергей Фёдорович Ольденбург был основателем партии кадетов, членом Временного правительства и в течение примерно двадцати лет, десять лет до революции и десять лет после неё, занимал должность неперменного секретаря Академии наук. После революции он сумел сохранить Академию наук, выработать систему компромиссов с новыми властями, которые хотели уничтожить академию, и даже усилил её роль и значение, сохранив автономию и внутреннюю независимость Академии наук.

Замечательные иранские, центральноазиатские серебряные блюда – это иллюстрации к Книге Иисуса Навина о взятии Иерихона: войска израильтян трубят в трубы, шпионка выглядывает из окошечка...

У нас лучшие коллекции античного искусства в мире: этруски; арабы в Испании; перстень Шах Джохана, великого могола, правителя Индии; буддийские фрески из Туркестана; одно из самых лучших произведений ювелирного искусства ацтеков – колокольчик, его купил один из Строгановых ещё в середине XIX века, и из ацтекских вещей это самая лучшая (их сохранилось на самом деле очень немного, всё переплави-

ли испанцы, поэтому у нас всё время просят его разные музеи, например Метрополитен-музей, но мы его не вывозим); китайские филигранные; русские фрески из Пскова; "Жертвоприношение Авраама" Рембрандта; византийские иконы, привезённые с горы Афон, где они были брошены.

Европейское искусство тоже широко представлено, от икон до настоящей живописи. Вот изумительная картина "Благовещение" Чима де Конельяно, её каждый видит, как только входит в зал итальянского Ренессанса. Несколько лет мы реставрировали эту картину, и вот теперь она предстала в такой изумительной красоте.

Я хотел бы остановиться на том, что я назвал бы экологией культуры, – как культура встраивается в окружающую среду. Я сейчас не говорю о тех, кто любит культуру и знает её, – отношение к культуре бывает разное, и бывает, культура вызывает раздражение. Знаменитое "Когда слышу слово "культура", я хватаюсь за пистолет" – достаточно утрированное высказывание, но тем не менее многих людей во всех странах мира культура раздражает – она мешает устоявшемуся образу жизни, потому что культура всегда нестандартна, всегда вносит беспокойство в жизнь, литература и живопись всегда немножко будоражат. Это один тип отношения к культуре.

Существует и другое отношение – пренебрежительное: подумаешь, культура! Вот, например, в последнее время достаточно часто можно услышать такое слово, как "актёришка", и мы видим, что пренебрежительное отношение существует не только к молодым актёрам, но и к пожилым, даже на телевидении. Или вот говорят "музейные крысы" – это презрение к музейщикам: они якобы непонятно что делают, что-то там берегут, и, наверное, плохо берегут, раз денег получают мало, и из этого делается вывод, что раз вообще-то это ценные вещи, то надо, чтобы ими занимались другие люди.

Есть и третий тип отношения к культуре – потребительское: вот мне бы повесить на стенку картину, а мне бы то-то

и то-то, – и за этим стоит очень много событий в сфере культуры, например то, что мы называем рейдерскими захватами, а также попытки часть музейных коллекций отправить на антикварный рынок для продажи. Тут недавно в связи с разными экспертизами, с событиями на художественном рынке услышал очень характерную фразу: "У нас денег много – картин мало". Действительно, денег в стране много, а искусства мало, поэтому музеи кажутся таким местом, откуда можно что-нибудь забрать, ведь в музее все экспонаты абсолютно надёжные, их хоят и лелеют.

Вот другие образцы нашей реставрации, хранящиеся в Зимнем дворце, – сионская икона XIV века "Мадонна с младенцем на троне".

А вот ещё шедевр – "Бегство в Египет", это ранний Тициан, тоже много лет был на реставрации, это, может быть, самая ранняя его картина, она упоминается у Вазари. Это блестящий образец традиционного северного пейзажа в итальянском искусстве, в основной сцене – венецианские одежды. Реставрировали долго, но сделали, что хотели, – никогда не надо слишком бояться! Вазари считал, да и у нас всегда считалось, что это полотно Тициана, хотя были сомнения: может, да, а может, нет. Что сделал Эрмитаж? Мы его отреставрировали и, как только показали в Эрмитаже, сначала повезли на выставку в Лондон, потом в Италию, в Венецию, чтобы европейские искусствоведы, а главное – итальянцы посмотрели на картину, и в результате всё, что было сделано нашими реставраторами-учёными, получило, я считаю, высшее одобрение, и сейчас эта картина висит в первом зале. Вот такие нестандартные приёмы мы используем в нашей работе.

Здесь много отреставрированных полотен, расскажу о некоторых из них.

Картина нидерландского художника Хуго Ван Дер Гуса "Поклонение волхвов" (только что завершилась реставрация), известные "Тарквиний и Лукреций", многострадальная "Даная"

Рубенса и лучшая наша картина на сегодняшний день – "Возвращение блудного сына" Рембрандта. Я говорю "на сегодняшний день", потому что меняются вкусы и даже понимание того, что самое лучшее в Эрмитаже. Например, сейчас никто не скажет, что у нас самые лучшие полотна Леонардо, как это ещё недавно считалось, а скажут, что лучшее в Эрмитаже – это Рубенс, Рембрандт и Матисс, пройдёт некоторое время – назовут Пикассо или ещё кого-то: вкусы меняются, и мы не всегда это замечаем.

Прекрасная картина – "Экстаз Святой Терезы" Джованни Бернини.

Эль Греко у нас немного, но главное – "Апостолы Пётр и Павел", замечательная картина! Здесь изображён тот самый момент, когда Павел произносит: "Нет ни иудея, ни эллина", то есть ругает Петра за то, что тот не проявил достаточного интернационализма, – это стало, может быть, самой главной фразой в христианстве.

Картина "На паруснике" замечательного германского художника Каспара Давида Фридриха. Его пейзажи, полотна купал Николай I, по своему вкусу или по вкусу Жуковского, после чего картины раскупались везде. В Эрмитаже образовалась лучшая в мире после Германии коллекция Фридриха, потому что наши усмотрели его достоинства раньше, чем остальной мир.

Скульптор Канова – это художник, искусство которого считали слишком классицистичным ещё двадцать лет, тридцать лет назад, но сейчас опять вокруг него полные восторги. Его "Три грации" – гимн однополю любви, как вы понимаете, и можно это теперь показывать в Эрмитаже или нет, я не знаю, но пока показываем.

Жан-Леон Жером, "Бассейн в гареме". Этот французский художник изображал восточную жизнь совершенно неправильно, потому что ни в каких гаремах вот так, обнажёнными, женщины не лежали, но картина очень эротичная. Её у нас украли в 2001 году, несколько лет мы её не могли найти, и здесь опять

спасибо Государственной Думе, совершенно конкретным людям. В январе 2007 года кто-то позвонил из метро в приёмную фракции КПРФ и сказал, что у него есть картина, которую он хотел бы передать им, и я очень благодарен тем людям в приёмной руководителя фракции, которые не стали вызывать милицию, не испугались спуститься в метро, взять пакет и открыть его, потому что если бы рядом была милиция, никто бы ничего не отдал, – и оказалось, что это картина, свёрнутая вчетверо. Она была в ужасном состоянии: видимо, её таскали всюду и не могли, конечно, продать – ведь продать её невозможно. Картину передали нам, была большая, долгая реставрация, и теперь её можно увидеть, так что спасибо большое Государственной Думе и Геннадию Андреевичу Зюганову лично!

Иногда говорят, что Эрмитаж собрал замечательную коллекцию современного искусства. У нас много лучших картин XX века, самые главные – это "Танец" Матисса, полотна Пикассо, разумеется, а также "Композиция VI" ("Потоп") Кандинского, "Чёрный квадрат" Малевича, "Красный вагон" Ильи Кабакова.

Ещё один спор о современном искусстве: дело в том, что в ближайшее время у нас пройдёт выставка европейского современного искусства "Манифеста", многим это не нравится, идут споры, зачем нам нужно такое современное искусство.

Скульптура "Венера Таврическая" – один из великих шедевров Эрмитажа. Пётр I не просто привёз её – он заставил Папу Римского подарить ему эту замечательную скульптуру, эллинистическую копию Афродиты Книдской, может быть, самой знаменитой античной скульптуры. Пётр I привёз её в Россию, и это стало символом настоящей духовной революции, ведь Россия не знала, во-первых, трёхмерного скульптурного изображения, во-вторых, изображения обнажённого тела женщины, и, в-третьих, это была языческая богиня, то есть большего плевок традиционному укладу, вкусу трудно было придумать, что там сбривать бороды – чепуха! Её выставляли в Летнем саду, в гроте, где на всякий случай её охраняли гвардейцы,

и Пётр заставлял приходиться смотреть на неё – прививал вкус к искусству.

А недалеко от этой скульптуры стоят "Паук" и "Маман" американского скульптора Луизы Буржуа, на самом деле это фантазии на тему античной скульптуры Дианы Эфесской, – вот так мы вводим в залы современное искусство наряду с античным.

Наш музей, как любое другое учреждение культуры, с одной стороны, очень демократичная организация, открытая для всех, и люди из разных слоёв общества, разного уровня воспитания обязательно найдут для себя что-то в музее, но при этом мы постоянно настаиваем на том, что музей должен рассказывать о сложных вещах, так что, если вы получили удовольствие от чего-то, это не значит, что вы всё поняли и что мы всем всё показываем, то есть доступность у нас сочетается с отбором посетителей. Как мы отбираем? Конечно, каждый может прийти в наш музей, но в Эрмитаже есть социальная программа – бесплатные билеты для тех, кого мы особенно хотим видеть и кому, как мы считаем, не так легко прийти в музей: это дети любой национальности, студенты любой национальности и отечественные пенсионеры, все остальные могут купить билеты. Но это не означает, что все остальные нам не нужны – все нужны, просто мы стараемся сделать так, чтобы молодые, те, кому ещё только предстоит всё увидеть, узнать, те, кто ещё может воспитать в себе хороший вкус, и те, кто уже доказал свою любовь к искусству, любовь к музею, любовь к культуре, преданность культуре, могли приходиться и видеть подлинные произведения искусства.

И здесь мы переходим ещё к одной важной стороне вопроса – к подлинности музейного экспоната. Мы живём в виртуальном мире, телевизор – это картинка, которую нам показывают, а в музее подлинные вещи, можно подойти посмотреть, почитать, ещё раз посмотреть и понять, как сложен мир и как важно то, что у нас есть музеи. Музейные коллекции должны быть при этом, конечно, неприкосновенны, их надо всячески

оберегать, охранять от всяких переделов и возможных посягательств, хотя ситуации могут быть очень сложные – как в Крыму, например, о чём я уже говорил.

Продолжаем нашу экскурсию.

Это здание Восточного крыла Главного штаба, здесь располагается выставка современного японского искусства.

Выставка "Утопия и реальность. Эль Лисицкий, Илья и Эмилия Кабаковы" – тоже современное искусство, это наша гордость; а это выставка экспрессионистов из Вены.

Главный штаб, Новый Эрмитаж, Зимний дворец, дворцовые залы – всё это просто нельзя не упомянуть. Вот, например, единственная надпись, которая осталась на оконном стекле Зимнего дворца (их было много): "Ники смотрит на гусар" – это Александра Фёдоровна написала, они любили писать на стекле, такая была традиция (Ники – это Николай II).

Очень важный символ Эрмитажа – Советская лестница. Она всегда называлась Советской, потому что ведёт в зал заседаний Государственного Совета Российской Империи. До советской власти, при советской власти и после советской власти название не меняли, и это тоже подтверждение того, о чём я говорил: культура – между прошлым и будущим, она и на прошлое, и на будущее ориентирована, и в этом наша выставочная политика.

В Восточном крыле Главного штаба находится "Красный вагон" Ильи Кабакова, подаренный нам им самим. На самом деле на свете много меценатов, но самые лучшие меценаты – художники: "Красный вагон" стоит не менее 5 миллионов долларов, другие меценаты обычно дарят на меньшие суммы.

Здесь большая лестница, которая превращается в амфитеатр, где у нас постоянно идут концерты и проходят выставки, – здесь были выставлены громадные античные скульптуры из Геркуланума, здесь же будет выставка "Манифеста", к концу года сюда переедут многие коллекции XIX века. Вот там большая лестница, а здесь маленькая, и здесь уже висит Кандинский.

"Бронзовый век. Европа без границ" – громадная выставка, которую мы организовали вместе с нашими германскими коллегами и в которую включили экспонаты из российских музеев, из германских музеев и те, которые когда-то хранились в германских музеях, а после войны были перемещены в Россию и по поводу которых существуют, скажем так, разные точки зрения. Пусть об этом спорят политики, но мы с нашими коллегами решили, что организуем совместную выставку, которая станет триумфом музейного сотрудничества. На её открытие пришли канцлер Германии Ангела Меркель и президент России Владимир Путин, и, хотя многие хотели помешать этому, с тем чтобы не освещать такой вот музейно-культурный компромисс, который многим политикам не нравится, но они пришли и сказали очень важную для нас вещь: у всех есть свои точки зрения на судьбы вещей и на то, кому принадлежат те или иные произведения искусства, но музейщики показывают пример политикам, что надо делать со спорными проблемами.

В Эрмитаже только что открылась выставка самого знаменитого сейчас германского художника "Маркус Люперц: символы и метаморфозы". Это самый экстравагантный классик современного искусства, он вполне колоритен и сам по себе.

В этом зале у нас сошлись эпохи: и новое искусство, современное, и древнее. Приведу пример музейного преобразования древностей: в Эрмитаже хранится знаменитая серебряная Чертомлыкская ваза, изображающая образ мира в представлении скифов, а на Императорском фарфоровом заводе, музей которого тоже является частью Эрмитажа, была сделана её фарфоровая реплика, которая тоже выставлена в Эрмитаже, – вот так культурное наследие осваивается самыми разными способами, в самых разных образах и формах, чтобы стать достоянием самых разных людей.

Мы завершаем строительство громадного открытого фондохранилища, где будут показаны все экспонаты Эрмитажа, примерно 80 процентов их будет экспонироваться, они будут

доступны всем. У нас работают новые реставрационные мастерские, мастерская по ремонту карет и мебели. Мы открыли несколько кружков для детей, начинаем строить новую библиотеку там же, в "Старой деревне", где фондохранилище. Филиалы – эрмитажные центры разбросаны по всему миру: Лондон, Лас-Вегас, Феррара, Амстердам, планируем открыть также в Барселоне, в Вильнюсе, в Калининграде. Филиалы Эрмитажа есть в Казани – в Казанском кремле, в Выборге, в Омске, а вот будущие здания Эрмитажа – во Владивостоке, в Екатеринбурге.

Вот вкратце то, что я хотел рассказать обо всём, что сейчас происходит в Эрмитаже. Спасибо за внимание.

**Лекция члена Совета при Президенте
Российской Федерации по развитию гражданского
общества и правам человека**

Д. Б. Дондурей

7 апреля 2014 года

Добрый день, уважаемые депутаты Государственной Думы, дорогие друзья! Я выбрал тему, которая мне кажется чрезвычайно важной, хотя она практически не является предметом исследования в нашей стране, и постараюсь изложить свои тезисы, аргументы. Тема формулируется просто – "Культура сильнее экономики".

Я бы хотел отметить, что в последнее столетие особенно активно шёл процесс расширения представлений о культуре,

постепенно традиционные взгляды на культуру менялись, и появились многочисленные попытки объяснить какие-то частные проблемы, существующие в рамках культуры; например, в конце 70-х годов XX века в США вышло несколько книг, посвящённых исследованию понятия "культура", которое активно стало использоваться с конца XVIII века. Это расширение представлений о культуре, самого понятия "культура" постоянно сопровождалось появлением новых жизненных и художественных практик. Но сегодня я не буду говорить о последовательности этих изменений, скажу лишь о значимости тех тенденций, которые стояли за новым пониманием культуры.

Прежде всего нужно отметить появление массового общества, о котором впервые написал Ортега-и-Гассет, оно форми-

ровалось в 20–60-е годы XX века: подавляющее большинство населения переехало в города, люди стали работать примерно по восемь часов в день, появился доступ к образованию, к высшему образованию (кстати, Россия сегодня – мировой лидер и по количеству студентов, и по количеству людей, имеющих высшее образование), у людей стало больше свободного времени, у них появилась возможность тратить деньги на свой досуг в различных формах, от посещения учреждений культуры, посещения ресторанов до туризма и так далее. И конечно же, революцией в послевоенное время стало появление телевидения (об этом я потом подробнее скажу). То есть произошли существенные сдвиги, связанные с появлением массового общества и массовой культуры, и эксперты осознали, что массовая культура не похожа на традиционное искусство – у неё другие законы, другие принципы, здесь другой масштаб денег, другие процессы, и процессы очень интенсивные, связанные с тем, что появились люди, способные приносить многие-многие миллиарды долларов. То есть всё изменилось по сравнению с дворянской культурой и другими формами аристократической культуры, которые существовали на протяжении тысячелетий до появления массового общества.

Вот вы же никогда не подумали бы, вам просто в голову не пришло бы, что одним из главных инвесторов, вкладывающих деньги в российскую культуру, как и в других странах мира, сегодня являются студенты и школьники! А знаете ли вы, что 1 миллиард 350 миллионов долларов, которые заработал наш кинематограф в прошлом году (мы восьмая страна в мире по кассовым сборам), – это деньги, которые принесли школьники и молодые люди от 12 до 26 лет, и более семи билетов из каждых десяти купили женщины? Это что значит? Это значит, что миллиард долларов принесли девочки-студентки и школьницы. Тут возникает много серьёзных вопросов: откуда взялся этот миллиард долларов, почему они не понесли деньги в рестораны и кафе и так далее. Это первый процесс в развитии культуры – появление массовой культуры.

Второй процесс – это рождение авангарда, очень серьёзного явления в истории мировой культуры. Это произошло в начале XX века. Я не буду говорить о деталях, но скажу, что появились такие великие фигуры, как Малевич со своим "Чёрным квадратом", Дюшан со своим перевёрнутым писсуаром, Поллок со своим абстрактным экспрессионизмом и так далее. Чуть позже, уже после Второй мировой войны, появилась авангардная постмодернистская культура, которая сегодня очень многое диктует в целом ряде видов художественной культуры, в первую очередь в таких, как, например, современное изобразительное искусство или артхаус-кино (хотя в данном случае трудно говорить о противостоянии американскому кинематографу, который контролирует примерно два из каждых трёх билетов, продающихся в мире; исключение – Китай, который не участвует в этом, хотя Китай сейчас по сборам вышел на второе место в мире).

Есть ещё целый ряд явлений, которые мы не совсем можем оценить: что такое инсталляция? что такое акционизм? что такое "Театр.doc"? И почему мировые выставки ориентированы на авангард, а не на массовую культуру, не на классическую культуру и так далее? Значит, культура каким-то образом трансформируется, делится, но эти процессы сегодня не вполне осознаны. Как следствие, возникает эстетическая толерантность, понимание, что есть потребительская культура, например голливудская, и есть культура художественная, авторская, независимая, например фестивальная. Знаете ли вы, что до Второй мировой войны практически никаких фестивалей не было? А сегодня проходит примерно 800 кинофестивалей – это попытка авторской мировой культуры противостоять коммерческой. Ведь какие иногда можно услышать отзывы о кино? Например, вам могут сказать: "Это потрясающий фильм – там же бюджет 50 миллионов долларов!" – однако эстетика не может быть ориентирована на финансовую оценку затрат и не может быть такого, чтобы хвалебные статьи писали только по поводу

фильмов, которые получили самые большие сборы за первый уик-энд.

Третий процесс – расширение европоцентристской модели культуры. Появились мощнейшие национальные культуры, построенные в значительной степени по другим принципам, и их стали учитывать: Япония, потом Южная Корея, сейчас Китай и многие другие страны Юго-Восточной Азии, которые развиваются гигантскими темпами, а также Латинская Америка, например Бразилия, Южная Африка и так далее. То есть европоцентристская, атлантическая модель культуры должна уже расширяться, нужно учитывать другие взгляды, нужно учитывать другие ценностные системы и иное понимание эстетических языков. Сейчас, например, можно приехать на Каннский фестиваль и услышать: "Ну о чём с тобой говорить – ты не видел фильм Вирасетакула!" Знаете, кто это? Это режиссёр из Таиланда, получивший главный приз Каннского фестиваля. И вот эти новые тенденции также отражают процесс расширения наших представлений о культуре.

Конечно же, необходимо сказать об идеологии потребления. Помните идеи первой половины XX века про пролетариат? А сейчас все фабрики из Москвы куда-то выводятся, мы уже не можем конкурировать в сфере производства, формируется средний класс – люди, которые имеют другие ценностные ориентации, другие потребительские возможности, другие модели поведения, другие способы вписаться в мировую конкуренцию и так далее.

И наконец, последнее. Появляются новые варианты использования понятия "культура", например "культура коррупции", "культура хамства", – как бы странно это ни звучало, это мощные ценностные системы. Вы думаете, почему коррупцию трудно, очень трудно победить? Потому что за этим стоит масса культурных предписаний, масса культурных кодов, масса культурных факторов! Несмотря на заявления президента и тех, кто рангом ниже его, коррупция неодолима, поскольку тут работа-

ет целый ряд феодальных матриц особого типа, определяющих, например, место чиновничества, функции чиновничества и так далее, – я не буду всё перечислять, это не моя тема сегодня, но это очень важный элемент вот такой расширяющейся галактики представлений о культуре.

Несмотря на все эти вызовы, о которых я сказал, у нас в стране сегодня действуют очень сильные ограничения в понимании культуры: в большинстве случаев термины "искусство", "культура", "художественная культура", "массовая культура", "авангардная культура", "экспериментальная культура" понимаются как синонимы, в то время как это совершенно разные типы культурного поведения, производства, потребления, распространения и так далее, совершенно разные, а у нас этой дифференциации нет. Это первое.

Второе. Из всех типов культуры у нас востребован в основном один – художественная культура. Она является у нас основным предметом исследования, в связи с этим основным предметом восприятия и власти, и самих деятелей культуры, и даже публики остаются памятники культуры, то есть, как я это называю, жизнь шедевров и гениев: действительно, прежде всего вы рассказываете, что были, например, на выставке в Третьяковской галерее или в Пушкинском музее, или, допустим, мы обсуждаем творчество Пушкина.

На мой взгляд, одна из огромных методологических драм России сегодня – это отделение культуры от всех сфер жизни, то есть культура остаётся вне экономики, международных отношений, социальных отношений, безопасности, семейных связей, межличностных связей, бытового поведения и так далее; культура – это досуг, культура – это специальные учреждения, культура – это туризм, культура – это классические произведения или произведения народного творчества и так далее, и тому подобное. Вот такое ограниченное, суженное понимание культуры, мне кажется, не позволяет нам объяснить целый ряд процессов в современном сверхсложном обществе, не позволяя-

ет понять всё то, что в последние год-два, в 2012 году и в 2013-м, стало предметом особых забот: что такое суверенное государство, что такое на самом деле патриотизм, что такое духовные скрепы, что такое традиционные ценности, что такое модели будущего, можно ли модели будущего искать в прошлом и в какой степени прошлое не отвечает за будущее – эти вопросы и целый ряд других проблем встают перед российским обществом. Например, в одном из посланий президента, в декабре 2013 года, использовалось понятие "абсолютное большинство граждан", и мне, как члену совета по развитию гражданского общества, интересно: а чем абсолютное большинство граждан отличается от гражданского общества? Рефлексий на этот счёт нет.

Таким образом, художественная культура выносится куда-то за пределы основных сфер жизни, а концептуальные и теоретические объяснения происходящего осуществляются в другом пространстве, в другом поле. Но культура (посмотрите энциклопедию) – это возделывание, воспитание, образование, развитие и почитание, связанные с определённым уровнем совершенствования общества, сил и способностей человека, что выражается в типах и формах организации жизнедеятельности людей, в материальных и духовных ценностях, – замечу: не только общества, но и человека. Редуцированное понимание культуры препятствует осознанию того, на основании чего общество развивается или, наоборот, стагнирует, на основании каких факторов. При этом все теоретики прекрасно понимают, что в будущем человечество будет конкурировать не за территорию, не за ресурсы, не за информацию, не за то, что связано с географией, с биологией и так далее, а за качество личности, то есть конкуренция с середины XXI века и далее будет в основном за качество личности.

Вы знаете, что культура – это неотъемлемая часть любого действия, неотъемлемая, потому что культура занимается программированием поведения. Программирование поведения – это очень важно: человек определённой культуры ведёт себя

одним образом и сообщество, принадлежащее этой культуре, ведёт себя таким же образом, а сообщество, принадлежащее другой культуре, владеющее другими культурными ресурсами, ведёт себя по-другому. Для того чтобы было понятно, я в своих исследованиях всегда использую четыре основных составляющих: мировоззрение, то есть культура в широком смысле, мораль, национальная ментальность и умонастроения, характерные либо для каких-то групп и сообществ, либо для какого-то определённого времени. При этом одна из драм нашего общества в том, что большие социальные группы людей живут не просто в апреле 2014 года, не просто здесь и сейчас, а в соответствии с основами культуры. Что такое "основы культуры"? Это ценности, взгляды, представления, идеалы, стереотипы, герои, архетипы и целый ряд других вещей – ментальные коды, моральные запреты и разрешения и так далее, не буду всё перечислять. Так вот большие группы россиян живут не в 2014 году, они остались в прошлом: кто-то остался в брежневском времени, кто-то – в ельцинском, а кто-то вообще живёт ещё в соответствии с элементами культуры послевоенного времени.

Итак, культура – это неотъемлемая часть проектирования будущих состояний и это понимание правил жизни, того, как наша жизнь устроена. Она ведь хитрая у нас, жизнь, очень хитрая. Почему русские люди – умные люди, как все признают? Потому что люди в России потрясающе умеют пользоваться сложными контекстами. Ни одному американскому ребёнку, особенно в период первичной социализации, до 7 лет, то есть в 6–7 лет (вторичная социализация – от 7 до 14 лет), в отличие от русских мальчиков и девочек, не придёт в голову, что можно думать одно, говорить другое, делать третье, и вот это третье может участвовать и действовать в пятидесяти разных контекстах, причём одновременно. Мы большие умельцы, наши дети прекрасно знают, как им чего-то достичь, – и это происходит в результате непосредственных коммуникаций, проистекает из культурных предписаний, из этих вот кодов, о которых я говорю.

И нужно понимать, что культура воспроизводится непрерывно, а не только когда или художник рисует, или виолончелист играет, или кинематографист что-то снимает, – она производится непрерывно в сознании каждого человека, она производится во всех обществах, и важнейшим её инструментом является язык. Вот на минувшей неделе в Высшей школе экономики – это очень важный экономический вуз в нашей стране – проходила очередная ежегодная международная конференция, в работе которой принимал участие премьер-министр, министры выступали на этом форуме, говорили, естественно, об инвестиционном климате, о рисках кредитования, о неэффективном госсекторе, о слабости правовой системы в отношении собственности, особо смелые говорили о бездарно потраченных государственных средствах (по итогам анализа самых разных служб и ведомств, включая Счётную палату, – 2,2 триллиона только в минувшем году), о негативном состоянии делового климата (вы это знаете прекрасно), об экономических стимулах и о бегстве капитала (вы знаете, что объём вывезенного капитала за первый квартал этого года почти равен объёму за весь прошлый год – это порядка 60–70 миллиардов долларов), о давлении на бизнес, об отказе от институциональных реформ (вы все молодые люди, и вы, наверное, заметили, что слово "модернизация" практически под запретом, его никто не произносит). Как известно, жизнь человека выражается в словах, люди мотивируют и программируют свою деятельность в словах, каждый существует в своей языковой, а следовательно, в культурной, смысловой зоне и так далее, так вот никто из министров (хотя я там был только один день, а конференция была четырёхдневная, я посмотрел все программы этой конференции, разных секций) не упомянул о том, что культура имеет отношение к экономике, ко всем этим вещам – скажем, к коррупции, к вывозу капитала, к недоверию бизнеса к своему государству, почему и вывозят российские бизнесмены свои капиталы. И вообще никогда ни один из ведущих эконо-

номических экспертов нашей страны не говорил о том, что для экономики очень важно мировоззрение людей, что человеческий капитал – это не только социально-демографические характеристики населения, то есть важно не только то, где живут, сколько зарабатывают, какое у них образование, сколько женщин, сколько мужчин и так далее, ведь люди живые, и, следовательно, у них есть страхи, ценности, нормы поведения, у них есть то, что называется драйвом, то есть их что-то вдохновляет, они готовы что-то делать, например создавать бизнес или закрывать его, они хотят быть бизнесменами или, как зачастую в России, не хотят ими быть... Кстати, среди нашей молодёжи за последние годы в три раза сократилось число тех, кто хочет стать бизнесменом и, наоборот, в три раза выросло число тех, кто хочет стать чиновником. Почему так? Что за этим стоит? Ведь Дума не принимала такого закона, чтобы все становились чиновниками. То есть это всё модели, мотивы поведения людей, однако они не анализируются и не учитываются.

То же было и в 2009 году, когда Правительство Российской Федерации подготовило постановление о мерах по выходу из экономического кризиса, в его подготовке участвовало шестьдесят ведомств и министерств. Я проштудировал это постановление правительства, оно было опубликовано на шести полосах в "Российской газете": там сотня пунктов, но о культуре как о важнейшем, определяющем развитие экономики феномене не было сказано ни разу, там ничего не было сказано ни о живом человеке, ни о культуре, ни о СМИ, ни и о телевидении – ни разу! Но скажите, как не учитывать телевидение?! Спросите у любого рядового социолога – каждый скажет, что среди пяти-сот занятий в нашей жизни, кроме сна (а пятьсот занятий – это всё что угодно, от ежедневной работы до вышивания мужчинами гладью), телевидение тотально на первом месте в нашей стране уже четыре года! Тотально на первом месте, тотально! Каждый человек – надеемся, что собравшиеся здесь люди чуть меньше, – проводит у телевизора 3 часа 58 минут в день, то есть

это значит, что если ребёнок детсадовского возраста недобирает до четырёх часов, значит, его бабушка смотрит телевизор 11 часов в день. Это серьёзно! Если не учитывать всего этого, то как можно заниматься проблемами социальной жизни, экономикой, как можно получить представление о людях – чем живут граждане России, о чём они думают, о чём мечтают, чего боятся?!

В последнее время я серьёзно занимаюсь социологией культуры, и меня интересует, почему исчезло понятие развития личности. Вы не знаете, но те, кто постарше, прекрасно помнят, что это был один из основных тезисов периода застоя, и, кстати, советская власть всегда уважала деятельность по развитию личности, сейчас же этого вообще нет – как такое может быть?!

Все эксперты считают, что унижительно для страны с великой культурой – а мы, безусловно, страна с великой культурой – иметь 28,7 процента несырьевого экспорта (это данные прошлого года, и это не интеллектуальные продукты, отнюдь не поставки в Южную Корею наших компьютеров, телефонов и других гаджетов) и 140-е место в мире по инвестиционному потенциалу – 140-е! По размеру экономики с учётом паритета покупательной способности мы на восьмом месте, а здесь на каких-то ужасающих, просто постыдных местах! Как это могло получиться при нашем ВВП более чем 2,2 триллиона долларов без учёта паритета покупательной способности?! А с учётом этого показателя (ну, кое-что у нас дешевле, например, квартплата ниже, чем у других, несмотря на то что это стало чуть ли не второй по значимости проблемой для граждан) мы приближаемся к 3 триллионам по объёму ВВП, то есть у нас очень состоятельная страна, – и тем не менее мы занимаем первое место в мире по количеству убийств молодых людей 14–29 лет (15,8 случая на 100 тысяч человек), первое место в Европе по суицидам в возрасте 14–25 лет, первое место в Европе по разводам (53 брака из ста в последние годы распадается), одно из первых мест в мире по смертности мужчин до 60 лет, первое место в Ев-

ропе по абортам, первое место по употреблению героина, первое место в Европе по количеству курильщиков, ну, правда, и первое место по числу нерабочих дней, дней отдыха. Это, по-моему, печальные данные (за исключением последнего показателя), это очень серьёзно, и экономисты должны были бы обратить на это внимание, или политики, или депутаты Государственной Думы – кто же ещё? Богатая, мощная страна, пусть на сырьевых ресурсах, пусть, это в данном случае неважно (хотя вообще это очень важно!), – и такие ужасающие данные! Ну, например, те же самые суициды в 14–25 лет – ведь любому понятно, что это связано не только с болезнями (болезни есть во всём мире), но и с построением моделей будущего: дети не получают необходимого им кислорода, которым является представление о будущем и о правильном поведении в жизни, и поэтому любое столкновение с трудностями может привести к такому исходу.

Теперь хотя бы коротко о других вещах. Вот я задавал себе вопрос: а почему, например, мы не гордимся тем, что произошло в стране после 1 января 1992 года? Нет ощущения, что молодые люди или люди более старшего возраста понимают, что, видимо, что-то произошло и что мы живём теперь в другой стране. Да, у нас другая Конституция с осени 1993 года, и зарплата, вернее, доходы (слово "зарплата" – из советского прошлого) только за последние 14 лет выросли в 7,5 раза, а всего доходы населения выросли в 11 раз, это разница между средними доходами в 1991 году, когда люди... ну, вы не помните, но, в общем, было несладко, и нынешними доходами, в 2013 году. Количество автомобилей в частной собственности на 1 января 1992 года – 7,5 миллиона, а сегодня – более 40 миллионов, порядка 41–43 миллионов. 43 миллиона вместо 7,5 миллиона – и это за небольшое время!

Или, например, у жителей нашей страны сегодня 17 миллионов зарубежных паспортов – 17 миллионов! Несоциолог скажет, что просто одни и те же люди, которых немного, ездят сто раз в год, но это не так: в прошлом году было всего 19 миллионов поездок, из них только туристических – около 9 мил-

лионов, то есть ездят разные люди, а не один человек съездил сто раз, и это примерно в 80 раз больше, чем было в последние годы советского периода. Но кто об этом рассказывает, кто этим гордится? И кто думает, что именно за этим стоит – какие деньги, какие усилия? И кто говорит о новой картине мира, о новых возможностях? Да, конечно, это коснулось определённой части людей, но тем не менее изменилось многое, теперь совершенно другие масштабы возможностей. Ну а что в результате? 71 процент россиян готовы попрощаться (это данные марта этого года) с демократией и личными свободами, то есть со свободой слова, свободой печати, свободой вероисповедания, с митингами и так далее ради сохранения порядка, сохранения стабильности. По данным Фонда общественного мнения, 72 процента граждан нашей страны сказали (тоже данные марта этого года, новейшие данные), что при обсуждении общественно важных проблем допустимо замалчивать информацию, которая невыгодна государству (72 процента – это очень много!), 54 процента граждан считают, что можно даже вообще исказить информацию в интересах государства, а большинство наших граждан (это данные конца прошлого года) согласны на цензуру. Всё это очень важная информация, потому что это ведь свидетельствует об определённом понимании жизни, о какой-то модели жизни. Я хотел, когда мы встречались с президентом, сказать ему об этом, но потом решил, что мои коллеги из совета по правам человека подумают, что это всё теория, да и культурологи и эстетика тоже думают, что всё, что я говорю, – это какая-то теория, а нужны конкретные дела, например, нужно деньги выбить для Омского драматического театра, нужно добиться увеличения финансирования производства российских фильмов и так далее, только они не понимают, что за всем этим стоит, не понимают, что это будут выброшенные деньги!

25 процентов граждан нашей страны (это исследование октября 2013 года, до украинских событий, о которых я сейчас специально не говорю) считают, что Россия после 1991 года по-

шла по правильному пути, 44 процента – что она пошла по неправильному пути, а 30 процентов считают, что путь, избранный путь после распада СССР, с декабря 1991 года, – это настоящая трагедия.

Таким образом, три человека из четырёх считают, что рыночная система хозяйствования, многопартийное устройство политической жизни, тип социального уклада, бесконечные виды свободы и так далее – это... ну, этим можно пожертвовать ради порядка, а порядок воспринимается как гарантированная зарплата и гарантированные пенсии. Это же серьёзные сдвиги в головах людей! Вот исследователи предлагали людям указать, к кому из восьми правителей XX века, от Николая II до президента Путина (Путин в этот список не был включён), у них отрицательное отношение, а к кому – положительное, и ответы были следующие: самое положительное отношение – к Брежневу, а к Горбачёву самое отрицательное отношение (хуже изверга не было в XX веке, чем Горбачёв!) – 64 процента граждан Российской Федерации негативно относятся к правлению Горбачёва, хотя к Сталину негативно относятся всего 38 процентов. За этим стоят модели жизни, модели поведения, ценности – что важно, что не важно, какой ты хочешь видеть Родину, как ты представляешь её будущее и так далее, и тому подобное.

Эти вещи, на мой взгляд, напрямую связаны, ну, например, с эффективностью экономики или, например, с тем, по поводу чего сегодня переживают все люди, ответственные за экономику, абсолютно все, – речь идёт о вывозе капитала из России. Когда мы слышим слова министра Улюкаева о том, что если вывоз капитала останется на уровне 70–100 миллиардов, то у нас будет 0,6 процента рост ВВП, а если будет вывезено 100–150 миллиардов, то будет минус 1,5–1,8 процента ВВП, нам кажется, что это имеет отношение только к деньгам, только к каким-то экономическим процессам и что нужно использовать некие финансовые механизмы, чтобы что-то затормозить, развернуть и так далее, – никто не связывает это с культурой, никто не свя-

зывает это с представлениями людей о рисках, о доверии, с их надеждами и так далее.

Кстати, знаете ли вы (и это тоже данные, которые повторяются уже несколько лет), что мы – одна из тех стран Европы, где большой процент людей не доверяют друг другу? 64 процента граждан не считают, что нужно доверять людям безоглядно, они считают, что нужно поступать по нашей поговорке: доверяй, но проверяй, то есть нужно с большой трезвостью относиться к доверию, а 59 процентов считают, что вообще никому нельзя доверять, кроме членов собственной семьи. Это следствие того, что вы видите вокруг. Если, например, вы войдете в метро, то увидите, что за турникетами сейчас стоят три-четыре охранника. Вы также знаете, что часто, когда выходишь из вагона метро, люди не ждут, пока ты выйдешь, а торопятся сразу же войти. Что это значит? Это значит, что нет подсознательной культурной кооперации, нет установки на сотрудничество. Всё это очень важно и для большого бизнеса. Из журнала "Форбс" мы знаем, что доходы 650 человек больше, чем доходы всех граждан страны, и это работает на уровне подсознания каждого из нас: нет доверия – нет и денег, нет сотрудничества, нет взаимодействия. И тогда становится понятно, почему решение по поводу ареста гринписовцев в Мурманске не работает на укрепление мира и на выполнение обязательств по международной конвенции, в которой участвует Россия, – оно может повлиять на наши отношения с Европой, ведь у нас обмен с Европой – миллиард долларов в день, и это затрагивает вопросы кооперации и сотрудничества: да, мы показываем, какая мы великая страна, мы демонстрируем, что не дадим никого в обиду, но мы не думаем о том, что вследствие этого решения по крайней мере десятки миллиардов долларов не будут ввезены в Россию, а ведь раз мы участвуем в международном разделении труда, раз мы хотим продавать свои нефть и газ, для нас это важно!

Например, я никогда не слышал, чтобы мы обсуждали вопрос о том, что производительность труда в России в 4 раза

ниже, чем в Норвегии, в 3 раза ниже, чем в США, и в 2,5 раза ниже, чем в Германии и в некоторых других странах Европы. Что это значит – что один американец работает, как трое русских? Это значит, что именно поэтому у нас мало безработных? Это значит, что я не могу напрямую продать товар, а должен продать его через пятнадцать посредников, чтобы все они хорошо жили? Это много чего значит. Это связано и с несамостоятельностью, и с равнодушием, и с терпимостью к мошенничеству, и со многим другим, что напрямую произрастает только из культуры, это нельзя ни назначить, ни запретить, здесь нельзя действовать по указу. Во всех последних посланиях президента говорится о низкой производительности труда, но природа этого явления не анализируется, не объясняется, не обсуждается.

Например, мы никогда не думали о том, что в 2013 году доходы граждан России были в два раза выше, чем обеспечивало развитие экономики, то есть люди благодаря социальной политике президента, а следовательно, и Думы получили больше, чем они заработали, и эта проблема – имели ли они право на это? – никого не беспокоила. Обычно люди тратят те деньги, которые они зарабатывают, а тратить деньги, которые страна не заработала... значит, это средства из специальных фондов, и это действует благодаря специальным бюджетным правилам, которым наших руководителей научили Гайдар и его команда. И это очень серьёзные, очень серьёзные вызовы – вызовы, которые касаются всего и вся.

Ну, например, почему вдруг возникла вся эта история с Академией наук? Почему вдруг сейчас, так резко? И почему такая реакция учёных – почему это было неожиданно для них? Почему только после известных событий приняли решение дать год, чтобы найти компромиссы? Видимо, из-за того, что существует огромная собственность. Но это же не будет никак благоприятствовать тому, чтобы в России развивалась наука! Сегодня из шести или семи нобелевских лауреатов русских только один Алфёров живёт в России. А вот, например, те два довольно мо-

лодых парня из Манчестера, которые получили за открытие графена Нобелевскую премию несколько лет назад, сказали, что уехали из России не из-за денег, не почему-то ещё, а из-за того, что было неинтересно, не было творческой атмосферы. Это же серьёзные вещи!

Почему такая деинтеллектуализация массовой культуры? У нас проводится очень интересная экономическая политика в культуре: если ты хочешь посмотреть какие-то спектакли, получившие приз на Авиньонском фестивале, или фильмы, получившие "Золотую пальмовую ветвь" в Каннах, или берлинского "Золотого медведя", или венецианского "Золотого льва", – нет проблем, у нас один из лучших кинорепертуаров в мире, мы выпускаем в прокат 450–480 новых картин в год, то есть каждую неделю выходит 8–9 новых картин. Поверьте, это лучше, чем в Америке, потому что там выходят в прокат в основном только американские фильмы, а у нас американских – ерунда, всего 280 новых фильмов в год (они снимают шестьсот, просто мы лучшие показываем), у нас можно посмотреть и китайские, и южнокорейские, и европейские фильмы, одних французских – пятьдесят, то есть вроде бы всё хорошо, никаких запретов, всё выходит, но один нюанс: качественное кино снимается с проката по одной только причине – публики нет, нет аудитории. Если город 14 тысяч – нет аудитории больше чем на двадцать сеансов, всё, и даже если фильм получил главный приз фестиваля, у него нет шансов быть показанным. То есть шанс посмотреть фильм есть у киноведа, у знатоков, у специалистов и так далее, но программ поддержки нет, хотя, например, можно было бы создать альтернативную систему кинопроката, которая есть во всех европейских странах и которой у нас нет. Вообще-то, я не хотел говорить про кино, про кино я в другом месте могу рассказать, но я хотел показать, что налицо вот такая деинтеллектуализация.

У меня был довольно интересный опыт: год назад на заседании совета при президенте по развитию гражданского обще-

ства я делал доклад и позволил себе, как говорят, по понятиям... Кстати, это тоже одно из важных культурных оснований, в этом уникальность нашей культуры – жизнь "по понятиям", вы знаете. Так вот я позволил себе "поднять руку на святое", а "святое" – это всего лишь измерительная процедура, просто измерительная процедура, в которой участвует несколько тысяч человек (мы не понимаем её значения для судеб страны!), эта процедура называется рейтинговым измерением: вы смотрите телевизор, а специально поставленные таймеры позволяют фиксировать, сколько вы его смотрите и когда переключаетесь с канала на канал, с передачи на передачу. Казалось бы, какое отношение это имеет к тому, что мы на 140-м месте в мире по инновационному потенциалу? Рейтинг – это же просто показатель, но от него у телевизионщиков зависит заработок, поэтому они каждый день начинают с того, что смотрят рейтинги за вчерашний день – у кого какая доля. Там всего три измерения, но используют два: количество зрителей от общего количества зрительского населения (это и называется рейтинг) и такое "великое" понятие (может быть, вы слышали даже, но я убеждён, никто не думал об этом), как "доля". Что это за доля – это наша счастливая доля на Родине? Нет, это доля тех, кто смотрел конкретную передачу в определённое время, от всех включивших телевизор в это время, и всё. Естественно, доля показывает эффективность передачи, и обычно самая высокая доля – это, конечно же, обращение президента, поздравление с Новым годом, 58 процентов, выше этого может быть только Ванга, и Ванга дважды уже побеждала президентов, и один раз – первая часть первой серии "Мастера и Маргариты", то есть двадцатиминутный сюжет собрал больше 58 процентов зрителей.

Что за этим стоит? За этим стоит весь контент российского телевидения, и всё построено на том, чтобы использовать все описанные Фрейдом модели поведения: страх, доступ к запретной информации, переживание несчастий, трагедии, секс, естественно, и самое важное, что мы потрясающе научились делать

(если бы у нас были исследования, мы понимали бы, как это важно), – это воспитывать терпимость к насилию. Вот на Западе огромное количество каналов было бы разорено, если бы они показывали столько насилия, сколько показывает российское телевидение, а нашим ничего – это же рейтинг, доля! Политически все передачи правильные? Правильные. Бартер работает? Работает. Значит, можете делать с населением что хотите! А в рамках такой массовой культуры граждане нетолерантны, они не могут отказаться от психологии тюрьмы. Ведь что такое насилие? Это психология тюрьмы, это когда невозможно отличить полицейского от преступника, и вы никогда на канале "НТВ" это не различите, никогда! Постоянно демонстрируются сюжеты про суррогатных матерей, про детей Аллы Борисовны, про тех, кто болен раком, кто завтра будет болеть, и так далее, и тому подобное, а всё дело в рейтинге, всего лишь в процедуре измерения, казалось бы!

Мне не удаётся найти специалистов, например аналитиков, которые могли бы анализировать сериалы. Мы чемпионы мира в производстве и показе сериалов – мы в прошлом году произвели 600 названий, половину из этих фильмов даже показали. 600 названий – это около четырёх тысяч часов, и в рамках пятичасового прайм-тайма три часа сорок с чем-то минут приходится на сериалы. Несчастные каналы – даже крупные, федеральные – вынуждены показывать сдвоенные серии, потому что к ним стучатся и спрашивают: "А вы хотите ещё эшелон денег?" Сейчас у нас в сутки идёт 60 названий сериальной продукции, это на одиннадцати федеральных каналах и в сетях, которые это показывают, 60 названий в сутки! Однако у нас нет аналитиков, нет исследований: про что эти сериалы? Ну почему, например, в девяти случаях из десяти бизнесмены – моральные уроды? Они заказывают преступления, финансируют их, участвуют в их совершении и так далее – почему?! Где исследования, где измерения? Кто герои сериалов по возрасту, по полу? Почему никогда не бывает серьёзных... не то что серьёзных – нет вообще

никаких политических сюжетов, ну, допустим, о том, как президент спас кого-то, или чего-то подобного? Вот показывать, что все вокруг администрации были гады – это ничего, это, выходит, можно! Как это устроено, что за сюжеты, типы, конфликты, герои и так далее? Ничего не исследуется, не анализируется!

Ну, как говорил Козьма Прутков, "у всякого портного свой взгляд на искусство!" – это про меня. Хочу сказать, что я исхожу из того, что производство культуры – это основное национальное производство, основное, это важнее – я уже говорил об этом, но в завершение хочу повторить, – чем ресурсы, территория и так далее: будет всё в порядке в голове – будут и дети, и не будет разводов, и будут нобелевские лауреаты, и появятся авторитеты наконец, и прочее, и прочее.

Недавно у нас в совете была встреча с молодыми людьми из Германии – есть такой форум "Санкт-Петербургский диалог" под патронатом канцлера Германии и Президента Российской Федерации, мы встречались с тридцатью немецкими молодыми людьми, они спрашивали о производстве культуры, и я говорил о том, что это главное производство, важнейшее, просто важнейшее производство, скажу даже – хотя, может быть, это формулирование такое немножко заострённое, – что это изготовление (использую слово из сферы экономики) представлений большинства людей о жизни. Это очень важно: это правила жизни, это умонастроения, мораль, очень важные моральные предписания, а сейчас мораль вообще изъята из общественных рефлексий, практически мораль – это церковь, мораль – это, может быть, в какой-то степени и массовая культура, хотя сейчас эта массовая культура абсолютно аморальна! Вы, наверное, видели такие передачи, как "Пусть говорят", – можно ли представить, чтобы подобное показали в какой-либо другой стране мира?! А у нас такое постоянно показывают по телевидению: скажем, берут интервью у битцевского маньяка или у мурманского каннибала, который подробно рассказывает, – и это в главных информационных новостях! – что череп и кости руки

не очень съедобны! Или показывают ребёнка, которого родители пристегнули к батарее и воспитывают таким образом, – ну нельзя это показывать, невозможно!

Мораль, национальная ментальность – это всё тоже культура. Скажу о национальной ментальности. В 1839 году приезжал к нам в Россию некий маркиз де Кюстин, он по-русски не говорил ни слова, но, проведя год в России, написал книгу "Россия в 1839 году", так вот там он назвал Россию страной фасадов. Он что имел в виду? Мы-то понимаем, что, говоря "страна фасадов", он имел в виду не фасады зданий, а отношения, общение и так далее. Или возьмём какие-то вещи, связанные, например, с тем, что всё у нас нужно довести до кризиса, любое дело, иначе оно не будет сделано. Это касается не только Сочи, это касается всего, в том числе и студенческих зачётов, которые вам послезавтра надо сдавать, а вы будете к ним готовиться, делать всё в последнюю ночь, в отличие, например, от немцев, которые так поступать не будут, – они так не поступят, потому что у них это не принято: иначе они нарушат правила, нарушат законы эффективности.

На Берлинском фестивале месяц назад я стоял в очереди за билетами – я там был аккредитован, – там же стояли киноведы из разных стран мира, впереди в очереди стояла моя приятельница, ближайшая знакомая, после неё – два немца. Очередь довольно большая была, человек восемьдесят, но продвигалась очень быстро. Чтобы скоротать время, я подошёл к своей знакомой и стал с ней разговаривать, и, когда наступил её черёд получать билеты, один из этих немцев подошёл ко мне и очень вежливо сказал: "Я хочу вам напомнить, что вы пришли после меня". Всего двое было впереди меня, восемь человек выдавали билеты, поэтому очень быстро двигалась очередь, но он сделал мне замечание – не потому, что ему было жалко этих 35 секунд, а потому, что я нарушил правила. Это отдельная тема, очень интересная, – национальные культурные предписания, национальные культурные матрицы и то, как они работают.

Что такое "блат", например? Почему у нас так важно иметь блат? Почему у нас доверяют тем, с кем жили рядом или с кем учились вместе, почему их считают более надёжными, чем тех, с кем только что познакомились, хотя они вроде тоже хорошие и надёжные? Почему в культуре создаются такие предписания, которые мы неосознанно считываем и которыми пользуемся? Как это всё устроено? Почему в России выходит журнал, который называется "Свои"? Если выходит журнал "Свои", значит, люди делятся на своих и чужих, значит, это очень важный показатель – "свои"? Почему имеет место, скажем, непрозрачность? По словам премьер-министра, у нас от 10 до 15 процентов зарплат выдают в конвертах – что он имеет в виду, если так честно об этом говорит и это потом публикуют? Или ещё: к Медведеву приходит начальник Контрольного управления президента и говорит о том, что из 5 триллионов, которые были выделены на госзакупки, 1 триллион был потрачен зря... Это всё тоже связано с понятием "культура" – культура не только поход в кино или на премьеру спектакля, но ведь и фильмов, о которых говорил бы весь мир, сейчас нет, и нет авторитетов, которые могли бы сравниться с авторитетом, предположим, академика Лихачёва, который мог написать президенту Ельцину, что хорошо бы убиенного императора и его семью похоронить, и их похоронили, – таких людей сегодня, видимо, нет.

В завершение я хочу рассказать об очень интересном разговоре с одним наблюдательным, правда, не социологом, а писателем, по поводу того, почему люди вместо кинотеатров ходят в кафе и рестораны. Ответ был – вернее, гипотеза, попытка объяснить это – таков: вероятно, люди в кино не получают объяснения моделей жизни. Вы знаете, что начиная с 2000 года в 16 раз увеличилось количество посещений кафе и ресторанов? Несметные деньги, несметные траты, бурное развитие этих сфер жизни, кафе в Москве очень дорогие, в три раза дороже, чем в Берлине, и они полностью забиты – почему? Видимо, там более эффективные культурные модели, чем произведения

искусства, и, к сожалению, ни у кого, в общем... или не очень сильно болит голова по поводу того, что каждый год у нас на 5 процентов падают тиражи книг, что у нас в два раза меньше стало книжных магазинов, чем было двадцать лет назад, и что они продолжают закрываться... Да, можно говорить, что это влияние компьютерной революции, хотя почему-то на европейские страны это в такой степени не влияет. И есть масса других последствий, но это уже другая тема.

Спасибо за внимание.

Лекция координатора общественного движения "Архнадзор" Р. Э. Рахматуллина

18 апреля 2014 года

Добрый день, дорогие друзья! Я думаю, что едва ли должен говорить сейчас о москвоведении, хотя мне было бы интересно ответить на вопросы именно по этой теме, потому что род моих основных занятий, если не иметь в виду общественную деятельность, – это москвоведение, краеведение, региональная история, а в пределах этих дисциплин – метафизика города, мифология города и смежные вопросы. Отсюда,

наверное, понятно, что заняться общественной деятельностью, переключиться было нелегко, весьма сложно совмещать подобные вещи. Но эта проблема встаёт перед каждым, кто занят историей архитектуры, историей городов, археологией и подобными дисциплинами, перед теми немногими специалистами, предмет исследований которых исчезает. Можно сравнить это, наверное, только с деятельностью экологов или, может быть, зоологов или ботаников. Когда ты сидишь за рабочим столом, а за окном исчезает предмет твоих научных или литературных занятий, – это огромная проблема, и иной раз хочется совсем бросить сочинительство и выйти на улицу. А кто-то принимает иное решение и остаётся писателем, остаётся исследователем, и мы используем их труды в нашей борьбе. И вот найти здесь середину значит прежде всего правильно распределить энергию, правильно распределить усилия. Но, повторяю, это пробле-

ма, и она вставала, уверяю вас, перед каждым градозащитником. Достаточно привести в пример Алексея Ильича Комеча, который наступил на горло своему творчеству, хотя мог бы написать гораздо больше.

Это касается и аттестованных экспертов в области государственной историко-культурной экспертизы. Есть такое положение о государственной историко-культурной экспертизе, которое предполагает, что Министерство культуры аттестует некоторое количество специалистов, для того чтобы они могли как бы от лица государства готовить экспертизы по историко-культурной тематике. Аттестованный эксперт – это именно тот, кто в ущерб своему творчеству, преподаванию, личному времени, семье и прочему соглашается писать огромные, в сущности, исследования с практической целью – выявление памятников, подлежащих охране, оценка проектов реставрации – или осуществляет другие виды экспертизы. Вот это то, что я хотел бы сказать в самом начале, коль скоро вы знаете о краеведческих и литературных работах вашего покорного слуги.

Градозащитная деятельность в 80-х годах – я принимал в ней посильное участие – тогда так не называлась. Слово "градозащита" (и соответственно производное от него "градозащитник") возникло всего несколько лет назад в среде наших петербургских друзей, а вот в 80-е годы мы долго искали подходящее слово, мы не знали, как назвать – "охранщик", "охранитель"? В это время Дмитрий Сергеевич Лихачёв предложил термин "экология культуры", и мы назывались несколько лет экологами культуры и даже провели два всесоюзных съезда экологов культуры. И вот наконец появилось слово, которое, как мне кажется, лучше других передаёт нашу тему и нашу задачу, – "градозащита". Это русское слово, состоящее из русских корней, единственный его недостаток (но, может быть, кажущийся) – это то, что оно как будто не отражает защиту культурного наследия за пределами городов. Но и это не совсем так, потому что город – это "ограда", и если прочитать слово в этом смысле,

то получится ограда – "защита", "защита границ", прежде всего границ культуры, а в конкретном смысле, в прикладном – защита границ территорий памятников, зон охраны, достопримечательных мест, заповедных территорий. Поэтому слово "градозащитник" вот таким неявным образом отражает действительно всё поле деятельности по охране недвижимого культурного наследия.

Раз уж я заговорил о границах, воспользуюсь этой метафорой – "защита границ". Когда мы сталкиваемся со строительством в охранных зонах, которое выходит за пределы, разрешённые законом, когда мы сталкиваемся со строительством на территориях памятников, где вообще не может быть никакого строительства, мы сталкиваемся действительно с атакой на границе – и это наши личные границы, потому что это задевает чувствительно, сердечно человека, который занят изучением своего города и своего культурного наследия, и это границы в юридическом смысле, границы, установленные нами же, нами с вами – обществом, государством и экспертами, обученными, так сказать, на народные деньги в высших учебных заведениях. Сетка этих территорий – это некая вторая сетка поверх кадастровой, которая не совпадает с границами земельных участков, с имущественными границами, это именно общественное установление, когда мы, общество, сказали: вот поверх этого кадастрового режима мы кладём сеть правовых ограничений, эти участки могут не совпадать с территориями памятников и зонами охраны, это лишь наше с вами установление, и атака на них есть атака на культуру.

Таким образом, речь идёт не только о физической угрозе зданиям – предметом нашей деятельности является ещё и защита вот этих самых пространств, которые нужно понимать не только в плане ландшафта или в визуальном смысле, а вот в значении правовых режимов. Я не случайно об этом говорю, поскольку мы находимся в стенах Государственной Думы, я постараюсь быть ближе к правовой тематике, тем более что

мы в Комитете по культуре в течение нескольких предыдущих лет весьма плотно работали над изменением законодательства об охране наследия и, надеюсь, будем продолжать эту работу.

Так вот, пространство культуры – это ещё и правовое пространство, это надо понимать совершенно отчётливо. Постараюсь объяснить это на примерах (я сегодня не пользуюсь, скажем, доской, хотя мне было бы тогда это легче показать). Давайте представим себе город не как шахматную доску, но как поле из квадратов трёх цветов. Первый род этих квадратов – это территория памятника как таковая. Что такое территория памятника? Это сам памятник, его пространство. То есть, например, усадьба – это не только здание, главный дом, флигель, какое-то сооружение, допустим, ограда с воротами или что-нибудь ещё, это всё пространство в исторических межах владения, которое сохраняется как пространство, то есть сохраняется соотношение застроенных и незастроенных частей пространства. Таким образом, территория памятника есть сам памятник. То же самое можно сказать о монастыре или о каком-нибудь историческом больничном комплексе: невозможно представить себе, что в монастыре между стоящими храмами будет сооружено восьмиэтажное здание, не правда ли? Таким образом, памятник – это именно территория и объекты на ней. И здесь действует первый и самый жёсткий принцип: невозможность нового строительства. В чём логика законодателя в этом случае? В том, что памятник является завершённым творением. И вот это то главное в градозащите, что нужно понимать: мы защищаем завершённое творение. Когда субъект Федерации говорит, что какое-то здание, сооружение с такой-то территорией считается памятником и вносит его в реестр, он тем самым говорит: творение здесь завершено. Единственный творец, который может прийти сюда с этого момента, – это реставратор, потому что реставрация – это тоже творчество, это ретротворчество, и реставратор – тот, кто размышляет над способами приспособления памятника, потому что это тоже отчасти творческий архитектурный процесс.

Клетки второго цвета на этой сложной, вовсе не шахматной доске, – это те самые зоны охраны. Зоны охраны – это тень памятников, брошенная на ткань города. Кстати, у нас нет законодательства о защите исторического города в целом. Исторический город – это нестатусная среда, и она защищается постольку, поскольку на неё падает тень памятников, она защищена только правовыми режимами зон охраны памятников. Это большая проблема, над которой мы сейчас думаем, и ответа у нас пока нет. Так вот, зоны охраны – это пространство, где градостроительная деятельность разрешена, но ограничена. Чем? Законодательным тезисом: только регенерация, восстановление утраченных элементов исторической среды. Следовательно, творчество здесь возможно, но оно возможно в весьма жёстких рамках, это тоже разновидность ретротворчества. Если на этом месте когда-то стояло здание таких-то очертаний и таких-то габаритов, то, не пытаясь воссоздать его в режиме научной реставрации, можно попробовать создать здесь объект в этих габаритах и на этом пятне. Вот о чём говорит закон в отношении зон охраны.

И наконец, есть третьи клетки, условно бесцветные, где можно всё. Поэтому на вопрос, который наверняка возникнет (он обычно возникает первым в таких случаях), относительно возможности развития, появления нового ответ очень простой: новое возможно там, где для этого созданы благоприятные правовые условия.

Таким образом, город, как и любое пространство наследия, разграничен вот на эти зоны, где действуют три правовых режима, и творец прекрасно видит, если он не намерен нарушать закон, а пытается действовать в его рамках, где он свободен, где он ограничен и где он вовсе не должен появляться.

Это такая, с вашего позволения, преамбула, что ли, законотворческая, законодательная, которая нужна для того, чтобы понимать, в каком пространстве, в том числе правовом, действует градозащитное движение, какие позиции мы отстаиваем, что

является главным, стержневым в нашей деятельности. Градозащитное движение – это правозащитное движение в огромной степени. Параметры этого права я коротко попытался описать, хотя законодательство наше огромное, объёмное и разностороннее. Всё, о чём я сейчас говорю, формулировалось постепенно, хотя для законодателя с рубежа 1990–2000-х годов, даже с 70-х годов, когда появился советский закон на эту тему, это было очевидно. За буквой закона стоит определённая логика, связанная вот с этой завершённой творчеством, в том числе творчества города, но для наших оппонентов, да и для широкой аудитории, эти вещи были не очевидны. Ответы на простые вопросы, как город будет развиваться, формулировались и формулируются нами в процессе нашей работы.

Само градозащитное движение в современном понимании появилось, наверное, не в 2009 году, когда в Москве возник "Архнадзор", и не в 2006 году, когда возник петербургский "Живой город", – современное градозащитное движение появилось в Москве на рубеже 2003–2004 годов, когда возникли наши коллективные учредители – "Москва, которой нет", Московское общество охраны архитектурного наследия (MAPS) и некоторые другие. Я думаю, что это связано с прогрессом информационных технологий, с возможностью нового типа общения, когда можно общаться, находясь на расстоянии друг от друга, и при этом постоянно, принимать решения, не собираясь раз в месяц или даже раз в неделю, хотя такие собрания необходимы, а принимать решения в процессе переписки. Возможность развивать эти внутренние технологии, не сетевые в современном смысле, не внешние, а внутренние технологии закрытого общения, привела к тому, что образовались такие структуры. Но и внешнее, сетевое общение, возникшее примерно в эти годы, конечно же, позволило поставить градозащитное движение на современные рельсы. Ну а сейчас уже у каждого градозащитного ресурса есть сетевые аналоги самые разные, позволяющие общаться с нашими внешними сторонниками. Это не только те, кто "лайка-

ет", но и те, кто ходит на митинги, кто поддерживает нас, кто распространяет информацию, это некий внешний круг. И есть внутренний круг единомышленников – по переписке, который не виден, пока вы не постучитесь в дверь, то есть не заполните анкету, чтобы вступить в ряды участников движения "Архнадзор". Уверяю вас, что это один шаг, эта дверь абсолютно открыта. Мы разве что не объявляем весенних и осенних призывов имени Шуховской башни или имени дома Болконского, мы ждём тех, кто готов присоединиться к нам, кто почувствовал потребность принять участие в этой подённой работе.

Работа эта именно подённая – это следующее, о чём я хотел бы сказать, это очень, на мой взгляд, важно для тех, кто пока вне этого, – это работа ежедневная, во многом почтовая, дозорная, правовая, самая разная. Те люди, а их несколько сотен, которые участвуют в этой переписке, они, во-первых, разделили город на квадраты, во-вторых, обходят его регулярно дозором, в-третьих, самостоятельно или с помощью опытных координаторов вступают в переписку с инстанциями, курируют адреса по этой переписке и на местах, ведут объекты от начала и до конца. Параллельно ведётся правовая работа – у нас есть правовая секция, ведётся исследовательская работа – у нас есть исследовательская секция, информационная, у нас много секций по направлениям, также ведётся мониторинг по всем возможным направлениям – мониторинг имущественного комплекса, строительного комплекса, архитектурного ведомства, ведомства охраны и наследия, тендеров, многого-многого другого. Это то, чего не видно и не может быть видно, и вы этого не увидите, если попытаетесь поискать информацию по надзору в открытых источниках, но это составляет девять десятых нашей работы.

Я думаю, что мы сейчас подошли к такому этапу, когда не то что предвидим каждую угрозу – нет, всё ещё возможны досадные пропуски, – но всё-таки мы способны прогнозировать источники угрозы, пространство угрозы, точки угрозы, может

быть, в 90 или 95 случаях из 100 мы понимаем, откуда ожидать опасность, как астроном знает, что где-то есть звезда, хотя её невозможно увидеть. Это достигнуто в результате пятилетнего развития нашего движения. Повторю, это такая невидимая, если угодно, подводная часть работы, а на поверхности находится то, что все видят и знают, – протестные действия в каких-то крайних случаях, например блокада незаконной стройплощадки, митинг, пикет, – то, что всегда кажется основным содержанием деятельности общественной организации.

Так вот, основным содержанием нашей деятельности является вот эта рутинная, в чём-то скучная работа, но делают её те, кому не скучно. Выявились, обнаружили с годами люди, которые делают это с интересом, с настоящим интересом, и это действительно интересная работа: читать между строк в каких-нибудь документах по тендерам или в документах имущественного комплекса, понимать, что за этим стоит, связывать события, зная предысторию развития, – это всё в действительности чрезвычайно интересно, подчас носит такой детективный характер. Ну а то, что на поверхности, – это, конечно, работа, о которой мы не мечтали. Уверяю вас, градозащитник не мечтает стоять на улице пять месяцев, днями и ночами, как это было в прошлом году возле дома Болконского, градозащитник не мечтает ежедневно или еженедельно выходить на пикеты у Шуховской башни, – градозащитник работает для того, чтобы поводов для протестной, какой-то уличной деятельности было как можно меньше, вот это надо абсолютно точно понимать. Поэтому, когда наши оппоненты говорят нам, что мы пиаримся и так далее, мы отвечаем, что они не представляют себе, как строится наша работа, чего мы в действительности хотим и на что рассчитываем. Мы рассчитываем сделать так, повторю, чтобы поводов для протеста не было, при этом понимаем, что такого не будет, наверное, никогда, что время от времени те механизмы принятия решений, которые мы пытаемся совершенствовать вместе с государственными структурами, будут давать сбой и дают сбой.

Наша история, если говорить об "Архнадзоре" подробнее, уже сейчас делится на два или даже на три этапа. Мы недавно внезапно осознали, что существуем при мэре Собянине уже дольше, чем при мэре Лужкове. Когда мы начинали работу, мы вообще не думали, что эпоха мэра Лужкова когда-либо закончится, но тем не менее это произошло. И вот сейчас уже второй, а в чём-то, может быть, уже и третий после выборов мэра период, который очень отличается от первого, да уже и от второго. Что это за периоды?

Первый был окончанием двадцатилетней лужковской эпохи. Уверяю вас, что вандальная деятельность прежнего правительства Москвы осуществлялась не только в последние два года его работы, не в последние пять лет, – она набирала обороты с 1994 года. Мы это совершенно точно помним, потому что именно в этом году были негласно сняты лозунги возрождения старой Москвы, которые сопутствовали строительству Казанского собора, Иверских ворот на Красной площади, возвращению исторических названий, строительству храма Христа Спасителя, реставрационным воссозданиям в Кремле: Красное крыльцо, тронный зал Большого Кремлёвского дворца. Вот в этот момент были сняты эти лозунги на уровне города, и на их место не пришли никакие другие лозунги, но неофициально речь шла о том, что правительство Москвы начинает сотрудничать с так называемыми инвесторами и девелоперами в старом городе, что старый город превращается в сырьё. Сырьевой подход к недвижимому историческому наследию – вот, наверное, точное определение сути тех двадцати лет.

Почему 1994 год? Тогда произошли знаковые события: сама мэрия разрушила служебные корпуса губернаторской резиденции в Вознесенском переулке, то есть просто у себя во дворе, казаковские памятники – флигели губернаторского дворца, соорудила на их месте нечто, не имеющее названия. А кроме того, мэрия во внешнем пространстве инициировала сносы на Кадашёвской набережной статусных памятников, и когда прокуроры

в первый и, может быть, в последний раз обратились к Юрию Михайловичу с протестом, эти бумаги были брошены в корзину. Прокуроры подобных бумаг больше не писали, и не писали их много лет. Вот так приблизительно началась та эпоха.

Нельзя сказать, что с 1994 до 2004 года, когда появились движения – предшественники "Архнадзора", градозащиты не существовало, напомним только, что она так не называлась. Главной формой градозащиты была деятельность на экспертных площадках, и главным градозащитником был эксперт – человек с регалиями, человек с научным авторитетом. Эти люди, ярким представителем которых был уже упоминавшийся здесь Алексей Ильич Комеч, ходили с площадки на площадку, из зала заседаний в зал заседаний, с утра до вечера, в ущерб всему, чем они могли бы заниматься в своей привычной жизни, и пытались, я бы сказал, минимизировать последствия вандализма. Это была борьба с вандализмом, но понятно было, что на выходе, в результате, как правило, нас ожидала только минимизация последствий.

Подземное строительство в Петровском путевом дворце – его нельзя было избежать, но его можно было попробовать минимизировать, количество лифтов в этом учреждении президентского класса можно было попробовать уменьшить; музей Отечественной войны 1812 года можно было попробовать отстоять – на мой взгляд, он до сих пор не работает; Гостинный двор не удавалось спасти от перекрытия, но шла борьба за то, чтобы при перекрытии Гостиного двора надстроить его хотя бы контрастной надстройкой, а не прикидываться Кваренги. И перекрытие Гостиного двора – крупнейший вандализм конца 90-х годов! – состоялось при условии, что со стороны Варварки здание по-прежнему будет казаться двухэтажным, если не отходить слишком далеко, а изнутри оно уже будет трёхэтажное. Вот как этого добиться? Месяцами эксперты ломали копыя, и не между собой, а спорили с начальством, чтобы минимизировать последствия таких вещей, которые невозможно допускать

в принципе. Как говорил нам тогда Юрий Михайлович, если бы у Кваренги были такие инженеры, какие есть у нас, он, конечно, перекрыл бы этот двор. Вот это "конечно" было совершенно непреодолимо! Или случай уже из 2000-х годов – случай с комплексом в Царицыне, когда до всяких федеральных согласований – а они должны были быть федеральными – перекрыли внутренний двор баженовского Хлебного дома: пришли представители МЧС и сказали, что плоское перекрытие невозможно, осадки не стекуют, и поэтому перекрытие стало купольным и Хлебный дом Баженова превратился в храмовидный.

Таких примеров много, я называю самые яркие, связанные с первыми именами эпохи классицизма, с именами Казакова, Баженова, Кваренги. Что произошло тогда, например, в Царицыне, что произошло в Гостином дворе, что было уничтожено, что было испорчено? Был искажён образ. Когда мы говорим о том, что памятник – завершённое творение, мы должны попробовать разложить это представление о завершённости на составляющие. В первую очередь мы всегда говорим о подлинности, и это очевидно, это очевидно для всех, кто занимается движимым культурным наследием. Все, кто этим занимается, понимают, что невозможно назвать работой Рембрандта хорошую и даже отличную копию, у них разная цена – как материальная, так и духовная, однако в отношении недвижимого наследия это не всем и не всегда, к сожалению, понятно.

Итак, первое – это подлинность. Но есть и другая, очень ясная, на мой взгляд, не вызывающая разночтений и различных толкований составляющая этого понятия – образность: образ не должен быть повреждён, вторжение в образ не может совершаться. Пример Петровского путевого дворца, который я уже приводил, – это пример вторжения в образ. Казалось бы, мы не видим никаких изменений, но это потому, что нас стесняются пускать на задний двор: на заднем дворе из почвы вылезло семь, восемь, десять пирамидок, как в Лувре, которые освещают подземные пространства; перекрыты задние ворота, которые были

связаны с проектным Петербургским шоссе, проходившим позади дворца под некоторым углом к существующему, они перекрыты тамбуром ресторана. Вот это и есть вторжение в образ! Перекрытие Гостиного двора, то есть открытого аркадного пространства, колоссального атриума, железными конструкциями – это вторжение в образ! Создание купола над Хлебным домом Баженова – это вторжение в образ!

Итак, что означает, что памятник является завершённым? Он, во-первых, должен оставаться подлинным, во-вторых, он должен сохранять свою образность. Вот в связи с этим вторым пунктом мы особенно часто сталкиваемся с архитекторами-объёмщиками, как они себя называют, так сказать, с архитекторами общего профиля, с творцами, а не реставраторами. Очень часто эти люди понимают свою работу как корректировку образа памятника, как его пересоздание, как создание нового образа. Вы не представляете, как долго нам приходилось убеждать архитекторов общего профиля отказаться от вторжения в образ при работе с памятниками и на их территории!

Представьте себе, как выглядит ситуация с точки зрения законодательной. Я уже говорил про квадраты трёх цветов – территории памятников, где возможно только ретротворчество, реставрационное творчество, то есть куда архитектор общего профиля приходить не должен; зоны охраны, где новое строительство возможно, но с ограничениями, то есть куда архитектор общего профиля может приходить, но должен держать себя в руках, так сказать; и вот эти третьи клетки, где он свободен. О третьих речи нет, речь идёт о первых и вторых. Законодательство наше устроено так, что территории памятников – это пространство исключительно в юрисдикции закона о наследии, а зоны охраны, в силу того что там новое строительство возможно, – это пространство, скажем, совместного ведения закона о наследии и Градостроительного кодекса, нового сопутствующего законодательства. Таким образом, зоны охраны, если говорить об уровне административной ответственности, – это

пространство совокупной компетенции органов охраны памятников и архитектурных органов, а территории памятников и их тело (сами памятники) – это пространство в исключительной компетенции органов охраны памятников. Но раз за разом, год за годом в течение тех двадцати лет, о которых я рассказываю, условно – "лужковских", архитектурное ведомство выкатывало на свой совет реставрационные или псевдореставрационные проекты. Именно на площадках архитектурного ведомства в присутствии самого мэра, на заседаниях так называемого общественного градостроительного совета, архитектурного совета обсуждались проекты, связанные с трансформацией памятников архитектуры. То есть я хочу сказать, что это было незаконно изначально. И когда мы, наше общество, журналисты обращали к главному архитектору свои вопросы по поводу судьбы того или иного памятника архитектуры, мы все, коллективно совершали нарушения, потому что главный архитектор не должен, как говорится, даже стоять рядом с памятником – он не выдаёт на памятник никакой документации, если всё проходит законным чередом. Любые трансформации памятников совершаются в рамках проектов реставрации, и единственные администраторы, которые визируют эти изменения, – это администраторы, работающие в органах охраны памятников.

Но все наши споры в течение тех двадцати лет – ну не все, но многие – совершались на площадке архитектурного ведомства, именно через неё протаскивались проекты по искажению Гостиного двора, комплексов в Царицыне, Петровского путевого дворца и далее по списку. То есть мы жили все те двадцать лет абсолютно вне правового поля, притом что закон уже существовал. Да, нынешний закон появился в 2002 году, его ранний аналог, закон Москвы, – в 2001-м, но до того работало советское законодательство, которое тоже довольно чётко различало эти вещи.

Таким образом, когда на излёте той эпохи возник "Архнадзор", когда во второй половине той эпохи возникли "Москва, которой нет", MAPS и другие градозащитные организации, они

возникли вот в этом странном внеправовом или полуправовом поле. То есть мы понимали букву, а главное, смысл закона и требовали его соблюдать, а городское руководство продолжало действовать вне правового поля. И необходимо было объяснять это всем, в том числе и самим себе, необходимо было чётко это формулировать в экспертных заключениях, публично, объяснять это внешней аудитории – читателям, зрителям, слушателям, сочувствующим, объяснять это нашим оппонентам.

Что касается истории развития ведомства охраны памятников, сначала оно было отделом архитектурного ведомства, потом оно стало параллельным ему ведомством, а сейчас, при нынешней администрации, оно поднялось над архитектурным ведомством, если иметь в виду личный статус их руководителей: ведомство по охране наследия возглавляется министром, архитектурное ведомство возглавляется неминистром. Эти три стадии были пройдены примерно за десять лет, и они отражали логику законодателя и логику охраны наследия: сначала охранная деятельность была выведена из архитектурной, потом уравнена с нею, а теперь сказано (за этой декларацией всё-таки стоит какой-то смысл), что деятельность по сохранению памятников как будто бы даже выше градостроительной деятельности. То есть сохранение старой, исторической Москвы поставлено теперь на первое место, если иметь в виду вот такое административное устройство нынешней мэрии. Но для того чтобы это произошло, повторю, нужно было потратить массу усилий, доказывая незаконность тех площадок и тех механизмов обсуждения и принятия решений, которые нам предлагались все эти годы.

Приведу примеры. Кадаши – один из известнейших и важнейших для нашей истории случаев. Что там отстаивалось? Не памятник, а историческая среда, строго говоря, с юридической точки зрения там отстаивалось требование "Никакого нового строительства до утверждения проекта!" Представляете, о чём приходилось говорить? Ведь там расчищалась площадка под про-

ект, который не получил никаких виз, не прошёл никаких согласований! А с точки зрения юридической там действовал старый проект с шестиэтажными корпусами, помещавшими церковь Воскресения в каменный мешок. Кроме этого, существовала декларация мэра относительно того, что этому проекту не бывать, и было общественное обсуждение нового проекта, предусматривающего уменьшение высоты зданий, но с точки зрения юридической продолжал действовать старый проект. И главное, с точки зрения юридической было невозможно выходить с техникой для сноса на площадку, пока новый проект не вступил в юридическую силу. Вот какое положение приходилось отстаивать физически, так сказать, протестно не только "Архнадзору", но и целой коалиции сил, включая депутатов – депутатов Государственной Думы, депутатов городской Думы. То есть элементарные вещи нужно было отстаивать, блокируя строительную технику, блокируя Кадашёвский переулок, ворота, прорываясь через ворота, перелезая через них, осуществляя, как мы это назвали после того, как один из депутатов перелез через забор, "депутатский заброс" (это жанр очень интересный, сильно отличающийся от депутатского запроса). Вот что делалось в Кадашах.

Если не разбирать ситуацию детально, то это выглядело как такой протест вообще против всего плохого в пользу всего хорошего, но в действительности это была инструментальная работа, и вот это очень важно. Для современного градозащитника его работа является инструментальной: чем точнее мы будем действовать, чем точнее мы будем понимать расположение бюрократических бастионов, их взаимодействие, их соотношение с логикой законодательства, о чём я сейчас немного говорил, чем точнее будут адреса наших посланий, чем точнее мы будем в нашей дипломатической, так сказать, закулисной работе, тем лучше будет результат. Это очень отличается от работы по охране наследия, от градозащиты поздних советских лет и даже 90-х годов. Кажется, что люди просто собирают подписи и пишут интеллигентно письма, выпускают эмоции и полагают, что они

сделали всё возможное. Так было когда-то, но вот сейчас, даже если мы собираем подписи и пишем письмо, мы стараемся направить его по возможности в очень точный адрес и пытаемся "приделать ему ноги" таким образом, чтобы оно сработало самым эффективным образом. То есть это не общеинтеллигентская деятельность, это не выпускание эмоций только, это, повторю, инструментальная работа, когда ты пытаешься понять как можно лучше весь расклад. Этой работе предшествует внутреннее обсуждение, всеобъемлющее рассмотрение темы, адреса, площадки в процессе переписки.

Ещё несколько слов о том, как заканчивался первый период. Он закончился, как вы помните, осенью 2010 года. То есть неполных два года существования "Архнадзора" пришлось на тот момент, когда Юрий Михайлович лишился президентского доверия. Возникла ситуация, которая встречается очень редко в истории, когда утром мы говорили: "Пожалуйста, не надо вот это делать", а вечером нам отвечали: "Конечно, конечно", когда удалось спасти от безобразной застройки Боровицкую площадь, когда удалось защитить от строительства восьмиэтажного офиса пятно Хитровской площади, не периметр, а пятно Хитровской площади и её саму.

Вот перечисляя эти победы конца 2010 года, я перечисляю одновременно проблемы, существовавшие в 2010-м, в 2009-м и в предшествующие годы, когда девелопер приходил на пятно Хитровской площади с проектом восьмиэтажного офиса, когда представители учреждений культуры, вот в случае с Боровицкой площадью – музеев Кремля, приходили на площадь между Кремлём и Домом Пашкова с проектом здания, которое определили, если я не ошибаюсь, как "среднеазиатский обком КПСС". И мы в ужасе ожидали начала строительства этого здания, центрального, трёхчастного, купольного – это так понимался диалог с Домом Пашкова – из вот этих псевдомраморов современных, из этих чудовищных облицовочных материалов, которыми сейчас покрывают московские дома. Вот что могло возникнуть под

прямым углом, под углом 90 градусов, к Дому Пашкова и Кремлёвской стене и что не возникло!

Мы не слишком часто вспоминаем об этих удачах градозащитного движения, потому что проблем меньше не стало, но, наверное, вспоминать о них нужно. Когда нас время от времени спрашивают, чего мы добились, мы – повторю, не только "Архнадзор", а целая коалиция сил – можем привести весь этот длинный ряд удивительных историй, и окажется, что наше дело совсем не безнадежно, оно действительно может приносить победы.

Архнадзоровцы – это люди, которые убедились в том, что победы возможны. Да, бывает, что целый год ничего не удаётся, да, бывает, что люди, которые пришли к нам недавно, ещё не одержали свою победу, и они живут внутренними преданиями "Архнадзора" о Кадашах, о чём-то ещё, что было до них. Это довольно интересные и вместе с тем психологически сложные ситуации, и тем не менее победы возможны, они были, они есть, они ещё будут. Очень часто эти победы не слишком видны: ну что такое сообщение информационного агентства о придании, например, дому Быкова, или Палатам Гурьевых, или "расстрельному дому", или гостинице "Шевалье" охранного статуса? Многие ли люди свяжут эту информацию с историей предшествующих лет? Но это наши заветные адреса.

Для того чтобы дом перешёл от перспективы полного уничтожения и снятия с охраны к перспективе превращения в памятник и к реставрационным работам, проходит период в три-четыре года, пять лет. Это оборот тяжелейшего колеса, и делают это конкретные люди, все вместе, не только общество, но и те государственные структуры, которые обязаны это делать, те люди в государственных структурах, которые этому сочувствуют.

Какова ситуация с домом Быкова сейчас, после того как было анонсировано начало реставрационных работ? А вот такая: инвестор может получить одну из лучших работ Льва Николаевича Кекушева, отца русского модерна, с тем чтобы по-

строить на его месте здание в восемь этажей, сохранив только фасадную корочку в качестве аппликации. Для того чтобы это сделать, он давит на органы власти Москвы, требует снять дом Быкова с охраны, то есть лишить его ещё только промежуточного статуса выявленного памятника, потому что ещё нет решения субъекта Федерации об отнесении его к памятникам. Инвестор хочет перечеркнуть вот это промежуточное экспертное решение, рекомендацию мэру и исключить дом из подготовительных списков, и это давление было чрезвычайно сильным. Когда инвестиционный проект попытались отменить по нашему настоянию, ответом был пожар. Мы не можем доказать, что это был поджог, но мы видим связь между этими событиями. Это был пожар, во время которого из четырёхэтажного дома выпрыгивали люди, гастарбайтеры, и не только с первого этажа, это был пожар, последствия которого не были устранены в течение нескольких лет. Что за этим последовало? Наши усилия по постановке здания на охрану, наши требования вернуть его в охранный список, потому что через несколько лет после пожара решением межведомственной комиссии под председательством Владимира Иосифовича Ресина было рекомендовано Лужкову не ставить дом Быкова на охрану, и это предложение было подкреплено результатами фальшивой экспертизы через несколько дней после пожара.

Так прошло ещё время, проходили зимы, дом оставался без крыши, потому что огонь пошёл вверх, я бы сказал, к счастью, – сохранились даже дутые выпуклые финские стёкла, какие мало где сохранились с Серебряного века; сохранилась авторская оконная столярка (а это ведь всегда рука архитектора в модерне); сохранились оконные заполнения; сохранилась львиная маска, автограф Льва Николаевича Кекушева, скульптурная львиная маска. Пришло время, и по требованию городских служб хозяин, а это академический институт, интеллигентные люди, стал строить конструкции, чтобы навесить на дом защитную сетку. Чтобы это сделать, не нужно было разрушать дом,

но это стало поводом для того, чтобы пробить конструкциями оконные заполнения, уничтожить выпуклые стёкла, уничтожить вот эту столярку оконную авторского рисунка, сбить без всякой нужды львиную маску, то есть лишить дом всего, что было бы предметом его охраны. Что было ответом? Наши выходы на улицу совместно с представителем департамента культурного наследия на уровне заместителя министра по ночам, вечерам, в выходные дни, мы пытались вручить этим людям предписание, но они заводили руки за спину и говорили: присылайте по почте. Академия наук в лице своего юридического ведомства отвечала, что она не считает это памятником, потому что никто не улавливался с ними об этом. То есть академическое ведомство полагало, что постанова здания на охрану является договорным процессом, а вовсе не императивом, связанным с выводами историко-культурной экспертизы, – вот на каком уровне находится правосознание даже в учреждениях культуры и науки! И после этого было ещё несколько шагов, после этого ещё не один месяц прошёл до тех пор, пока городские власти смогли анонсировать начало реставрационных работ в доме Быкова. Вот как вращается колесо! А ещё в промежутке между этими событиями наш юрист Елена Орлова, одна из наших юристов, судилась – а вы понимаете, как долго это происходит, она судилась из года в год – с пользователем памятника, с тем чтобы принудить его к выполнению хотя бы противоаварийных работ, и в этих судах была добыта победа. Это тоже не слишком заметно, об этом тоже невозможно говорить изо дня в день и напоминать о заслугах конкретных градозащитников или целых движений, это было бы нескромно, но эта победа была, она сопутствовала общему развитию событий, но до достижения окончательного результата ещё очень далеко.

И то же самое можно сказать про каждую из подобных историй, в том числе и про "расстрельный дом", где огромные витрины для создания бутиков в стиле Третьяковского проезда должны были прийти на смену капитальным стенам XVII века

и подвалам, где, возможно, расстреливали жертв репрессий, во всяком случае, где выносили приговоры тройки. Или про гостиницу "Шевалье" напротив МХТ, которая начала выглядеть более-менее пристойно, но которая должна была стать аппликацией, ширмой, фасадом многоэтажного корпуса, выходящего из Камергерского переулка по направлению к Георгиевскому, ступенчато повышающегося и как бы цепляющегося своей высотой за высоту нового корпуса Государственной Думы. Или про Палаты Гурьевых XVII века (Гурьевы – знаменитые ярославские купцы, основавшие город Гурьев, ныне город Атырау, в устье реки Урал), палаты должны были быть полностью уничтожены, там должны были выбрать землю для подземного строительства. Вот каждая такая история для нас, повторю, заветная – даже больше, чем любимая, не знаю лучшего слова. Мы посвятили этим и многим другим случаям годы и годы наших усилий, и ни в одном из этих случаев ещё не видно финала, потому что и постанова на охрану, и утверждение реставрационного проекта – это всё стадии, от которых до разрезания ленточки ещё очень и очень долгий путь, и нет гарантий, что этот путь будет пройден.

Вот это всё примеры не только публичной, но и подспудной документальной и бюрократической (в таком, я надеюсь, хорошем смысле слова) работы общественных движений.

Нынешний период – я не буду говорить о том, что мы его тоже делим на этапы до и после выборов, – период нынешнего руководства правительства Москвы, конечно, отличается от прежнего, конечно, надо признать, что отношение к наследию изменилось, не признать это – значит не уважать свои собственные усилия. Мы (вся градозащитная общественность, не только "Архнадзор", все эксперты) приложили массу усилий, для того чтобы риторика правительства Москвы стала, так сказать, градозащитной, чтобы при каждом возможном случае руководство города отправлялось на реставрационную площадку вместе с журналистами и демонстрировало очередной результат. Мы

видим, что инвесторский бум в центре города сбит, но вместе с тем мы понимаем, что до окончательной победы очень далеко. И что такое вообще окончательная победа?

Мы понимаем, что есть ресурсы для мэрии неодолимые, мы понимаем, что те случаи, с которыми мы столкнулись в эти три года, – это случаи чрезвычайного административного ресурса, например, "Детский мир", и стадион "Динамо", и, предположим, дом Болконского. Во всех этих случаях мы столкнулись с системой исключения из правил, когда, например, ОАО "Российские железные дороги" или дочерние структуры ВТБ могут позволить себе то, чего не могут себе позволить другие застройщики. Так мы потеряли три четверти стадиона "Динамо", который был памятником, так мы потеряли атриум и всё внутреннее пространство и убранство "Детского мира", так мы потеряли абсолютно уникальное, и не только для России, круговое депо Николаевского (Ленинградского) вокзала середины XIX века, так мы фактически потеряли дом Болконского, превратившийся в произведение, не имеющее названия в архитектуре, в истории искусств. Мы пытались противостоять этому пять месяцев, этого было достаточно, чтобы принять решение, которое обычно называют в таких случаях политическим, хотя это слово звучит как ругательное, но в данном случае это действительно было бы политическое решение.

Так вот, одна из крупнейших проблем для градозащиты сегодня – это добиться того, чтобы никто из застройщиков, из тех, кто работает в старом городе, не получал для себя исключений, чтобы мэрия не оказывалась в положении, когда она общается с кем-то из застройщиков как с ещё одним субъектом Федерации, как с горизонтальным партнёром, которому она не может указывать, а тем более как с партнёром, который находится выше. Такого в Москве более быть не должно! И я сказал, что такое решение было бы политическим решением. При этом я должен оговориться, что, в сущности, в том, о чём я говорю, не должно быть ничего политического, речь идёт про-

сто о единстве правил работы в городе. Я мог бы говорить ещё много об отличиях нынешней ситуации от предыдущей, но сейчас ограничусь только упоминанием вот этой самой большой угрозы, потому что объекты, которые не удавалось защитить в эти три года, – это вот те самые объекты, за которыми стоит исключительный федеральный административный ресурс.

Ну а на уровне каких-то общих формул можно сказать, что нынешнее руководство города сместилось из позиции, занимаемой Лужковым, в некую середину. Лужков не был посредником между обществом и городским бизнесом, Лужков был просто равен бизнесу. Он не был медиатором, он не был некоей подушкой, он не был человеком, согласующим интересы, он был той стороной, мы были по разные стороны, и сместился он в ту сторону где-то около 1994 года. Задача городской администрации – либо занимать сторону общества в таких конфликтах, либо, если ты действительно полагаешь, что инвестор в историческом городе приносит городу пользу каким-то образом, в форме ли чистой прибыли или в какой-то опосредованной форме, хотя бы занимать срединное положение, положение того самого медиатора – органа, который согласует интересы, в этом и заключается роль городского управления. В общем и целом городская власть сейчас сместилась или смещается на эту позицию, но мы понимаем, что эта ситуация шаткая, что эта ситуация обратимая. Мы понимаем, что когда господин Казинец становится советником мэра (это один из тех людей, который олицетворяет старое поведение девелоперов в историческом городе), то это звонок, который мы должны воспринимать как тревожный и понимать, что возможно попятное движение.

Нам категорически недостаёт сегодня гласности в принятии решений, об этом тоже необходимо сказать. Что касается правового поля, у нас есть ключевое положение Правительства России о государственной историко-культурной экспертизе и положения закона, говорящие, что главный человек в этом деле – аттестованный эксперт по проведению государственной

историко-культурной экспертизы. Представьте себе ситуацию войны экспертиз, когда есть положительная экспертиза и есть отрицательная, которую принесло заинтересованное лицо, – подзаконный акт позволяет любому человеку и любому юристу заказывать такую экспертизу. Как должен отнестись к этим двум экспертизам орган охраны наследия, принимающий решение, чем он руководствуется, с кем он советуется, кто его референтная группа? Когда, например, речь идёт об отнесении памятников к реестру объектов наследия, это ответственность главы субъекта Федерации. А чем руководствуется мэр, которому приносят ту или иную экспертизу или который сталкивается с войной экспертиз? Конечно, мэр сам этим не занимается, но ведь ему готовят решения. Так вот все три года, пока работала новая администрация Москвы, мы задавали эти вопросы, потому что в Москве не существовало научно-методического совета при Мосгорнаследии и не существует совета по наследию при мэре, подобного тем, которые существуют в Петербурге и в некоторых других субъектах. Мы спрашивали: кто ваша референтная группа? Чем вы руководствуетесь, ставя свою визу "согласен" или "не согласен"? Как вы, чиновник по определению, можете отнестись к содержанию экспертизы? Как вы можете заблокировать недобросовестную экспертизу? Это можно сделать только коллегиально, и закон, пусть по умолчанию, но совершенно не исключает существование коллегиальных органов наряду с аттестованной историко-культурной экспертизой, а закон Москвы прямо предписывает иметь научно-методический совет при Мосгорнаследии.

Друзья мои, сейчас Мосгорнаследие анонсировало возрождение своего научно-методического совета. Это стало результатом трёхлетних, если не больше, ещё со времён принятия Положения о государственной историко-культурной экспертизе, требований иметь коллегиальный орган. То есть необходимо анализировать все экспертизы, сравнивать их на коллегии специалистов, бить по рукам людей (мы знаем эти фамилии), ко-

торые традиционно пишут по принципу: "Чего изволите?" Вот этой гласности не существовало несколько лет, и я не возьмусь утверждать, что появление методического совета – это уже гласность, это только шаг к гласности. А что мешало публиковать заключения историко-культурных экспертиз все эти годы? Да всё то же самое – желание ловить рыбку в мутной воде! Мы должны мониторить информацию доступными нам средствами, о чём я уже говорил, чтобы знать, предвидеть, какая экспертиза появится на выходе, по какому поводу, чего нам опасаться в каждом конкретном случае.

Мне ещё многое хотелось бы сказать, но время выступления подходит к концу, хотя тему эту исчерпать нельзя, можно только прервать мой рассказ.

Спасибо за внимание.

**Лекция президента Государственного музея
изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
И. А. Антоновой**

21 апреля 2014 года

Добрый день! Думаю, что тема, которую я собираюсь затронуть сегодня, очень актуальна, и вот почему. Во-первых, хотя бы потому, что 2014 год объявлен Годом культуры и музеев, как один из важнейших объектов культуры, получил великий шанс повлиять на формирование нашей современной культуры. Надо сказать, что меня не полностью удовлетворяет то, как мы к Году культуры подготовились, – очень поздно мы об этом узнали. В сентя-

бре 2013 года на Валдае состоялась встреча нашего президента Владимира Владимировича Путина с деятелями культуры, на которой вопросы культуры обсуждались весьма активно, но тем не менее к началу 2014 года никаких конкретных предложений, как проводить Год культуры, театры, музеи, библиотеки, архивы и все прочие учреждения культуры не получили. Можно было бы, наверное, сделать больше, выступить с какими-то важными стратегическими предложениями в этом плане, если бы необходимая работа по подготовке была своевременно проведена.

Во-вторых, сейчас полным ходом идёт подготовка такого документа, как проект Основ государственной культурной политики. Вот на фоне проведения Года культуры и энергичной работы над подготовкой проекта этой программы сегодня

следует, наверное, немножко поразмышлять о роли, значении и развитии музеев.

Совсем недавно, буквально неделю назад, рабочая группа Министерства культуры направила свои материалы и предложения по этому проекту программы, на основе которых будет разработана сама программа. Этот документ многих удивил. Надо согласиться с тем, что очень важно было бы в этом документе определить систему основных ценностей, которые культура призвана и выражать, и защищать, и поддерживать, и развивать, но, к сожалению, в этом проекте главный упор сделан на создание некоего "единого культурного цивилизационного кода", ссылая на то, что этот код, собственно говоря, уже существует, что он был создан в ходе исторического развития нашей страны. Нас немного беспокоит само определение этого кода: оно не предполагает никакого развития, а так всё-таки не может быть, потому что, естественно, в каждую эпоху было определённое понимание культурного кода. Ну разумеется, какие-то основные положения могли сохраняться, но вместе с тем каждый раз происходило непременно какое-то обогащение этого понятия, иначе культура, искусство – будь то театр или изобразительное, пластическое искусство, любые виды искусства – стояли бы на месте, не развивались. Хотелось бы, чтобы в Основах государственной культурной политики было дано какое-то другое определение понятия культурного кода.

Очень большой упор в этом проекте программы сделан на понятие самобытности. Само по себе это очень хорошее понятие. Естественно, у каждой страны, у каждого национального сообщества своя самобытность, и она очень важна, её надо поддерживать и развивать. Но одновременно это понятие там сопровождается мыслью о том, что Россия не Европа. Ну как же так?! Ведь мы знаем, что ещё Пётр I прорубил окно в Европу. Да и вся наша деятельность, вся наша жизнь и наше положение в мире определяются тем, что наша страна – удивительная: она и Европа, она и Азия.

И больше того, я бы сказала, что то, как европейские культурные ценности воспринимаются в России, – это особая тема. Особая тема – как у нас прочитывается Шекспир, как у нас воспринимается античное искусство, как у нас читают французских авторов, как знакомятся с творчеством художников не только Европы, но и всего мира. Это, я бы сказала, наше национальное качество надо хранить. Достоевский ещё в конце XIX века, когда открывали памятник Пушкину, говорил о "всемирной отзывчивости" Пушкина, о влиянии великих поэтов мира – Парни, Андре Шенье, Байрона – на развитие творчества Пушкина, который знал буквально всё, что было создано до него, высоко ценил и античное искусство, и искусство Ренессанса, и современное ему искусство, одним словом, этот человек впитал в себя мировую художественную культуру.

Именно на этой основе – "всемирной отзывчивости" – был создан один из самых великих музеев мира – Государственный Эрмитаж, а также Музей изящных искусств (хотя, конечно, он не такого масштаба, как Эрмитаж), сегодня это Государственный музей изобразительных искусств имени Пушкина. Вот эта "всемирная отзывчивость", желание понять, принять самое важное, главное, обогатить себя за счёт изучения мирового опыта – это важнейшее качество нашей культуры, даже позволю себе сказать, что оно положительно отличает нашу страну от многих других стран мира.

В проекте Основ государственной культурной политики дано ещё одно понятие – "культурно-цивилизационная идентичность", опять-таки как что-то застывшее, неизменное и вечное для нашей страны, но, правда, указано, что за всю многовековую, тысячелетнюю историю страны было два периода, когда идентичность России могла быть сломлена, – в 1917 году и в 1980–1990 годах. В документе, с которым я знакома, это никак не объясняется, но само по себе это предположение кажется весьма странным и едва ли может быть принято.

Я думаю, что, как и многие другие области нашей жизни, нашей культуры, музеи, конечно, находятся сегодня на пороге

серьёзных изменений, жизнь требует этих изменений. Само время, наше развитие влияют на некоторые наши предпочтения, понятия, наконец, приводят к возникновению новых объектов искусства. Новое возникает во всех областях нашей жизни, оно должно быть осмыслено такими учреждениями, как музеи, которые хранят для потомства, изучают и предлагают вниманию посетителей и зрителей все эти богатства, в том числе и возникающие на новых этапах развития.

Вам покажется, может быть, поначалу странным такое утверждение, но музеи – это сравнительно молодой организм. Коллекционирование существует испокон веков, это действительно очень древнее творческое занятие людей – собирание каких-то ценностей, в данном случае художественных ценностей, поскольку я говорю об этом. Музей же как учреждение, как специальный организм культуры имеет относительно недавнее происхождение, потому что музей – это не просто собрание экспонатов, памятников, пускай даже самых лучших. Если бы это было так, то это был бы склад, архив, гробница, пирамида, но не музей. Музей начинается с того момента, когда в него входит посетитель, зритель, то есть входит тот, кто использует, так или иначе воспринимает эти памятники и, соответственно, овладевает теми богатствами культуры, которые в этих памятниках заложены.

С этой точки зрения первыми музеями мира были собрания, которые возникли в XVIII столетии, хотя мы знаем, что на Акрополе была пинакотека (пинакотека – это собрание картин). В XVI веке не была открыта для посещения, но существовала коллекция Уффици в здании, построенном архитектором Вазари. Но музеи как таковые, конечно, это создание XVIII века: Британский музей был основан в 1753 году; Лувр в конце XVIII века был создан на основе национализации многих частных коллекций, в том числе королевских. Исключительно активным было создание музеев в самом начале XIX века, причём, как ни странно, музейному буму в Европе – и об этом даже

было так несколько иронично написано – содействовал во многом Наполеон своими военными походами. Вы знаете, что эти походы нередко кончались просто ограблением очень многих стран, и награбленные художественные ценности перевозились в Лувр. Так, например, итальянские коллекции Лувра в большей своей части составлены из тех произведений, которые Наполеон вывез из Италии. Они так и не были возвращены назад, и до сих пор в музеях Италии показывают места, где висели произведения итальянских художников. Эта политика способствовала тому, что страны опомнились, стали более внимательно относиться к тем художественным ценностям, которые находятся в стране, и буквально в первом десятилетии XIX века возникли очень многие знаменитые сегодня европейские музеи, такие как Рейксмузеум в Амстердаме и многие другие.

Несмотря на то что музеи – это, конечно, достаточно консервативные учреждения, развитие музеев и музейного дела в целом происходило достаточно энергично и быстро. Основные функции музеев – учётно-хранительская работа, комплектование, работа со зрителями, научная работа и прочее, и всё это развивалось довольно энергично в самых разных странах и в разных музеях мира.

Как образовывались музеи? Ну, практически любой музей мира, как правило, за некоторыми исключениями, построен, конечно, на частном коллекционировании. Частные коллекции добровольно, или по принуждению, или в результате национализации становились тем ядром, которое было положено в основу той или другой музейной коллекции. Кстати говоря, государственный Эрмитаж ведёт своё начало с 1764 года, когда возникла коллекция Екатерины II. Это не был музей в современном понимании, это была коллекция, которая, конечно, была доступна какому-то весьма ограниченному кругу людей. Скорее, первым музеем в России была всё-таки Кунсткамера Петра I, мы даже знаем, что он привлекал посетителей тем, что за посещение предлагались рюмка водки и цукерброд, то есть что-то сладенькое.

Это положило начало настоящей музейной политике – желание привлечь в музей: не я один смотрю, но и мои знакомые, и другие люди, которым это может показаться интересным.

В России большинство музеев было создано во второй половине XIX века. Разумеется, великим музеем, открытым в 1892 году для свободного посещения публики, была Третьяковская галерея. Кстати, в неё вошла коллекция не только Павла Михайловича Третьякова, но и Сергея Михайловича, его брата, который собирал произведения французского искусства XIX века примерно того же направления, достаточно демократического, которое интересовало и его брата. Вот эти две коллекции и составили сущность и содержание Третьяковской галереи в то время.

Ну, разумеется, большой толчок созданию и развитию музеев дала революция с её лозунгами "Искусство – народу!", "Искусство в массы!" и так далее. Мы знаем, что в 20-х годах возникло много новых музеев: скажем, Музей Востока, который существует и сегодня, возник в 1918 году, прекрасна Астраханская картинная галерея, тоже созданная в 1918 году, и можно назвать, скажем, музеи в Калуге, в Переславле-Залесском, которые не так далеко находятся от Москвы и которые создавались в то же время. Целый ряд музеев, довольно крупных и значительных, был создан незадолго до войны, в 1937–1939 годах, в Екатеринбурге, в Самаре, в Курске. Вот такие этапы в развитии музеев, музейного дела можно выделить.

Хочу сказать, что для развития современного музейного дела – на мой взгляд, это имеет очень большое значение – надо бы этот опыт не забывать. Музеи развивались во время революции и после революции не только за счёт национализации частных коллекций (кстати, процесс национализации прекратился довольно быстро), возникло и другое направление – перераспределение художественных ценностей. Вот, в частности, наш музей – музей изобразительных искусств имени Пушкина. Великий основатель нашего музея Иван Владимирович

Цветаев создал так называемый воображаемый музей, как сказал бы Андре Мальво, министр культуры Франции, который мечтал о таких музеях. Первоначально это был музей слепков при Московском императорском университете. Сlepки – это не копии, они того же размера, но созданы из другого материала. Можно было увидеть одновременно и памятники античные, и египетские, и, скажем, памятники эпохи Возрождения, все знаменитые скульптуры Микеланджело, даже фрагмент Парфенона в натуральную величину или, скажем, макет входа во Франкфуртский собор – всё это было в этом музее. Иван Владимирович Цветаев, когда создавал свой музей слепков, мечтал о подлинниках, конечно, в том числе о живописных, о картинной галерее. И галерея эта была создана революцией: в 1924 году открылись первые два зала картинной галереи. Это было сделано на основе перераспределения художественных ценностей и национализированных, и хранившихся в других музеях. Сейчас эта идея вызывает ужас у многих современных музейных сотрудников, это была, конечно, дикая идея. (Я расскажу позже, какое продолжение, развитие она нашла в наши дни в зарубежных музеях.) Наш музей, в который было передано очень много картин, даже не мог все их вместить, места столько не было, и он передавал свои экспонаты в другие музеи, и сейчас мы находим художественные ценности, переданные законно, со всеми документами из нашего музея, например, в Крыму, в Алушке. Есть картины из нашего музея, с нашими инвентарными номерами в Новосибирске, в целом ряде других городов Сибири, на Урале – в Екатеринбурге и в других городах. Эрмитаж передал огромное количество художественных ценностей опять-таки в этот период. Это был такой абсолютно новый, в общем-то не принятый до того в музейной практике метод перераспределения музейных экспонатов. И вот сегодня к такому же этапу подошли многие крупные европейские музеи. Скажем, Лувр организует выставки в городе Мец и передаёт туда часть своих коллекций, передаёт насовсем. Почему,

что, им не жалко того, что они хранят? Нет, конечно. Но есть понимание того, что называется музейной сетью.

Сколько бы мы ни говорили о популяризации виртуальных музеев, они дают только информационный материал, но не восполняют отсутствие подлинных экспонатов. Огромное количество ценностей из центральных музеев, из художественного фонда страны переходило в другие музеи, и на этой основе создавались музеи в целом ряде городов нашей поистине необъятной страны. Такие процессы неизбежны в силу переполнения крупных музеев мира экспонатами. Сейчас возникает всё большая разница между тем, что в запасниках, и тем, что можно увидеть реально, то есть экспозицией. Колоссальный разрыв, и он становится всё больше и больше. Естественно, музейные коллекции растут, музеи приобретают, покупают, им дарят новые экспонаты, развивается искусство, появляются новые художники – и музеи растут. Все музеи мира без исключения занимаются новым строительством. Целое отделение выстроено в Вашингтоне. В Бостоне буквально недавно открылся Музей изящных искусств, очень высоко оценённый музейщиками, его построил английский архитектор Норман Фостер – замечательное здание! К Чикаго это тоже относится. Или вот возьмите Лувр, весь новый Лувр, с пирамидами, входами, с подземной частью, уж я не говорю о том, что Министерство финансов освободило огромную площадь старого Лувра, которую занимало. Новое строительство ведётся и в Германии, и в Японии – оно колоссальное!

Но вместе с тем идёт и процесс передачи экспонатов. Ну, скажем, Прадо – великий музей, рядом с ним построено здание для произведений XIX века. Я была на открытии, видела это здание, в него из музея просто ведёт подземный переход. Всю свою коллекцию современного искусства Прадо отдал в Музей королевы Софии, включая "Гернику" Пикассо – такой национальный, особого значения памятник. Всё это передано туда и там развивается, и очень успешно – так популяризуется современное искусство, современные коллекции.

Английские музеи. Недавно появилось сообщение: очень многие музеи, включая Британский музей, Национальную портретную галерею и Галерею Тайт, передают часть своих коллекций на временные выставки, а какую-то часть – на постоянные, в музеи к северу от Лондона. При так называемой галерее "Тайт Бриттан" создан музей "Тайт Модерн", его здание находится довольно далеко от галереи, на южном берегу Темзы, но у них один директор на два музея.

Проблема разрастания музеев – иначе всё будет находиться в запасниках – носит глобальный характер. Я думаю, что это один из императивов нашего времени и нашей страны, такой большой страны, какой больше нигде в мире нет. Проблема останется, если будут просто построены дополнительные здания для старых музеев, не более того, – положение дел на местах останется таким же, каким было. Это государственная, это национальная проблема, и в один день или только в Год музеев она не решается. Но поставлена она должна быть, надо думать обо всей стране, а не только об одном-двух городах, это одна из задач музейного строительства: у нас очень плохо строятся новые здания, они практически не строятся, вот того бума строительства, который наблюдается в Японии или, скажем, в Германии, в России, к сожалению, нет.

Материально-техническая база музеев находится в очень плачевном состоянии. Её надо развивать, и прежде всего за счёт свободных старых зданий, – реставрировать, ремонтировать их, но главное – надо, конечно, создавать новую музейную архитектуру. Это очень важно, очень: если будут возникать новые комплексы, дело пойдёт, искусство станет действительно доступным, если уж мы говорим о доступности. Попытка решить эту проблему только за счёт воображаемых, виртуальных музеев несостоятельна. Они, конечно, должны быть, но надо знать цену этому: это то же самое, что картинка в Интернете, вы же не едете в музей и не смотрите сами подлинники. И девальвация подлинников за счёт развития новых технологий недопу-

стима. Надо прививать понимание культуры, учить понимать разницу между картиной и её репродукцией. Весь ужас в том, что XX век – век репродукционной культуры: мы слушаем музыку в наушниках и смотрим картинки в Интернете. Это демократично, это доступно, это всё необходимо – не будем этого отрицать, но и не будем вставать на такой путь: можно и не ходить в Лувр, ведь это всё есть здесь, на экране монитора. Уж коль скоро я имею право изложить свою точку зрения, то скажу, что для меня проблема строительства новых зданий и, самое главное, насыщения их искусством, очень важна.

Один пример. Ещё в 70-х годах наш музей передал в Ирбит – это город в 200 километрах от Екатеринбурга, в Сибири, – коллекцию графики, замечательную, но находившуюся в чудовищном состоянии. Во время войны эта часть коллекции, к сожалению, не была эвакуирована в Новосибирск и намочла, многие листы были очень сильно попорчены. Мы передали большую коллекцию, около 550 вещей, с одним требованием – обязательно провести реставрацию, найти деньги для неё. Много лет, почти сорок лет практически, продолжалась эта работа, и надо вам сказать, что в Ирбите выполнили её изумительно; я была там в феврале на открытии 520 листов, некоторые из них – огромные, колоссальные гравюры. История искусства – это тот материал, на котором тот же Александр Сергеевич Пушкин учился, он понимал и изучал старое искусство, как мог, ведь он был "невыездной". Он не видел "Сикстинскую Мадонну", но он знал её – он знал её по гравюрам. Вот эти гравюры – неоценимый материал, иной раз они были исполнены очень крупными художниками с очень крупных произведений. Проведённая реставрация – изумительная работа, кстати, она выполнялась специалистами ирбитского музея и мастерами наших грабарёвских мастерских. В Ирбите в великолепно отремонтированном старом купеческом доме осенью откроют Музей гравюры и рисунка, единственный в своём роде. Туда передали свои экспонаты ещё и эрмитажники, им дал и Русский музей свои вещи. Это

будет замечательный музей! А как это было бы у нас? Мы бы никогда не смогли этого показать, просто места у нас нет. Это только маленький пример того, как можно работать в нашей необъятной стране, какие центры можно создавать. На открытие приехали из Тюмени, из Екатеринбурга, приехал и губернатор, и многие-многие города в округе прислали своих представителей, которые этим интересовались, которые хотели это посмотреть.

Новый музей, музей XXI века, как мне кажется, должен строиться по новой концепции. Эта концепция заключается в том, что на показ самих художественных ценностей в здании отводится до 50 процентов площадей, всё остальное (назовём это одним словом) – инфраструктура, это чрезвычайно важные помещения: экспозиционные залы и аудитории. Почему аудитории? Аудиторий приемлемых почти нет в музеях, их нет и в нашем музее. Сейчас все крупные музеи мира построены по такому принципу, мне приходилось выступать в аудиториях Лувра, музея Метрополитен, в аудитории МоМА. В Музее современного искусства в Нью-Йорке – четыре аудитории, и все работают на полную катушку, как говорится. В Прадо аудитория на 700 мест – это многофункциональная аудитория, это место встреч со зрителями, очень важное, абсолютно необходимое любому музею, там проходят лекции, там проходят всякого рода конференции, связанные с тем предметом, который обсуждается.

В музеи привлекаются сейчас и другие виды искусства, прежде всего, конечно, кинематограф. Вы даже по нашему телевизионному каналу "Культура" видите, какое огромное количество великолепных фильмов об архитектуре сделано и накоплено, вот это действительно очень важный материал. Вообще, кинопоказ близок к пластическим искусствам. Например, однажды наш музей посетил Эйзенштейн, когда готовил материалы по истории кинематографа: он начинал с изобразительного искусства, с пластических искусств, он считал, что они лежат в основе нового вида искусства. Думаю, кинематограф обязательно должен использоваться в любом крупном музее. Музеи

всё больше втягивают в себя другие искусства, музыка звучит в очень многих музеях мира, например, на наших "Декабрьских вечерах", но не только, мне приходилось бывать на концертах в музее Метрополитен, где выступали Плетнёв и Хворостовский. Наши ведущие, крупнейшие музыканты и исполнители выступали с программой русской музыки, огромная аудитория была заполнена до отказа, было очень интересно, музыкальные вечера там проходят в течение всего года.

Театр и поэзия. Если говорить о будущем музеев – музыка в них должна звучать обязательно, ведь так люди устроены: кто-то лучше слышит, кто-то лучше видит, кто-то очень чувствителен к поэтическому творчеству, и когда искусства воссоединяются, когда одно дополняет другое, это необыкновенно обогащает людей, даёт новые измерения их пониманию не только искусства, но и вообще времени, в которое они живут. Встречи с деятелями искусства обязательно должны проходить в музейных аудиториях.

Музеи будущего обязательно должны иметь много выставочных залов. Вы знаете, даже тогда, когда музей посвящён творчеству одного художника, скажем Тропинина, должно быть много выставочных залов, можно очень много показать убедительно, рассказывать о творчестве этого замечательного русского художника. Сейчас, в начале XXI века, как никогда раньше, – это моё глубокое убеждение – нам необходим диалог в нашем разговоре об искусстве, диалог-наследие, диалог с современностью. Само возникновение и состояние современного искусства подталкивает к этому диалогу, он нужен. Вот мы спорим, и что-то нам нравится, что-то мы принимаем, что-то мы, наконец, просто не понимаем в современном искусстве, но это не предмет для раздражения и не предмет для того, чтобы отвергать его с порога, – нет, конечно, это предмет для размышления. Я вам должна сказать, все великие художники, в том числе современные, обязательно обращались к мировому наследию, они вступали с ним в диалог, что-то понимая, что-то отвергая, от че-

го-то отталкиваясь. Вспомните Пикассо, его "Менины. По Веласкесу" или, я не знаю, его "Сабинянок" по Давиду, или вот Сезанн копировал Себастьяно дель Пьомбо, например, то есть все крупные художники мира обязательно работали в музеях, делали копии, и это не было просто повторение, это не были, так сказать, фотографии, вовсе нет, это были переживания, мысли, и так возникали новые направления.

Выставки проходили и в XIX веке, но только после Второй мировой войны началось то, что назвали выставочным бумом. Он продолжается до сих пор, до сих пор все крупнейшие музеи мира предлагают зрителям выставки. Что такое выставка? Это временное собрание каких-то художественных ценностей для серьёзного разговора об искусстве; они очень динамичны, они, как правило, недолговечны, они привлекают многих, я бы сказала, своим временным характером. Иногда думают: ну, я ещё успею зайти в этот музей, а вот на выставку могу не успеть. И вы бежите смотреть, потому что иначе никогда не увидите вместе Караваджо и Тициана – так, как вы увидите их на выставке, когда она специально собирается и показывается зрителю.

Кроме того, выставка – это, конечно, мощное средство разговора об искусстве, в том числе установление шкалы ценностей: обязателен взгляд в прошлое, обязательно обращение к наследию, но столь же обязательно понимание сегодняшнего дня. Не надо ничего отвергать с порога – ни в коем случае! – обязательно надо идти на диалог. Самый продуктивный разговор о современном искусстве, на мой взгляд, – это разговор идеологический, он очень многое открывает. Этот метод помогает, понимаете, и любой музей может это сделать. В данном случае я могу сослаться на наш музей и сказать о таких выставках, как "Москва – Париж", где сравнивался один и тот же исторический период – первое 30-летие XX века – во Франции и в России, или "Москва – Берлин", где период был несколько шире – первые 50 лет XX века, или "От Джотто до Малевича", где сравнивался огромный исторический период в искусстве

Италии и России. Такие выставки очень продуктивны для зрителей, они заставляют думать, сравнивать и помогают выработать своё собственное мнение.

Когда мы говорим о новом музее, мы, конечно, имеем в виду, что новый музей – это очень развитая инфраструктура, я имею в виду всё: гардеробы, туалеты, кафе, зоны отдыха, музейные магазины, но я имею в виду также то, что почти не развито у нас, а именно аудитории, обязательные помещения для творческой деятельности людей, где они могут попробовать себя, свои силы, особенно это касается детей. Скажем, у нас есть такое учреждение, как "Музейон". Этот детский центр эстетического воспитания работает на постоянной основе, в течение года там занимается более 3 тысяч человек – это много, откровенно говоря, и дети, которые приходят каждую неделю или каждые две недели, очень быстро продвигаются в понимании искусства самого разного рода. Но с этой осени мы открываем новое направление – мы будем работать с людьми так называемого третьего возраста: так изящно кое-где за рубежом называют пенсионеров, то есть людей, которые уже закончили свой рабочий путь, у них появилось время, это люди, которым всю жизнь не хватало времени прийти в музей, реализовать себя даже иной раз в каком-то виде творчества. Вот они будут приходить в музей, будут слушать лекции, участвовать обязательно в семинарах, в разговоре об искусстве, и по своему желанию они будут рисовать, будут лепить, если хотят, вышивать или заниматься каким-то другим видом творческой деятельности.

В заключение я хотела бы сказать ещё об одном направлении выставочной деятельности. Вы знаете, у нас в стране музеи были построены по такому принципу: Третьяковка и Русский музей – это русское искусство, а Эрмитаж и музей Пушкина – это зарубежное искусство, так сложилось. Но начиная с 1972 года наш музей на всех выставках, посвящённых какой-либо проблематике, обязательно стал показывать отечественное искусство наряду с зарубежным. Первая выставка портре-

тов произвела очень большое впечатление, но никто не ожидал, что мы покажем, как, например, Мамонтова написал Цорн и как его написал Врубель. И мы поместили рядом портреты девушек Ренуара и Валентина Серова: это было даже не только сравнение двух изумительных произведений искусства, но и, уж если мы говорим о какой-то национальной идентичности, её выявление и укрепление, вот в такого рода совмещениях мы её и находим. Этому же способствуют такие выставки, как "Москва – Париж", "Москва – Берлин" и так далее. Я считаю, что это очень продуктивный путь разговора об искусстве нашей страны – обязательно в контексте мирового искусства, вообще контекст – это очень важно для искусства.

Говоря о совмещении разных видов искусства, я просто хотела бы в качестве примера напомнить вам о выставке, посвящённой Клоду Моне, которая была устроена в рамках проведения "Декабрьских вечеров" и сопровождалась музыкой, она была совмещена с выставкой, посвящённой Марселю Прусту, литератору, художнику, соответственно звучала музыка того времени. У нас были "Декабрьские вечера", посвящённые Пастернаку: нам было важно найти контекст в искусстве для объяснения его творчества. Ну, художники его времени – это понятно, но, кроме того, мы выставили немецкую живопись XVI века с такой религиозной тематикой, которая абсолютно соответствовала его стихам в "Докторе Живаго", в конце, в последних частях. Такие же вечера мы делали, посвящённые творчеству Шостаковича.

О библиотеках в музеях нового типа. Вы знаете, я думаю, что прекрасный пример (и это для нас не зазорно) нам даёт Библиотека Центра Помпиду в Париже, которая посещается лучше, чем даже сам музей, эта библиотека открыта для всех, так мне сказали руководители музея. Казалось бы, пойдите в любую другую библиотеку, и вы найдёте там нужные вам книги. Нет, это не совсем так: библиотека в музее обладает особым качеством. Вот сейчас, когда мы разрабатываем концепцию расши-

рения и развития нашего музея, одно из помещений мы отдаём именно библиотеке. У нас замечательная, на полмиллиона томов, научная библиотека, но мы будем специально приобретать книги для общедоступной библиотеки по искусству, потому что оказалось, что это огромная разница: почитать и посмотреть книжку просто так или после того, как ты походишь по музею. Это будет особая возможность для тех, кто посещает музей.

И последнее – это научная деятельность музеев. Музей – научное учреждение, безусловно, в музее нечего делать, если вы не знаете предмета. Но всегда как-то предполагалось, что основная работа музея – это каталоги, и безусловно, это так. Например, сейчас мы издали практически все каталоги картинной галереи музея, и становится всё более очевидным, что замечательные научные силы музея надо всё в большей мере переориентировать всё-таки на работу с публикой, на создание специальных методических пособий с целью приблизить наших посетителей к искусству, объяснить им искусство. Создание просветительской литературы самого высокого уровня – это задача самых крупных наших специалистов.

Ну, тема музея очень обширная, и исчерпать её невозможно. Я благодарю вас за терпение и внимание.

Лекция писателя, драматурга, телеведущего,
историка Э. С. Радзинского

13 мая 2014 года

Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Я рад приветствовать вас в стенах Государственной Думы!

История нашей империи начинается невероятно забавно, я бы сказал, парадоксально: в стране, где тысячу лет жила поговорка "Кому воду носить? Бабе. Кому битой бить? Бабе. За что? За то, что баба", в стране домостроя, в стране, где в XVII веке женщины не смотрелись в зеркало, будет пять императриц, самодержавно

правивших Россией, причём они сделали русский XVIII век воистину галантным веком – этого не было нигде, мы здесь первые! И поразительно, что на престол их галантно сопровождала гвардия. Именно гвардия с самого начала выбрала императрицей Екатерину I. Это просто невероятно: вчерашняя кухарка пастора Глюка стала править страной от Балтики до Тихого океана! То есть мечта Владимира Ильича Ленина о кухарке, которая должна научиться править государством, уже была осуществлена у нас в первой четверти XVIII века! А что было дальше? Гвардия так же галантно проводила на престол Елизавету, затем отстояла самодержавство Анны Иоанновны. Неудобно сказать, но безродная принцесса Анхальт-Цербстская с помощью гвардии заставила уйти с трона кого? Потомка Петра Великого и Карла XII, двух очень уважаемых императоров! Мне кажется, что здесь проявилась ещё одна очень интересная

функция гвардии: она была своеобразной чистильщицей. Дело в том, что гвардия исправляла, если можно так сказать, шутки рождений – ошибки, которые иногда приводили на престол ничтожеств, и поэтому вместо Анны Леопольдовны, бездарной, несчастной, безвольной правительницы, на престоле всё-таки оказалась Елизавета. Да, Елизавета верила, что в Англию можно доехать на карете, – что было, то было, – но при этом ведь какова воительница! Ведь заставила величайшего полководца донаполеоновского периода Фридриха дрожать: мы завоевали Берлин, Фридрих вообще думал покончить с собой, и, если бы она не умерла, возможно, это бы и сделал. Но, вы знаете, гвардия была в то же время строга, поэтому создала такую, что ли, традицию, печальную традицию убийства тех, кто ей не нравился, поэтому и Пётр III, и в будущем Павел I, и несчастный Иоанн Антонович были отправлены гвардейцами-охранниками на тот свет. Но всё же гвардия, повторяю, сделала замечательный выбор, причём речь идёт не только о правительнице Елизавете – как удачно была выбрана Екатерина! Вы представляете, её канцлер Безбородко действительно имел право сказать: "Я не знаю как при вас, а вот при нас ни одна пушка без нашего на то дозволения выстрелить не смела!" И её современник, великий враг, масон, всё-таки написал: "Все нити европейской политики были в руках этой женщины, и, когда она дёрнула, Европа содрогалась, как картонный паяц!"

А как вовремя удалили Павла и пришёл Александр II И второе наше величайшее достижение – победа над Наполеоном! Никто не мог, а мы смогли! Так что у гвардии была, на мой взгляд, очень положительная функция. Но в конце состоялся... как сказать... такой бенефис гвардии: если до этого они, гвардейцы, меняли императоров, то теперь – "О жертвы мысли безрассудной!" – они решили поменять строй правления в нашей любимой стране. То есть они, вернувшись, как потом будет сказано, из Парижа и напитавшись "нехорошими" идеями, решили поменять наш замечательный самодержавный строй на строй

республиканский. Впоследствии злая поэтесса написала стихи, которые вы, возможно, учили в школе: "В Париже сапожник, чтоб барином стать, / Бунтует – понятное дело. / У нас революцию делает знать – / В сапожники, что ль, захотела?" Вы знаете, скоро вам будут рассказывать – сейчас это уже модно, – какие они были все нехорошие, как они не хотели отменять крепостное право, как они думали только о себе, – не верьте! Эти все князья, потомки Рюрика и Гедимины, литовского князя, все они во всех вариантах конституции хотели отказаться от титулов, они хотели объявить свободу вероисповедания, они хотели свободу слова! Правда, согласно традициям гвардии, они хотели и убить, да. Вспомните вот этот знаменитый рассказ декабриста Поджио, как он беседует с другим декабристом и тот на пальцах одной руки "загибает" сначала всех мужских представителей династии, а потом переходит к женским. Пестель был серьёзный человек...

А дальше – безумно интересно! Вы знаете, как вступал на престол несчастный Николай I, – до этого, наверное, не было никогда в истории Европы такого, когда двое, которые могут вступить на престол, не просто отказываются, а начинают швырять корону, как волейбольный мяч: Константин – из Варшавы, этот – ему обратно, причём делая вид, что он не знает, что лежит манифест о его восхождении на трон, а он не просто знает – его жена потом напишет в дневнике строчки, которые будут одним из оснований вот этих легенд об уходе Александра I туда, в бродяжничество, о его пребывании в нетях: Александр говорил ей, что хочет отречься от престола и представляет, как стоит в толпе, сняв шапку, и кричит "ура", неузнанный.

Так почему швыряют корону? А потому, что уже знают о заговоре гвардии, потому что и дед, и отец убиты этой гвардией, как в "Гамлете". Вы понимаете, этой ночью Николай ждёт, что будет, отлично зная, что будет! А накануне принц Вюртембергский беседует с губернатором Петербурга Милорадовичем, и губернатор Петербурга говорит ему, что не ждёт удачи от за-

взрастного дня, а принц Вюртембергский не понимает и спрашивает: "Почему?" – "А потому, что гвардия не любит Николая". Принц не понимает: при чём тут гвардия, если есть закон о престолонаследии, если есть манифест? Он не знает, что у нас было самодержавие, ограниченное удавкой собственной гвардии!

Ну а дальше вы знаете – я не буду вам читать курс школьной истории о том, как было разгромлено это великое стояние на Сенатской площади. До сих пор идут споры, почему они стояли. Вы понимаете, они стояли в пяти минутах от дворца и ждали! А потом они будут окружены верной царю гвардией, но до этого их окружали приблизительно 30 тысяч человек – толпа прогоняла всякого, кто к ним приближался! Карамзин (это же великий момент! Вы представляете, как ему повезло, – он увидел мир в его роковые минуты!) отправился смотреть на Сенатскую площадь, вернулся без каблука – видать, бежал – и потом расхаживал в носках по этому огромному залу, где ждали возвращения государя, где были все вельможи, которые должны были присягнуть, и причитал: "Несколько тысяч полупьяных солдат и безумцев-офицеров хотят захватить город Великого Петра!"

А вы знаете, почему они стояли призраком? Хорошо им было затевать заговор за картами, пуншами, им, разгорячённым великими мыслями о свободе, а вот тут они увидели их, они увидели толпу, которая жаждала наброситься на город и начать грабить! Они увидели своих солдат, которые выкрикивали: "Да здравствует Конституция!", перепутав, думая, что Конституция – это жена Константина. Они увидели реальность: призрак революции, которая не так давно случилась в Европе, встал над городом и над ними, – думаю, не посмели, слишком хорошо помнили...

Ну а дальше Николай вступил на престол. Какие у него первые задачи? (Я не буду анализировать это долгое правление.) Он прежде всего понял, что наступил беспорядок, что тайная полиция доказала своё ничтожество – владыки страны узнают о заговоре, когда узнавать-то уже не нужно, перед смертью, – и поэтому главным для него будет охранительная функ-

ция государства. Именно этим он будет заниматься с первого до последнего дня! Причём, что удивительно, он с самого начала сам будет заниматься всем: он будет заниматься допросами всех важнейших участников, он сам напишет объявление о том, что произошло. И мать, и жена крайне волновались, что скажет Европа, и он решил помочь Европе, он написал: "В то время как все жители столицы с большим восторгом восприняли восшествие на престол государя императора, горстка подлецов гнусного вида во фраках..." – всё, никакой гвардии на площади не было, была "горстка подлецов", всё! Повторяю, он сам всем будет заниматься, он распишет даже казнь, ну и, конечно, начнёт создавать Третье отделение. Он протянул, как вы знаете, платок Бенкендорфу, назначенному главой Третьего отделения, объяснив, что это его главная функция – вытирать слёзы невинно осуждённых. Но Бенкендорф был умный: он понимал, что прежде, чем вытирать слёзы невинно осуждённых, ему надо вызвать как можно больше слёз у виновных. Этим и занялись... Штат Третьего отделения небольшой, но дело не в штате – сколько было добровольных сотрудников, которые должны были быть всюду: в борделях, на балах, в армии, в гвардии!.. Следили за всем! Но главное, что понял государь, – так ему показалось – что с опасных мыслей начинаются опасные поступки, и поэтому тайная полиция должна была заниматься литературой, должна была заниматься цензурой: был принят "чугунный устав", и несчастные цензоры боялись даже разрешить публикации, сообщения о смерти какого-нибудь короля – нет ли здесь намёка?.. Вы меня спрóbите тут же, и весьма справедливо: "А как же Пушкин, Гоголь с их страшными сочинениями-приговорами?" Вы знаете, всё было по изречению: "Что позволено Юпитеру, то не позволено быку", и поэтому государь мог сам быть верховным цензором – разрешать Грибоедову, разрешать Пушкину... И оттого всё-таки была великая литература! Он сказал – замечательно сказал, – что суровые литераторы должны понять, что он не только не позволит ругать своё правление, он

не позволит его хвалить, он никому не позволит вмешиваться в его работу! Престиж Третьего отделения надо было поднять – в России не очень любили, особенно вельможи, тайную полицию, – и надо сказать, что государь успешно с этим справился. Дело в том, что каждый раз, выезжая, он сажал в коляску рядом Бенкендорфа, и постепенно голубые мундиры стали желанны. Но иногда государь делал тесты (по-моему, это он): вокруг Бенкендорфа прошёл слух после гибели нашего великого поэта, что он "не уследил". Я думаю, что даже Бенкендорф поверил в этот слух, потому что он тотчас заболел. А слух становился всё шумнее – "палач мысли" наконец-то уйдёт. И вот тогда государь навестил Бенкендорфа, и на следующий день опять навестил, и так каждый день, и, как вы уже догадались, когда Бенкендорф выздоровел, там было не просто многолюдно, там было столпотворение: все спешили выразить большую радость по поводу выздоровления "палача мысли". А когда Бенкендорф умрёт, государь скажет замечательно печальную фразу: "Никогда не забыть! Никем не заменить!" – и поставит бюст Бенкендорфа – единственный бюст – в свой кабинет, и когда государь будет умирать на своей скромной походной постели (по нашему – раскладушке), то прямо там, недалеко, будет "стоять" Бенкендорф и "смотреть" на него.

Вы знаете, действительно тайная полиция достигла высот размышлений, так что Бенкендорф даже сказал такую фразу, которая, я думаю, и сейчас могла бы быть подхвачена: "Прошлое России – удивительно, настоящее – великолепно, а будущее – выше всяких сравнений!" – так и только так следует писать о русской истории! Это вызывало, конечно, некоторые сомнения у "злых либералов", но это неважно, потому что государь уже мог сказать, глядя на общество: "В России всё молчит, ибо благоденствует". И Бенкендорф вместе с Уваровым – а на самом деле государь, потому что, повторяю, государь занимался всем, – и создали вот эту великую триаду: "Православие. Самодержавие. Народность". Вам её объяснят более популярно без

меня, но меня всегда удивляла вот эта последняя составляющая – "народность" – применительно к полунемецкому двору, который целиком говорил по-французски.

Ну а дальше была создана, как написал современник, "великолепная империя фасада": были блестящие балы, которых не знала Европа, государь окружал себя невероятной роскошью, а в личной жизни был необычайно скромен – от всех этих дворцов он спасался на "Александрии" с её низкими потолками. А парады! "... Сих знамён победных, / Сиянье шапок этих медных, / Насквозь простреленных в бою. / Люблю, военная столица, / Твоей твердыни дым и гром..." – действительно, всё было, гвардия почти балетом стала, правда, и балет иногда превращали в гвардию. Так, например, когда ставили пьесу Моцарта, государь попросил, чтобы янычар изображали балерины и чтобы их научили обращению с оружием, они не поняли и думали, что это шутка, но государь не терпел, даже когда муха его не слушалась, и поэтому попросил сообщить этим балеринам, что их будут учить на морозе в балетных туфлях, – они поняли... научились.

А когда сгорел Зимний дворец – а сгорел потому, что государь там сделал какие-то нововведения неправильные, он это признал, – государь повелел восстановить его в один год. Восстановили, по-моему, за полтора, но это было невероятно, ведь дворец был сожжён дотла! Были согнаны крестьяне со всей страны, и в этот невероятный срок они восстановили дворец. Кстати, на улице был страшный мороз – догадываетесь, сколько их вымерло в этом дворце? Но самое поразительное, что когда дворец сгорел, то вещи, корона, драгоценности – всё лежало в снегу и ни одного предмета не исчезло! Там, правда, не хватило какой-то ерунды, но, когда снег стаял, и её нашли. Порядок был большой, и во дворце, как описывает фрейлина, все ходили чуть пригнувшись, разговаривали шёпотом – всё было наполнено присутствием владыки! Это был Зевс! А когда он одаривал своею милостью дам, то, как объясняла одна

из дам злomu, нехорошему европейцу маркизу де Кюстину, это было великое благодеяние, притом что одновременно отношения государя и императрицы были символом великой любви, это была первая пара – Николай и Александра. Императрица была очень умна, хотя все думали, что она простодушна: когда одна из фрейлин решила открыть ей глаза по поводу некоторых увлечений мужа, та просто ничего не поняла... а фрейлина исчезла из дворца на следующий день. А когда государь умирал, то, зная о его долгом-долгом романе с первой красавицей дворца Нелидовой, она сказала: "Варенька хочет проститься с тобой", но государь ответил: "Благодарю тебя, но не надо, скажи ей, я буду молиться за неё".

Итак, повторяю, "фасад" был прекрасен. Но вот здесь мне бы очень хотелось, чтобы было какое-то большое исследование того, почему так ужасен стал "чёрный двор", почему на "чёрном дворе" выросла вот эта гигантская бюрократия, почему страной уже правила не аристократия, а бюрократия. Когда государю показали "Ревизора", он совершенно справедливо сказал: "Хороша пьеска – всем досталось, а больше всего мне". И этот умный государь ничего не сделал – знаете почему? А ничего не мог сделать, уже не мог. Он попросил Третье отделение выяснить, кто из его губернаторов не ворует. Всегда в этом месте почему-то смеются двое: один, как он сам сказал, потому что слишком честен (бывает такое), а второй – потому что слишком богат. Вы знаете, он же всё время оборонялся, поэтому был создан невероятный таможенный устав: ни одна злобная французская литературная падаль, так её назовём, то есть нормальный французский журнал, не могла к нам попасть. Как вы знаете, одновременно за границей Герцен стал печатать вот эту нашу заграничную нелегальную литературу, так её назовём. Открою вам секрет, который, впрочем, вы знаете: в огромном количестве эта литература поступала, несмотря на этот таможенный устав, в Россию. И когда надо было свергнуть чиновника-мздоимца, писали не государю, писали Герцену, и он печатал.

А государь, оказывается, был усердный читатель этого журнала, потому что понимал, что там всё-таки правда. У маркиза де Кюстина есть "клеветническая" книга, где он "клеветнически" писал, что в нормальных европейских странах умение говорить возведёт на вершину власти, а здесь почему-то – умение молчать... ну и так далее, я не буду всю "клевету" его пересказывать, вы почитайте книжку. Ну, естественно, государь встречался с де Кюстином, это была мудрая идея, ведь де Кюстин был монархист: революция убила и отца его (гильотинировала), и деда, поэтому в его любви к монархии можно было не сомневаться, и государь был с ним искренен, он сказал ему, что самодержавие соответствует гению русского народа, что он скорее отступит до Китая, чем разрешит конституцию. В общем, все главные мысли он ему выложил, был добр и искренен, а этот "клеветник" всё записал и опубликовал, в том числе то, что в этой стране правит какая-то невидимая палка. Естественно, эту злобную книгу нельзя было ввозить, и так же естественно, что её привезли, и когда спросили кого-то, как это удаётся, то современник сказал замечательную фразу: "Я вам не только французскую книгу сюда привезу, я вам французскую гильотину сюда привезу. Весь вопрос – сколько заплатите". Вот так жила эта "империя фасадов"!

А дальше был главный тест – Крымская война. И вот здесь выяснилось, что у армии, которую так славили, действительно героической, нет ни современного вооружения, ни современного флота. Кто был в Петергофе, представляет "Александрию", дворец маленький, там наверху есть каморка такая, которую государь, будучи гигантом, обожал, там масса биноклей, подзорных труб. И вот в эти трубы наш рыцарь самодержавия (это по правде, это без юмора), который вступался и за другие монархии, вдруг увидел на рейде английский флот! И он начнёт умирать... А незадолго до смерти он произнёс фразу: "Вступая на престол, я мечтал слышать только правду, но в течение всего правления я слышал только ложь и лесть, лесть и ложь и по-

степенно отучился отличать правду от лжи". Попробовали бы ему сказать правду после слов: "Я не только не позволю ругать своё правление, я никому не позволю вмешиваться в свою работу!" И вы знаете, что самое интересное? Тот самый маркиз де Кюстин, который по-русски-то не знал – что, в общем-то, было необязательно, ведь двор говорил по-французски, – наблюдая твёрдую вертикаль власти в этой стране порядка, почему-то написал через пятьдесят лет: "В этой стране будет революция куда более ужасная, чем та, которая была в моей стране".

Крепостное право: государь создавал секретные комитеты, делал какие-то послабления, говорил, что крепостное право – зло, но отмена его – зло куда более страшное. И не отменил! И 23 миллиона крепостных – соотечественников, сограждан! – можно было продавать, покупать, и каждый день в христианской стране нарушались все заповеди Божьи: создавались гаремы, разъединялись семьи, и всё это было ежедневно. Так что накалялось, накалялось... Поэтому, с моей точки зрения, микроб революции начал где-то с 1825 года пожирать империю.

Ну а дальше пришёл Александр II, которому отец, умирая, сказал эту тысячу раз цитированную фразу: "Оставляю тебе команду не в надлежащем порядке, оставляю тебе много трудов и забот..." Действительно, с казной было плохо, с армией было плохо, с крестьянами было плохо. И ведь что сделал Александр? Что сделал этот действительно последний великий русский царь? Ведь он же не просто отменил крепостное право, он отменил, как это ни страшно, основную часть русской жизни! Вы понимаете, помещик был одновременно и полицейским, помещики были властью на местах, там не нужны были чиновники, армия из крепостных набиралась (и воевала, и победила Наполеона!), был суд помещичий – и всю вот эту гигантскую структуру от начала до конца надо было менять, то есть всю жизнь надо было менять! Вы представляете хаос, который тут же наступил?! Сначала все в восторге (ну, как у нас в перестройку): все всё любят, все радуются, а потом... не проходит

месяца, выясняется, что все недовольны: помещики (как им без крепостного права?!), крестьяне (земли мало дали!), а особенно недовольны городские крестьяне, при господах, развращённые, студенты были безумно недовольны. Все захотели всего и сразу! В стране, где 80–90 процентов безграмотных, захотели парламент, притом сразу. Достоевский замечательно сказал: "Если русскому школьнику показать даже карту звёздного неба, он и её исправит". Вы понимаете, все захотели всего! И в центре этого был несчастный государь, который, как и любой бы другой человек, совершающий реформы, уже через некоторое время сказал: зачем я это начал? Ну и потом, как вы знаете, он реформы-то и остановил, а в России (у неё такая особенность, хотя, наверное, так и в любой другой стране) начинать-то реформы опасно, а уж останавливать их – ещё опаснее, потому что все соблазнены реформами, все чего-то ждут... Кажется, цензор Никитенко написал: "Почему-то всему хорошему в России суждено начинаться, но никогда не доходить до конца – одной рукой вам дадут, а другой отнимут". И молодые люди, как вы знаете, не согласились – и началось... Началось это невиданное движение (подобного больше не было и, наверное, не будет никогда), когда молодые люди бросали всё, состояние, дом, и шли в этот "тёмный народ", причём все шли по-разному: одни шли поднимать народ против царя, другие – образовывать народ, третьи – лечить народ, а четвёртые просто бежали от этих новых похотей (акций, дивидендов), бежали от нового русского капитализма. Чем был этот капитализм? Об этом ещё поэт-гражданин говорил: "Грош для новейших господ / Выше стыда и закона; / Ныне тоскует лишь тот, / Кто не украл миллиона". Я вам могу читать все стихи Некрасова под аплодисменты, потому что это один к одному – всё, что происходило в знакомой стране со знакомой вам перестройкой, только назывались они не "новые русские", а "новейшие господа", вот и всё. Ну и что в результате? Будет военное положение, будут назначаться генерал-губернаторы, будут взрывы... Россия, как напишет Достоевский, действи-

тельно стояла на краю бездны. "Колебясь над бездной" – так он определил ситуацию в стране. Но вы знаете, почему он действительно великий царь? Потому что он понял, понял то, что должно было нас спасти: что нужна новая революция под названием "эволюция", он понял, что для того, чтобы спасти самодержавие, необходимо его ограничить, – и он повернул страну к конституции! Лорис-Меликов, которого он позвал, эта кукла в руках государя, должен был его защитить от нападков сына, от нападков всей клики консервативной, которая образовалась вокруг Аничкова дворца, где жил наследник. И, как вы знаете, поспешили... Дело в том, что больше всего "народовольцы" боялись (это всегда так: больше всего крайние радикалы боятся этого) того, что может остановить движение народа к взрыву. Конституция должна была абсолютно поменять жизнь России! Государь отлично понимал, что скоро наступит новый век и что ситуация, когда один человек правит этой бескрайней страной и знает, что его наследник готов к тому же, бессмысленна, – и его убили!

Ну а дальше всё известно. Пришёл Александр III (его многие очень любят, поэтому я буду очень осторожен), который сказал замечательную фразу: "Конституция? Это чтоб я присягал скотам?" – вот так сказал он, просто и ясно. И вдвоём с Победоносцевым они успешно "заморозили" Россию. При вот этой "заморозке" гниения быть уже не могло, но и расти уже тоже ничто не могло. Позже поэт, современник почти, писал: "В те годы дальние, глухие, / В сердцах царили сон и мгла: / Победоносцев над Россией / Простёр совиные крыла, / И не было ни дня, ни ночи, / А только тень огромных крыл; / Он дивным кругом очертил / Россию, заглянув ей в очи / Стеклянным взором колдуна..." И дальше: "И у волшебника во власти / Она казалась полной сил, / Которые рукой железной / Зажаты в узел бесполезный..." По виду Александр III был, конечно, гигант; вот некоторые подсчитывают, сколько там крови немецкой – 99,99 процента, – а выглядел он как настоящий русский поме-

щик, величественен был! Рассказывают, что как-то он шинель попросил у казака, так находившийся рядом с ним Вильгельм бросился за этой шинелью, а однажды он удил рыбу, и, когда ему сообщили о том, что хотят аудиенции гости из двух европейских держав, которые не записывались, он величественно сказал (эдакий гимн монархистов): "Европа может подождать, пока русский царь удит рыбу". Знаете, Европа ждать могла, а вот история нет, история ждать не могла – нужны были реформы, нужна была конституция! А уже в конце его жизни произошёл один важнейший эпизод, советую вам, как принимающим участие в управлении страной, его запомнить. Государь, они, как вы знаете, подобны животным, которые чувствуют землетрясение. Так вот, государь сказал своему любимому адъютанту Отто Рихтеру: "Что-то вот не ладится у нас в России". И Отто Рихтер объяснил: "Представьте, государь, котёл, в котором кипят газы, а вокруг ходят заботливые люди с молотками и старательно заклёпывают малейшее отверстие. Но однажды, государь, газы вырвут такой кусок, что заклепать-то будет нельзя". И государь, как пишет Рихтер, застонал, как от боли... И ничего не сделал! А потом при сыне его несчастном и рвануло! И рвануло...

Все вы знаете эти популярные версии о жутких немецких шпионах, об ужасном Парвусе, который сделал нашу революцию, – будьте осторожны в отношении этих версий. Дело в том, что вот этот гигант, которому не было ещё и тридцати лет, слишком разнился с вступившим на престол маленьким царём со слабым голосом, и если папа не пускал великих князей в Гатчину, где жили, то теперь они могли входить в кабинет государя – он же вежливым человеком был, он привык относиться к ним с уважением, и часто приходилось ему соглашаться... Но это было только начало.

1903-й год, наш поэт – у нас же они пророки! – пишет: "Всё ли спокойно в народе? / Нет, император убит. / Кто-то о новой свободе на площадях говорит... / Кто же поставлен у власти? / Власти не хочет народ". Вы представляете, он пред-

сказывает Февральскую революцию! Но не только её предсказывает, он предсказывает появление того, кто приходит всегда после революции: после каждой революции приходит смиритель, который должен это разбуженное море ввести в берега обратно, – на Западе это Кромвель, Наполеон, а у нас вы знаете кто. И вот поэт продолжает: "Слышно, что кто-то идёт. / Кто ж он, народный смиритель? Тёмен, и зол, и свиреп: / Инок у входа в обитель / Видел его – и ослеп. / Он к неизведанным безднам гонит людей, как стада... / Посохом гонит железным... / Боже! Бежим от Суда!" Как вы знаете, не убежали... Это написано в 1903 году, а в 1902 году, годом раньше, Горький писал: «Был у меня вчера старик Ключевский, и он сказал: "Насколько я знаю историю и нашу, и всемирную, мы с вами присутствуем при агонии самодержавия"». Вот вам и либеральный историк, и поэт! А хотите пострашнее? Это дневник: "Часто слышишь вокруг, что мы идём быстрыми, широкими шагами к какому-то бедствию, оттого грозному, что оно нам неизвестно. Будет ли это убийство царствующего дома, междоусобная война и кровопролитие?" Знаете, кем это написано в дневнике? Членом большой царской семьи, самым умным, это великий князь Константин Константинович Романов, известный всем под псевдонимом "К. Р.", под которым он писал стихи. Посмотрите начало: "Часто слышишь вокруг..." – он же не с быдлом общался, он же с социал-демократами разговаривал, у него был свой круг, и там тоже это знали.

А потом у нас будут две революции – революция 1905-го года и революция 17-го года, революция 1905-го показала государю всё, что с ним будет в 17-м году. Забастовки, армия на фронте, в войне с Японией, и так далее – чем усмирил? На мой взгляд, буквами, буквами, которые написал вместе с Витте, называется "Конституция". Чем занялись на следующий день? Начали отменять вот эту конституцию, возвращать всё обратно, не понимая, что это спасение. Столыпин пришёл – виселица работала так, как со времён, наверное, Ивана Грозно-

го не работала. "Столыпинский галстук" – это не большевики придумали, это у Льва Николаевича можете найти. Что понял Столыпин? Что без реформ не обойтись – и начал величайшую крестьянскую реформу, он решил повернуть наш Царьград к Манчестеру. Что сделали? Перед гибелью то, что он уже не будет премьер-министром, было ясно... У меня есть книжка о Распутине, она основана на документах, и там есть воспоминания Хвостова о том, как к нему приехал из Царского Села Распутин и предлагал занять пост Столыпина. Хвостов не знал ещё тогда Распутина (мало кто его тогда знал), он подумал, что это какой-то сумасшедший, и прогнал его, и Распутин дал телеграмму царице, разочарованный: "Хоть Бог на нём и почиёт, но чего-то в нём недостаёт". Хвостова сделают министром позже. Они хотели от него избавиться как можно быстрее, не понимая, что это последний, кто держал, как Атлант, этот свод.

И вот здесь самая главная мысль: наша беда не в том, что у нас случилась революция, а в том, что она случилась слишком поздно. Мы не дали ей случиться при Александре II, когда он задумал вот эту свою революцию – конституцию. Вот так стремительно, в три дня якобы – а на самом деле это был долгий, как мы с вами сегодня пытались выяснить, процесс, – пала царская цивилизация.

Заканчивая, скажу одну любимую фразу, я услышал её, когда за дверью подслушивал разговор отца с писателем Олешей; они знали, что я подслушиваю, поэтому периодически переходили, к моему бешенству, на французский язык, потому что они были, понимаете ли, ученики классической гимназии, оба были выпускниками Ришельевского лицея, а я был ученик нашей школы, которая справедливо называется средней, поэтому я был не в теме. Так вот, я услышал эту фразу, которая, как оказалось потом, вовсе не Олеси, она принадлежит классику, но другому: "Хорошо было Ною – в его жизни был только один потоп, правда, потом пришёл Хам, но ведь тоже всего один". Мы с вами из страны многих потопов – такого нигде не было! Вы

представляете, за 70 лет – три цивилизации! Одной мы с вами коснулись, дальше будет большевистская цивилизация со своей религией – марксизмом-ленинизмом, со своей культурой, и вот теперь третья цивилизация. Вы представляете, что творится в наших душах и в умах, какой хаос?! Поэтому на людях, которые решились писать учебник по истории нашей страны, лежит огромная ответственность, и я им советую помнить, что самое опасное – когда историк превращается в официанта, подносящего нужное блюдо, я советую им помнить пушкинское "добру и злу внимая равнодушно" (как пишет свою летопись летописец), я советую им помнить слова замечательного историка: "Размышляя о событиях истории, не следует ни смеяться, ни плакать, а следует понимать, что история – это карта для мореплавания и если места, где корабль потерпел крушение, из самых весёлых и нужных соображений объявлены местами побед – это горе, страна будет повторять и повторять невыученный урок".

**Лекция ректора
Государственного музыкально-педагогического института
имени М. М. Ипполитова-Иванова**

В. И. Вороны

20 мая 2014 года

Дорогие друзья, во-первых, хочу сначала поблагодарить организаторов этого цикла лекций – я считаю, что это замечательное начинание, и хотелось бы, чтобы это стало традицией. Конечно, право воспользоваться этой высокой трибуной для меня честь, но хочу оговориться: я не историк, не теоретик, не оратор, я человек несобытийной сферы – педагог и музыкант – и не претендую на истину в последней инстанции, на научность того, о чём мы сегодня будем говорить. Думаю, что формат нашего разговора – как раз о месте России в мировой музыкальной культуре, о нашей функции, в целом о роли музыки, как составляющей бытия и человечества.

Наш разговор мы можем построить и в интерактивной форме: если у кого-то есть что-то наболевшее в этом плане, если есть какие-то идеи, то мы можем услышать это сегодня, но важно только не задавать вопросы, на которые вы сами знаете ответ, и чтобы вопросы были не общие, а именно в формате нашей сегодняшней беседы.

Хочу сказать, что я никогда не осмелился бы воспользоваться этой трибуной, если бы не был убеждён, что тема, касающаяся вклада России в мировую музыкальную сокровищницу, особенностей развития отечественной музыкальной культу-

ры, – это очень важная тема для всех периодов истории и России, и любой страны, я в этом убеждён, я этому посвятил жизнь. У меня были и другие занятия, с некоторыми иными сферами я тоже знаком, и с ними нужно знакомиться, но чтобы понять, что такое музыка, конечно, всю жизнь надо заниматься именно этим и заниматься по-настоящему. Для многих, для большинства это недоступная и непонятная сфера, я бы сказал, но та часть общества, которая этим занимается, двигает и развивает общество, двигает и развивает личность. Мы не все до конца понимаем функцию культуры в целом, и об этом сейчас многие говорят, поэтому я очень рад, что сейчас эти вопросы стали активно подниматься на государственном уровне, – убеждаюсь в этом и как член Совета по культуре при Председателе Государственной Думы. Сейчас наступает более благоприятное время для определения наших перспектив, для выработки нашей стратегии в этом плане.

Знаете, музыка – это как иностранный язык: если его не знаешь, то не поймёшь, но иностранный язык можно выучить за три месяца, за год, а в музыке в результате развития нашей цивилизации произошли такие накопления, что необходимо начинать изучать её уже в самом раннем детстве. Не все это понимают, многие за это ругают, говорят, лишаете детей детства, даже по линии министерства образования какие-то претензии звучали по поводу того, что, мол, нельзя начинать так рано, нельзя детей перегружать информацией, надо с четвёртого класса. Да, музыкант – это опасная профессия, но опасная, как и любая другая, профессия пожарного, может, более опасная, тем не менее люди идут этому учиться, идут работать пожарными. И вопрос здесь не в том, когда начинать, а в том, как учить: можно, конечно, издеваться над ребёнком, просто нагружая его, и это тоже будет обучение, а можно его стимулировать, и тогда для него это будет счастьем, он сам будет к этому рваться и очень многое будет успевать. Надо сказать, что тому, как музыка развивает личность, вообще нет аналогов, потому что в музыке, и в исполнительском искусстве прежде всего, со-

брано всё, что есть в природе: и спорт, и акробатика, и шахматы, и философия. Музыкант – это раритетная профессия, для которой надо создавать специальные охранные организации: у нас есть охрана памятников, есть занесённые в Красную книгу животные, есть заповедники – и к этой профессии надо относиться так же, потому что урбанизация и новые информационные технологии постепенно лишают людей многих навыков, способности владеть руками, тактильных ощущений – всего того, без чего жизнь не будет полноценной. Это очень хорошо понимают в академических кругах, но сегодня я хотел бы адресовать это широкой общественности, ведь для этого тоже нужны отдельные усилия, серьёзная работа и консолидация общества, без которых, конечно же, никакие подвижки невозможны в той мере, как этого требуют запросы общества и время.

Так всё-таки что же такое музыка? Зачем она вообще нужна? Почему без неё нельзя? Сейчас такое время, когда происходят страшные события – экономические кризисы, какие-то природные катаклизмы, военные действия. О таких моментах сказано: когда говорят пушки, музы молчат, но мне кажется, что именно в такие периоды они не имеют права молчать. Вот сейчас, может быть, в Европе не самое благоприятное время для восприятия России, но я хочу привести один факт – буквально недавно мы вернулись из Италии с фестиваля российско-итальянской культуры. Честно говоря, мы побаивались туда ехать, опасались, как с нами будут общаться, будут перемены или нет, и должен сказать, что в начале фестиваля какой-то холодок ощущался, но потом было просто паломничество, и с каждым концертом всё больше и больше благодарности – вот что может сделать искусство, что может сделать музыка! Ничто другое не может сделать столько для единения народов, потому что музыка – это составляющая души каждого человека, это то, что объединяет нас всех, всё человечество, а границы – это всё условности, появившиеся в результате развития.

Так вот мне кажется, что на вопрос, что такое музыка, ответить практически невозможно: ответ ищет каждое поколение

и каждый человек сам для себя так же, как ищут ответы на вопросы, что такое любовь, что такое бесконечность, что такое космос, – это, как и музыка, необъятные понятия. Наш разум – это продукт цивилизации, это то, что мы смогли отобрать из безмерного космоса нашего подсознания и объяснить словами: научились как-то что-то изображать, открыли какие-то научные законы, но наш разум составляет лишь микроскопический процент нашего внутреннего космоса. Наверное, год или полтора назад выпуск передачи Михаила Швыдкого "Культурная революция" был посвящён этой теме – теме коллективного бессознательного. (Я тоже имел некоторое отношение к этой передаче.) Что это такое? Так вот, наш внутренний космос сопоставим с внешним – это необъятный спектр ощущений, чувств, которые мы не можем объяснить, и музыка в этом плане, может быть, единственное из искусств, которое может говорить на языке ассоциаций, каких-то микроскопических движений души, она может передать всё, что существует в мире, и каждый воспримет это по-своему и будет прав, потому что увидит что-то своё. Вы когда-нибудь задумывались, почему на концерте – как правило, интересного исполнителя – зал замирает, никто не кашляет, люди почти не дышат, а как только наступает перерыв, сразу начинается шум, откашливание и так далее? Это какое-то физиологическое явление, тоже труднообъяснимое, но это происходит только в отношении выдающегося исполнителя, который обладает какой-то магией, чувствует свой внутренний космос и способен его передать, поделиться этим с аудиторией, что тоже не всегда бывает: человек может чувствовать, но передать не может – это разные вещи.

Мне кажется, да и вообще музыканты убеждены, что цивилизация существует для музыки, это главный признак человечества, нашей цивилизации, ведь недаром американцы послали в космос запись Девятой симфонии Бетховена как послание землян иным мирам (наверное, это было лет десять или пятнадцать назад). Мы мало об этом задумываемся, а на эту тему, конечно, нужны специальные исследования, и не только в узких

академических кругах, сейчас нужно об этом говорить широко. Чуть позже мы вернёмся к этому – к тем задачам и проблемам, которые сегодня стоят перед нами.

Мы родились в счастливой стране – мы родились в очень музыкальной стране. Я считаю, что те люди, которые родились в музыкальной стране, – это счастливые люди, потому что, овладевая языком музыки и умением понимать её, человек приобретает дополнительный орган видения, дополнительный орган чувств, он гораздо красочнее видит мир, гораздо глубже понимает все явления и с точки зрения личностного развития выходит на какую-то особую точку, особую платформу, с которой по-другому видны многие явления.

Идея учредить фонд "Русское исполнительское искусство" (вначале это была ассоциация "Русская исполнительская школа") зрела давно и во мне, и в обществе, но осуществить это стало возможным как раз после нашего революционного поворота 91-го года, когда появились возможности как-то индивидуально влиять на жизнь, на ситуацию, делать что-то не по указке сверху, люди стали объединяться по интересам, по профессиям, по каким-то другим критериям. Как раз в тот период у нас был, так сказать, бизнес-тур по Енисею с группой артистов, а также в нём участвовали западные и наши экономисты, которые читали лекции для руководителей Красноярского края, и я там познакомился с Александром Яковлевичем Лившицем, тогда профессором Московского университета, ведущим эти лекции. Я ходил на них, мне было очень интересно, и потом я ему сказал о том, что сейчас, в связи с этими нашими революционными событиями, у нас происходит очередной исход наших деятелей культуры на Запад, мы теряем уникальный пласт нашей культуры, и спросил, почему на эти лекции не приглашают деятелей культуры, ведь без них всей полноты явлений не увидеть. Я сказал ему это открытым текстом, может быть, это прозвучало утопично, но он ответил, что действительно надо это делать и будем это делать. Я говорил, что нам надо объединиться, создать такую организацию, чтобы приостановить уход из Рос-

сии выдающихся музыкантов, которых она вскормила, но без него мы не сможем это сделать. На это он ответил: начинай, мы поможем, – но потом он стал советником Ельцина и не помог, ему было не до этого, мы сами это всё делали. Так вот я говорю это к тому, что история, все события нашей жизни отражаются именно в явлениях искусства и культуры, и с этой точки зрения виднее перспектива и понятнее прошлое.

Вообще, у музыки есть такое свойство – с её помощью можно перемещаться в пространстве и времени: мы можем дружить с Бетховеном, мы проникаем, что называется, в его мозг, в его душу, и так с любым другим композитором, и это нам иногда дороже, чем дружба с современником, который в нас не будет так копаться, как мы в Бетховене, и не будет нас так понимать, как мы его. В этом смысле действительно – может быть, кого-то это задевает, но об этом говорили все выдающиеся умы – выше музыки нет ничего на свете.

Так получилось, что Россия стала ведущей музыкальной державой в мире: она взяла те семена, которые были на Западе, и на нашей почве они дали потрясающие всходы. Но это, опять же, была системная государственная политика на протяжении многих веков, само по себе это не могло получиться. Началось это ещё с допетровских времён, затем Екатерина, когда открывала академию художеств, тоже искала таланты в простой среде. Вот потрясающий пример: Евстигней Фомина, который считается основателем профессиональной композиторской школы, она нашла тоже в простой семье, послала учиться в Болонью, учился он вместе с Моцартом (они учились, кстати, у одного педагога), причём делал успехи – там, где Моцарт получал тройки, наш получал пятерки. У него и кличка там была Русский Моцарт, которая сохранилась и потом, когда он вернулся в Россию. Но это судьба из категории "художник и власть": он вернулся в Россию, был очень плодовитый композитор, талантливый человек, Екатерина попросила его написать оперу на своё либретто, он это сделал, но по наивности из лучших побуждений попытался что-то улучшить, после первого акта Екатерина ушла, обидев-

шись на эти исправления, и он, естественно, попал в немилость. Он прожил всего 38 лет, написал более шестидесяти опер, до нас дошли только шесть. О его жизни практически ничего не было известно, и мы по линии нашего фонда сделали заказ писателю Борису Евсееву, который восстановил его судьбу и написал роман "Евстигней". Автор назвал своё произведение романом-версией, потому что в биографии композитора было много белых пятен и некоторые эпизоды он домыслил, хотя считает, что иначе быть просто не могло, так что можно расценивать этот роман и как документальный, рекомендуем почитать.

С точки зрения взаимодействия художника и власти в России всё начиналось непросто, но стиль жизни того времени и сама образовательная система как раз имели гуманитарную направленность. Конечно, это касалось одного сословия, но если человек не мог играть, петь, танцевать, писать, рисовать, общество его не принимало, потому что в салонах, на балах была сосредоточена вся культура. Музыка и инструментальное исполнительство были прерогативой крепостных музыкантов, и когда Россия начала собирать лучших – лучшие умы, лучших архитекторов, лучших художников, лучших учёных, – создавалась насыщенная интеллектуальная среда. Вот тут мы подошли к вопросу о главной функции культуры. У нас иногда говорят, что в культуру нужно только вкладывать, она не окупается, – она окупается, очень сильно окупается! Если посмотреть историю, то всем научным открытиям, экономическим, революционным преобразованиям предшествовали культурные накопления – именно благодаря этой насыщенной среде рождаются великие идеи, иначе мы обречены только на изобретение велосипеда. Если мы не ставим культуру во главу развития общества, считаем её вторичной, не имеющей значения, всё остальное никогда не достигнет того уровня, который мог бы быть достигнут. Это, конечно, надо понимать всем, не только музыкантам.

В России такой прорыв – когда мы стали выходить на олимп мировой культуры – произошёл лет двести назад, и, конечно, это связано с открытием Петербургской и Московской кон-

серваторий. Братья Рубинштейны – это первые российские музыканты, которые стали гастролировать в Европе и которых знал весь мир, их выдвинуло время. Это были не только великие музыканты, но и великие организаторы: они смогли за очень короткий срок, менее чем за десять лет, повернуть сознание общества таким образом, что желание профессионально обучаться музыке стало молодёжным движением. Они придали музыканту статус свободного художника, сделали полноценным членом общества, придав музыке статус профессии. Это главное, что было сделано, ведь раньше не было такой профессии, не было такой позиции в обществе, не было такого статуса, и это было действительно революционное изменение. (Нам бы всегда так революционно развиваться, в такой плоскости – когда это консолидирует, объединяет общество, вдохновляет его.) Ну и, естественно, братья Рубинштейны пригласили лучших музыкантов мира. Вот спрашивают: что такое русская исполнительская школа? Это школа, которая вобрала всё лучшее, что есть в мире, и к этому нельзя подходить по признаку национальности, только с точки зрения искусства. Так вот как раз этот поворот дал потрясающие результаты – буквально за двадцать лет у нас появились просто гении, которые навсегда остались в истории. Был колоссальный подъём, не жалели денег на лучших музыкантов, они ехали сюда с удовольствием, потому что здесь условия были лучше, чем в Европе, и наш отчаянно одарённый народ это воспринял. Мы ведь страна, которая познала больше, чем любая другая, у нас всегда крайности – то потрясающие взлёты, то падения, этого не знают в мире, поскольку там более благополучная, обывательская среда, у них не было возможности познать, что такое настоящая трагедия, что такое настоящее счастье, а мы это знаем, и, может, поэтому наш народ необычайно талантлив.

В конце XIX века мировая пресса заговорила, что виток развития исполнительского искусства замкнулся на России и теперь ей предстоит большое будущее, – так и получилось, это стало лицом России, и надо сказать, что переворот 17-го года не разрушил эту тенденцию, то есть наша музыкальная культу-

ра стала как бы витриной России, неким драгоценным камнем в короне её культуры.

Особенность нашего искусства в том, что оно нематериально, мы не можем после себя что-то оставить, как художник, даже как композитор, как писатель. Всё, что мы накапливаем, накапливается из поколения в поколение в памяти, в душе, это память души, и такова специфика и уязвимость нашего дела, что каждое поколение должно это передавать, а если оно не сделало свой вклад в будущее, то все вековые накопления могут исчезнуть на наших глазах, в пределах одной жизни. С точки зрения развития нашей музыкальной культуры эти аспекты, конечно, тоже необходимо понимать. Исполнительское искусство в общемузыкальном понимании культуры является, может быть, ведущим звеном, потому что без великого исполнителя не может быть и великого композитора, и здесь Россия преуспела, как никто. Благодаря просвещённым россиянам предыдущих поколений сейчас у нас создана уникальная почва, и я считаю, что Россия стала крупнейшим в мире месторождением музыкальных талантов, это заповедник, который надо охранять всем миром. Он и создавался всем миром, и охранять его надо всем миром, потому что есть особенность, о которой я уже говорил: если мы не вкладываем что-то в будущее, то это исчезает.

Если говорить о современности, то в советское время, слава богу, преемственность всё-таки была сохранена, это было очень выгодно государству. Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов как раз в те сложные годы был первым выборным ректором консерватории и создавал наши учебные заведения, и, хотя он был скромнейшим человеком, у него был непререкаемый авторитет. Он уже тогда был своего рода музыкальным патриархом – как в армии Жуков, так в музыке был Ипполитов-Иванов. При нём закладывалась уже советская система музыкального образования, которая, конечно, впитала всё лучшее от Русского музыкального общества, по линии которого он открывал много учебных заведений. Это тоже стало важной составляющей русской исполнительской школы.

Так вот, в то время всё созидалось – в Гражданскую войну открывались учебные заведения, сохранялось всё, что можно, сохранялись традиции. Несмотря на то что в тот период многие уехали на Запад, специфика была такова, что у нас концентрировались лучшие мировые силы того времени, а "железный занавес" сформировал внутри необычайно насыщенную конкурентную среду. Мы ещё застали ту золотую эпоху, когда в одно время в одном месте – в России – были сконцентрированы лучшие умы, лучшие музыкальные персоны мира. Они были, правда, изолированы от мира, и многих мир не узнал, таких как Игумнов, Софроничский, но это были величины уровня любой западной звезды, а может быть, и выше, и мы ещё застали эту выдающуюся плеяду. Вообще, история так и развивается – плеядами: Сократ, Платон, Аристотель – люди, в общем-то, одного поколения. Так и здесь получилось: мы застали Ойстраха, Когана, Рихтера, Ростроповича, Гилельса, Нейгауза, Гнесиных. Отношение к профессии было действительно потрясающим: мы чувствовали себя героями нации, мы чувствовали, что это нужно обществу, ведь только в таких условиях может развиваться любое дело – когда есть востребованность, когда есть запрос общества, когда люди понимают, что делают что-то важное для себя и для страны. Мы и в Великую Отечественную войну сохранили элиту: советской власти было выгодно что-то показывать, и на музыкантов была опора, потому что они были аполитичны. Музыка всеобъемлюща, она работает с душой, она, как и религия, доступна каждому – и преступнику, и великому человеку, здесь нет каких-то исключений, так вот советской власти нужны были такие люди: вы помните, что Ойстраха после конкурса встречали, как Гагарина, весь народ встречал, это было всенародно известное имя. И действительно, советская школа стала доминирующей: все соцстраны, все страны СНГ – это, в общем-то, наша школа. Это был потрясающий вклад в мировую культуру! Да, XX век – это век русских имён, которые навсегда останутся в истории.

Конечно, после поворота в 91-м году ситуация стала совсем иной. С одной стороны, мы возвращаемся к своему прошло-

му, и вы могли заметить, что на последней Олимпиаде акцент был сделан именно на этом – на великой русской культуре, что, в общем-то, сработало на весь мир. Наверное, в этом есть, как говорится, сермяжная правда – в этом наша сила, этим мы интересны всему миру. Но вот мы возвращаемся к гуманитарному началу (сейчас это обсуждается) в образовании в целом – тогда это касалось одного сословия, тогда это было легче, сейчас это касается всей страны, сейчас нет сословий, поэтому, конечно, надо идти в общеобразовательные школы, чтобы создавать себе публику. Мы оказались немножко изолированными, получилась некая академическая кастовость: мы воспитываем себя друг для друга, хотим сами себя слушать, считаем друг у друга фальшивые ноты, наслаждаемся этим и дальше развиваемся, а народ, собственно, отдалён от своего достоинства. Конечно, в эру информационной революции огромную роль играют в этом смысле средства массовой информации: если чего-либо нет на официальных каналах, то этого нет и в природе, об этом не знают. По линии фонда мы создали программу возрождения гастрольной карты России: у нас были стипендиаты (большое количество – более трёх тысяч), и они поехали в глубинку – мы охватили такими поездками всё СНГ! Вначале я боялся, что люди не пойдут на концерты, потому что после советской власти выросли целые поколения, выросла молодёжь, которая не видела живых музыкантов, не видела этого в средствах массовой информации и не знает, что это такое, – тогда ведь была налажена система, все были обязаны ездить на гастроли, а сейчас это в основном разрушено. И ведь особенность в том, что старое разрушено, а новое ещё не создано. Иногда говорят, что это нерейтинговое искусство, что это нельзя давать на первых каналах, – ничего подобного! Люди уже наелись вот этой простоты, им хочется чего-то более значимого, высокого, конвертируемого, а не местечкового, местного. И естественно, – я потом в этом убедился – у нас были аншлаги, причём я сам поехал и сыграл сложную программу, которую готовил для Москвы,

мне надо было в Москве концерт играть. Мне было неважно, придут или не придут, но все дети пришли с родителями и просили сыграть ещё, хотя были очень сложные для восприятия сочинения. Этот пример показывает, что у нас нет полного представления о реальности с точки зрения необходимости музыки, её необходимости для всех людей, не только для музыкантов. Думаю, что исходя из таких посылок и нужно думать о нашей стратегии развития.

Когда мы создавали фонд, у меня проснулся такой комсомольский задор: мы почувствовали, что что-то можно делать. Я очень благодарен судьбе за то, что мне повезло с первым учителем, – у нас была уникальная группа: с первого класса до отъезда в Москву, до двадцати лет, мы практически жили вместе, как одна семья. У нас было очень интересное детство и очень активная юность, но мы тогда не понимали этого, не придавали этому значения – это было в провинции, а мы думали, что где-то лучше, но жизнь показывает, что нам повезло. Так вот этот задор проснулся – сейчас, думаю, мы опять что-то такое сделаем, – и когда Элеонора Беляева пригласила меня принять участие в программе "Музыкальный киоск", которую она вела, я опрометчиво рассказал об идее создания такой ассоциации русской исполнительской школы. Тогда эта программа шла по Первому каналу, её смотрели многие, и я имел неосторожность, поскольку офиса не было, дать домашний телефон в надежде, что я этой идеей зажгу и сейчас мне начнут звонить и предлагать со всего мира деньги и начнётся новый подъём, новая революция в музыкальной культуре. Не успела закончиться передача, начались звонки, и я две недели не мог дома положить трубку – все просили денег: какое замечательное начинание, дайте денег, мы тут пропадем, мы ученики Ойстраха, мы в провинции, а мы в Болгарии... – звонили отовсюду. Мне стало страшно: я понял, какую колоссальную ответственность взял на себя, понял, насколько это нужно, а я ничего не могу сделать и ничем не могу помочь. Мне стало страшно и даже стыдно, что я мог на такое

замахнуться, не имея ничего за душой, был бы я олигарх – тогда понятно. Но тем не менее мы объединили музыкантов, и у нас пошли проекты.

Новое время дало нам новые возможности, и было бы глупо их не использовать, поэтому мы поставили такую задачу – проверить, что может один человек, что может одна организация без помощи государства сделать позитивного? Должен сказать, что идею сразу поддержали все выдающиеся музыканты, хотя меня в то время почти никто не знал, я был рядовым педагогом Ипполитовского училища, чем и горжусь, и произошёл колоссальный подъём. Буквально через год нашлись спонсоры, и в рамках 380-летия династии Романовых мы сделали в Костроме, в Ипатьевском монастыре, в натуральных декорациях (впервые это было) постановку оперы "Жизнь за царя", которая транслировалась на всю Европу, мы нашли для этого спонсоров. После расстрела "Останкино" мы нашли спонсоров и на следующий день сделали концерт в эфире для защитников "Останкино". А затем пошёл такой виток, что сейчас даже трудно себе это представить: у нас был огромный цикл "Звёзды в Кремле", транслировавшийся по Первому каналу, где приняли участие все наши выдающиеся музыканты, потом подключился Ростропович – мы с ним учредили международную премию "Глория", которую два сезона проводили в страшные годы дефолта – в 97-м и 98-м. В 98-м, буквально сразу после дефолта, мы проводили мост культуры Россия – Япония, на котором присутствовали и президент Ельцин, и премьер-министр Хасимото, был Ростропович, оркестр New Japan Philharmonic и Сэйдзи Одзава. Это были великие концерты, состоялось четыре концерта – два в Москве, два в Питере.

Кстати, вот о ментальности, о русском таланте (я имею в виду нашем, отечественном) и нерусском, простой бытовой пример. Дефолт, денег нет, японцы за полтора года выделили полтора миллиона на этот проект, а от нас требовалось только оплатить переезд Москва – Питер, расселение и кормёжку

двухсот пятидесяти участников-японцев, при этом нам гостиницу "Украина" не открывают, потому что нет средств, приходится просто одалживать, занимать, закладывать, чтобы живыми деньгами оплатить проживание. Приезжают японцы, два автобуса, расселяем их в гостинице "Украина"; не успели выйти – возвращается сверху один японец и говорит, что нет горячей воды. Посылаю служителя гостиницы проверить, он приходит и говорит, что всё в порядке, всё есть, мы успокоились, а через пять минут японец опять спускается: нет горячей воды. Пошли смотреть уже вместе – проблема оказалась решаемая: красная и синяя кнопочки на кранах были перепутаны. Если маркировка красная, а горячей воды нет, то у них уже беспомощность полная, а для нас, я думаю, это не вопрос. Но зато вот другая сторона нашей ментальности: пока я ходил туда, автобусы уехали вместе с чемоданами японцев, и найти мы их не могли. Японцы привыкли, что им сразу всё выносят из автобуса и приносят в номер, а наш водитель этого не знал, и я это тогда не мог контролировать. Вот такая весёлая бытовая зарисовка, которая характеризует степень и одарённости нашего народа, и, может быть, даже безалаберности какой-то.

Так вот после этих наших концертов – тогда уже говорили, что России всё, конец, – весь мир понял, что она жива, это были великие концерты. Когда мы с Ростроповичем учредили премию "Глория", то думали, что это на века, проект очень важный для России, некий русский Нобель, но потом дефолт всё это приостановил, потом его обидела пресса, потом у него ухудшилось здоровье, и это как-то ушло. Сейчас мы инициировали возрождение такого проекта уже с институтом имени Ипполитова-Иванова и в прошлом году учредили педагогическую премию имени Ипполитова-Иванова. Подключились ведущие музыканты мира, в частности Максим Венгеров. (Кстати, сейчас он наш студент по специальности "дирижирование", и я приглашаю всех 19 июня на его выпускной экзамен в Дом музыки, где он будет играть с оркестром Русской филармонии и дири-

жировать, снимать будет Би-би-си – сейчас в мире это фигура). На нашу инициативу среагировали практически все ведущие музыканты, и проект получился объединяющим. Но именно эту задачу мы и ставили: мы хотели показать, что может сделать одна организация без помощи государства, хотели доказать, что общественные и благотворительные организации – это тот ресурс, который, во-первых, объединяет общество, а во-вторых, снимает нагрузку с государства.

Конечно, этот ресурс нуждается как минимум в законодательной поддержке государства, но закон о меценатстве лежит уже почти двадцать лет без движения – всё время находятся какие-то аргументы и объяснения, почему его нельзя принимать, хотя, мне кажется, нужно находить аргументы, которые доказали бы, что он необходим. Ну, по крайней мере, если нам сказали, что социализм закончился и давайте, ребята, выживайте сами, то должна быть какая-то законодательная база для саморазвития, и она, в общем-то, существует в мире, здесь не надо ничего изобретать, можно просто по аналогии использовать эти нормы у нас и ни о чём не думать. Так вот мне кажется, что надо осознавать и понимать, какие ресурсы у нас сейчас есть, – мы не произвели, как говорится, инвентаризацию ценностей после смены наших формаций, а ведь во всём было что-то хорошее. Мы либо всё отвергаем, либо рушим, либо доводим хорошие идеи до абсурда, но серьёзно, системно вот этим не занимаемся, не задаёмся вопросом, что нам нужно взять из прошлой эпохи. В советской эпохе были такие ценности, непреходящие ценности, и я уверен, что к ним на каких-то витках общество ещё вернётся обязательно. Другое дело, что эта идеология немного неправильно воплощалась, но сама по себе она имеет право на жизнь (хотя я не считаю, что я её сторонник), просто это было сделано насильственно, искусственно, как и многие события, которые сейчас происходят. Эволюционный путь развития, конечно, правильное, мне кажется, хотя он, может быть, иногда длится дольше, чем революционный. Кризисы и революции, конечно,

нужны, но надо, чтобы общество не допускало в этом плане каких-то ущемлений прав людей, личностей, чтобы не наносился ущерб их здоровью, их жизни и так далее, – вот в таком формате могут происходить революции.

Ещё раз вернёмся к тому периоду, когда зарождались наши консерватории. Тема эта бесконечная, но поскольку мы уже перешли к современному этапу, хотелось бы обратить внимание на особенности исполнительского искусства и музыкальной культуры, которые надо учитывать при нашем развитии. Наша педагогическая традиция сейчас доминирует в мире, накопления педагогической музыкальной культуры настолько интересны, важны, что требуют изучения. Там есть очень много полезного для общей педагогики, поскольку работа со студентом индивидуальная, особенная – надо понимать, что мы воспитываем нестандартных людей, у нас неприменимы обычные подходы и просто изучение правил, у нас одни и те же слова на разных учеников могут подействовать совершенно по-разному: одного можно похвалить и испортить, другого можно похвалить и тем самым стимулировать, а третьего, наоборот, надо поругать. Но это я говорю очень условно, схематично, здесь важно понимать, как сказать, что сказать и как это прорастёт в будущем, но важно, что есть очень интересные методологические накопления. Наши симпозиумы, наши конференции, которые проходят в этой сфере, конечно, касаются только академической среды, а я думаю, что нам нужно объединяться с общеобразовательными школами и с педагогами, с профессорами нетворческих вузов, чтобы происходил взаимообмен, влияние, чтобы то достояние, которое у нас есть, как-то проникало во все поры общества.

В нашей сфере сложно определить критерии. Ещё четырнадцать лет назад, когда мы учреждали наши стипендии, мы с Ростроповичем думали, по какому принципу поощрять людей: если только по лауреатскому – будут все москвичи, а как тогда поддерживать регионы? Трудно выработать какой-то об-

щий принцип, чтобы понять, какое учебное заведение лучше, чем другое, чем оно лучше и насколько лучше. Понятно, что московская школа сейчас питает весь мир, но почему московская? Потому что здесь сконцентрированы лучшие силы, здесь очень высококонкурентная среда и традиции здесь передаются именно из уст в уста. Наши педагоги передают традиции из уст в уста, поэтому здесь эти традиции сохраняются, а в провинции это труднее сделать, там и другая насыщенность. Стать большим музыкантом можно только рядом с большой личностью, с крупным музыкантом, с крупным педагогом, и в этом как раз миссия московской школы, её удел.

Иногда идут разговоры о том, что много музыкантов и много учебных заведений, я считаю, что это такое расхожее рассуждение, непрофессиональное. Выявить одного музыканта – это как выявить новый сорт пшеницы: надо засадить всё поле, чтобы появился один колосок, который можно будет использовать дальше. Так и здесь: надо засеивать, наша функция – засеивать это поле без всяких гарантий того, что из этого что-то получится. Если посмотреть, какие оценки ставили Чайковскому в период его учёбы, – он не подтвердил бы свою эффективность и не вписался бы, так сказать, в критерии. Но мы готовим людей для будущего, мы готовим неординарные личности, которые, может быть, не вписываются в какие-то общие правила, потому что иначе творческий человек не может состояться, поэтому и к учебным заведениям, и к этой сфере культуры надо относиться с пониманием этих особенностей. Поэтому, если не передаётся этот уровень, то и ориентироваться будущим поколениям будет не на что, ведь музыкант ничего после себя не оставляет, он является носителем этой культуры. Если музыкант вовремя не замечен обществом, он не состоится – он не может, как писатель, писать "в стол" и потом быть признанным, как был признан Бах через столетия. Должны какие-то быть охраняющие организации, я уже говорил об этом, которые охраняли бы личность. У нас это не принято, у нас не принято особен-

но чувствовать и охранять живых людей, у нас, как правило, это происходит после смерти, но с музыкантом это не получится – либо его надо принимать, доверять ему, либо он не состоится. Всем известен пример с Чарли Чаплиным – если бы не было тех, кто дал ему деньги и сказал: делай, что хочешь, твори прямо на площадке, – не было бы Чарли Чаплина. И не было бы Моцарта, если бы его не поддерживали: музыкант всегда будет нуждаться в поддержке, и поддержка эта действительно окупается только через какой-то период, причём окупается в других сферах, в других направлениях.

И вообще, что такое человечество без музыки? Я вам скажу, что человечество до Баха – это совсем другое человечество, чем после Баха, человечество до Бетховена – это другое человечество, чем после Бетховена, человечество до Шостаковича и Прокофьева – совсем другое человечество, чем после них. Это наша общая ментальность, это наш внутренний мир, без этого ничего не движется. И уже с этой позиции мы смотрим дальше, становясь гораздо богаче и больше понимая, чем те поколения, которые были до нас. А русская исполнительская школа – это такая же эпоха, как эпоха Возрождения, как эпоха итальянской школы живописи, фламандской живописи. Но сейчас всё это размывается, престиж профессии падает в связи с переменами в обществе и, соответственно, меньше людей идёт в нашу сферу, мы можем потерять свои позиции. В общем-то, весь пафос моего выступления, наверное, к этому и сводится: давайте объединяться, чтобы наше поколение не оказалось виноватым в том, что мы, что называется, проели тот капитал, который достался от наших великих предшественников, и ничего не вложили в будущее. Каждый старается на своём участке, мы понимаем, что государству трудно, но мы пытаемся ему помогать, мы пытаемся привлекать общественные ресурсы. Мне кажется, новое время сейчас нам дало возможность что-то предпринимать в этом направлении – давайте предпринимать на благо нашей истории, на благо нашей культуры!

Лекция поэта Е. А. Евтушенко

23 мая 2014 года

Уважаемые друзья, уважаемые гости! Сначала я почитаю ранние стихи, несколько ранних стихов. Я был первым из поэтов-шестидесятников, в поэтической среде тогда ещё никого не было: Вознесенский ещё не появился, Окуджава был старше, но жил тогда ещё в Калуге, написал свою не очень удачную книгу, никому не был известен, он ещё не пел своих песен, с которыми мы потом жили. Я писал тогда очень плохие стихи, как говорится, нара-

щивал себе мускулы. Но я хочу сейчас сказать о другом. Мой папа, геолог, тоже очень любил стихи. В 1944 году убили нашего парламентаря в Будапеште, а в 1945-м я написал: "Огромный город помрачнел, / Там затаился враг, / Цветком нечаянным белел / Парламентарский флаг". Ну и папа мне сказал: "Женя, вот это – "цветком нечаянным белел парламентарский флаг", – это настоящая поэзия, здесь и метафора, и ты, хоть и маленький, но уже гражданин своей страны здесь, ты почувствовал боль, смерть другого человека как свою собственную. Вот здесь начинается поэт!"

В моём детстве было всякое: я успел постоять на крыше 254-й школы, когда немцы бросали свои зажигалки, с лопаточкой такой, почти игрушечной, песком мы тушили немецкие зажигалки. Я храню как зеницу ока почётную грамоту за защиту собственной школы!

Первым поэтом нашего поколения, описавшим войну, увиденную глазами ребёнка, был мой большой друг, безвременно ушедший, Владимир Соколов, замечательный поэт. Он писал: "Четвёртый класс мы кончили в предгрозе, / Из пятого мы перешли в войну", – написал замечательно! Он был первым поэтом нашего поколения, поколения, увидевшего войну глазами ребёнка. У каждого солдата была своя война, и даже не солдата – у каждого жившего во время войны была своя война. Я сейчас пишу роман, заканчиваю, о том, как я в возрасте девяти лет с соседской девочкой, которой было десять лет (для меня она почти взрослая была), бежали на фронт, чтобы драться с гитлеровцами, и даже попали к немцам в плен, и нам невероятно повезло, потому что мы попали к человеку, который когда-то изучал в Берлинском университете русский язык, любил русскую литературу. Я, кстати, его образ показал в своём фильме "Детский сад", и его роль блистательно сыграл австрийский актёр Клаус Мария Брандауэр.

Наша школа была превращена в портновскую мастерскую. Нам с фронта привозили куски солдатских шинелей, оставшихся от убитых, и профессиональные портнихи сшивали их, вернее, сначала мы, дети (уже снег начал падать, было холодно), счищали кирпичами кровь с этих шинелей, а потом уже портнихи шили одну шинель из нескольких. Помню, как мы – дети есть дети – даже во время трагедии всё-таки пытались играть. Помню, как во время такой игры один мальчик закричал: "Мне оторвало руку!", показывая рукав, другой: "А меня убило в грудь!", третий: "А мне вырвало плечо целое!" Вот так мы играли, я это всё описал. Это было незабываемое время! Вот тогда-то мама меня отправила к бабушкам на станцию Зима. Сама она, хотя закончила геологоразведочный институт, отправилась вместе с папой... К сожалению, она развелась с ним в 39-м году (много тогда было разводов), я очень переживал это и даже написал стихотворение, когда они развелись: "Был бы я моей женой, не развёлся бы со мной", – это я написал тогда, ещё до войны. Итак, я поехал к бабушкам, а мама поехала на фронт. Она была певицей в театре (у неё было два образования), име-

ла замечательный голос. Кстати, когда я написал впоследствии поэму "Братская ГЭС", я принёс ей рукопись, прочитал, как всегда у нас водилось в семье, и она, ничего не сказав, принесла маленький ящичек – это был её заветный ящичек, где она хранила самые дорогие свои фотографии и даже фотографии моих дедушек (она не уничтожила их, как это делали многие), которые были арестованы как враги народа, и она вытащила пожелтевшую фотографию, там была она изображена, молодая красавица, сидевшая на мохноногой бурятской лошадке, мой папа, тоже очень красивый (я не в него), поддерживал стремя, помогая ей сойти, а рядом были развёрнуты геологоразведочные палатки. Она перевернула эту пожелтевшую фотографию, после того как я ей прочёл четыре с половиной тысячи строк "Братской ГЭС", и сказала мне: "А вот теперь посмотри, что там на обороте". А на обороте этой пожелтелой фотографии было написано: "На месте изыскания будущей Братской ГЭС. 1932 год". Вот так всё генетически таинственно сплелось в моей биографии!

Так вот, она посадила меня на поезд, отдав обручальное кольцо проводнице, чтобы та довезла меня до станции Зима. Об этом путешествии я немножко рассказал в фильме "Детский сад". Почему "Детский сад"? Потому что детским садом для нашего поколения была война. Сама мама поехала на фронт, она выступала с Симоновым, Фадеевым, Маргаритой Алигер под градом пуль и так дошла до Пруссии, а я остался один практически. Наш поезд не дошёл до станции Зима: его разбомбили сразу же под Москвой, и я менял раз десять разные поезда. (Все эти "приключения", часть из них, мной показаны в фильме "Детский сад".) И потом, когда я приехал на станцию Зима, я увидел – это было, пожалуй, моё первое гражданское потрясение – много свадеб. Честно говоря, я вспоминаю это не потому, что сам сибиряк, такой сибирский патриот, нет. Москва была прикрыта в то время в основном ополченцами, свежими сибирскими дивизиями из совсем молодых ребят, которые, конечно, умели обращаться с оружием, но учились военному делу просто в теплушках, в которых они ехали к Москве. Со словом "свадь-

ба" у вас у всех связано что-то весёлое, а это были другие свадьбы – трагические, часто коллективные, как я это заснял в своём фильме: в одной избе справляли несколько свадеб, и потом прямо со свадьбы отправляли женихов на фронт. В Сибири живут ещё очень ветхие старухи, которых считают святыми в наших деревнях, – это женщины-вдовы, которые остались девушками, потому что у них не было даже первой ночи, но они предпочли остаться вдовами тех, кого любили, нежели просто их невестами.

Я вам прочту стихотворение об этих свадьбах, которое написал в 1955 году, мне было тогда 23 года. До 1952 года я писал стихи плохие, я начал писать настоящие стихи, когда понял, что самым главным во мне было детство, как у всякого человека, тем более что это детство совпало с народной трагедией и с народной победой. А мы, шестидесятники, которых мало осталось, мы до сих пор ходим на встречи ветеранов – бочком, но мы тоже себя считаем ветеранами той войны.

О, свадьбы в дни военные!

Обманчивый уют,

Слова неоткровенные

О том, что не убьют...

Дорогой зимней, снежную,

Сквозь ветер, бьющий зло,

Лечу на свадьбу спешную

В соседнее село.

Походочкой расслабленной,

С чёлочкой на лбу

Вхожу,

Плясун прославленный,

В гудящую избу.

Наряженный,

Взволнованный,

Среди друзей,

Родных,

Сидит мобилизованный

Растерянный жених.

Сидит
С невестой – Верюю.
А через пару дней
Шинель наденет серую,
На фронт поедет в ней.
Землёй чужой,
Не местною,
С винтовкою пойдёт,
Под пулею немецкою,
Быть может, упадёт.
В стакане брага пенная,
Но пить ему невмочь.
Быть может, ночь их первая –
Последняя их ночь.
Глядит он опечаленно
И – болью всей души
Мне через стол отчаянно:
"А ну давай, пляши!"
Забыли все о выпитом,
Все смотрят на меня,
И вот иду я с вывертом,
Подковками звеня.
То выдам дробь,
То по полу
Носки проволоку.
Свищу,
В ладоши хлопаю,
Взлетаю к потолку.
Летят по стенам лозунги,
Что Гитлеру капут,
А у невесты
Слёзыньки
Горючие
Текут.
Уже я измочаленный,
Уже едва дышу...

"Пляши!.." –
Кричат отчаянно, и я опять пляшу..
Ступни как деревянные,
Когда вернусь домой,
Но с новой свадьбы
Пьяные
Являются за мной.
Едва отпущен матерью,
На свадьбы вновь гляжу
И вновь у самой скатерти
Вприсядочку хожу.
Невесте горько плачется,
Стоят в слезах друзья.
Мне страшно.
Мне не пляшется,
Но не плясать –
нельзя.
Я тогда хорошо плясал...

В то время очень многих из тех, кто потом стал известен, никто не знал: Солженицын тогда был в ГУЛАГе, Андрей Дмитриевич Сахаров был суперзасекреченный, по тем временам достаточно привилегированный учёный, причём был тогда совсем другим человеком. Он сам искренне, не притворяясь, как многие другие, рассказывал, что плакал, когда умер Сталин, потому что он, будучи оторванным от народа, искусственно оторванным секретностью, не представлял себе, сколько миллионов лучших русских людей, в том числе и тех, кто работал в лабораториях на нашу Победу, сидело за колючей проволокой! Вознесенского в кругу поэтов ещё не было, как я уже сказал, вот с Робертом Рождественским я уже, правда, познакомился...

Вы знаете, вот сейчас я, возможно, скажу нечто обидное для некоторых молодых поэтов, поэтов нового поколения, для совсем молодых, хотя это касается не всех, есть и исключения. Я часто бываю в Литинституте и считаю, что в отношении Литинститута совершена огромная ошибка! Литинститут – это

уникальное заведение, куда принимали строго по конкурсу, очень строго, только талантливых людей, потому что бессмысленно принимать других. Их было немного, их было всего, когда я учился, человек сто тридцать, и всё, но каждый курс – это был букет талантов: там был и Миша Роцин, молодой совсем, там был и Юра Казаков, там была Беллочка – замечательная, уже в 18 лет видно было, что в ней таился поэтический гений, – там был Коржавин (Коржавина вы даже и не знаете). Тогда ведь многих стихов мы не могли достать, это было очень трудно, но через не могу доставали любыми способами книги, например стихи Бориса Корнилова, первого мужа Ольги Берггольц, поэта, расстрелянного в 27 лет, написавшего замечательную песню, которая исполнялась по радио без упоминания его фамилии: "Не спи, вставай, кудрявая! / В цехах звеня, / Страна встаёт со славою / На встречу дня". Кстати, я недавно был в одном городе, я не хочу называть его, потому что очень люблю этот город и жителей его люблю, но вот я встретился с молодыми журналистами, и один из них (он тоже, так сказать, пописывает стихи), в целом парень хороший, меня спрашивает: "Скажите, а как вы относитесь... ну, к этому... к мужу Ольги Берггольц, к Гумилёву?" Вы представляете – этот человек окончил филфак!

Я очень люблю талант Олеси Николаевой, она приглашала меня в Литературный институт к своим студентам, вот недавно звонила – обиделась, что я её студентку отчитал. В конце концов, мне 82 года почти, это мне позволяет немножко поворчать – я хороший актёр, я просто играю ворчливого старика, во мне совсем другой человек прячется, чувства у меня юношеские, поверьте, я не могу не заметить красивую женщину.. Так вот, я пришёл на семинар, послушал, что они говорят, – они совсем не знают поэзии! Ну как можно не знать Пушкина, Лермонтова?! Мы в сталинское время, когда были конфискованы все книги расстрелянных или арестованных поэтов, друг друга проверяли на знание поэзии. Помню, как Роберт Рождественский стоял на лестнице в Литинституте и читал мне стихи Бориса Корнилова: "От Махачкалы до Баку / Луны плавают

на боку", а я сразу подхватывал: "Водка, что ли? Ещё и водка, / Спирт горячий, зелёный, злой. / Нас качало в пирушках вот как: / С боку на бок и с ног долой..." Вот так мы проверяли друг друга, так сказать, на вшивость, мы проверяли нашу способность к поэзии! И вообще нельзя не знать о достижениях в науке, в поэзии, в живописи, в любом другом деле! Вы знаете, я болельщик. Увидев, как плохо стала играть наша сборная, я написал книгу о футболе. Когда я принёс господину Мутко эту книжку с просьбой издать (кстати, мои стихи о футболе переводились на разные языки, даже Пеле читал мои стихи о Боброве в переводе), он сказал: "Наш комитет не имеет к поэзии никакого отношения", – и отказался. В результате книга о русском футболе, о его героях издана полтавским рабочим классом с предисловием митрополита Полтавского, вот поверьте мне! Я подарил её недавно некоторым друзьям своим из Думы. А знаете, почему наши футболисты стали плохо играть? Потому что не чувствуют на своих майках слова "Россия", как чувствовали слово "СССР" прыгающие от волнения и гордости сердца Боброва, Хомича и других замечательных футболистов, среди которых я воспитывался, и, честно говоря, они были одними из моих учителей поэзии, свободы и смелости, и я их никогда не забуду! А сейчас не знают, ничего не знают о героях нашего футбола, так же как студенты Литинститута, многие, не знают ничего о лучших поэтах.

Мы доставали книги эмигрантов, запрещённые здесь, и не боялись их читать. Помню, как – это я ещё в институте не учился – я с папой шёл по улице и увидел объявление в Литературном институте: "Вечер поэзии". Я зашёл туда, там сидел какой-то человек во фригийском колпаке, а Эма Коржавин, похожий немножко, простите, на Нуф-Нуфа, такой очень добродушный, стоял и читал стихи, потрясшие меня:

"А там, в Москве, в пучине мрака,
В шинели он смотрел на свет,
Не понимавший Пастернака
Суровый жёсткий человек".

Или:

"Можно строчки нанизывать

Посложнее, попроще,

Но никто нас не вызовет

На Сенатскую площадь...

Мы не будем увенчаны...

И в кибитках, снегами,

Настоящие женщины

Не поедут за нами".

Это был 48-й год. Вот на чём мы воспитывались!

А вы знаете, что смелость иногда спасает человека, а не только убивает? Она, конечно, может его и подвести, если давит риск. На него, на Коржавина, побоялись донести, потому что всё руководство Литературного института посадили бы тогда, – и его просто тихонечко сплывили в Казахстан, там он тоже писал стихи, и эти стихи стали классикой! Вот какая была атмосфера! И мы читали друг другу стихи! На поэтической сцене тогда мало кто был – несколько молодых поэтов: Беллочка, совсем молодая, Римма Казакова и другие, Вознесенский позже появился. Прелестные все были люди!

Страна была закрытой. Поймите, наше поколение было воспитано двумя войнами: войной Великой Отечественной и холодной войной – борьбой не только с нашими внешними врагами, но и, к сожалению, с собственным народом из-за подозрительности (эта чудовищная история с так называемыми врачами-убийцами!). Я всё это подробно описал в биографии Рождественского и в своих собственных стихах. Повторяю, страна наша тогда была закрытой, никто из нас даже не мечтал побывать, скажем, за границей, увидеть мир, мы только могли глобус трогать пальчиками с любопытством. И вот какие стихи я написал в 1955 году, находясь на этой совершенно пустой поэтической сцене. На меня тогда набросились со всех сторон, вот уж мне досталось!

Я разный –

Я натруженный и праздный.

Я целе-
И нецелесообразный.
Я весь несовместимый,
Неудобный,
Застенчивый и наглый,
Злой и добрый.
Я так люблю,
Чтоб всё перемежалось!
И столько всякого во мне перемешалось
От запада
И до востока,
От зависти
И до восторга!
Я знаю – вы мне скажете:
"Где цельность?"
О, в этом всём огромная есть ценность!
Я вам необходим.
Я доверху завален,
Как сеном молодым
Машина грузовая.
Лечу сквозь голоса,
Сквозь ветки, свет и щебет,
И –
Бабочки в глаза,
И –
Сено
Прёт
Сквозь щели!
Да здравствуют движение и жаркость,
И жадность,
Торжествующая жадность!
Границы мне мешают...
Мне неловко
Не знать Буэнос-Айреса,
Нью-Йорка.

Хочу шататься,
Сколько надо, Лондоном,
Со всеми говорить –
Пускай на ломаном.
Мальчишкой,
На автобусе повисшим,
Хочу проехать утренним Парижем!
Хочу искусства разного,
Как я!
Пусть мне искусство не даёт житья
И обступает пусть со всех сторон...
Да я и так искусством осаждён.
Я в самом разном сам собой увиден.
Мне близки
И Есенин,
И Уитмен,
И Мусоргским охваченная сцена,
И девственные линии Гогена.
Мне нравится
И на коньках кататься,
И, черкая пером,
Не спать ночей.
Мне нравится
В лицо врагу смеяться
И женщину нести через ручей.
Вгрызаюсь в книги
И дрова таскаю,
Грущу,
Чего-то смутного ищу,
И алыми морозными кусками
Арбуза августовского хрущу.
Пою и пью,
Не думая о смерти,
Раскинув руки,
Падаю в траву,

И если я умру
На белом свете,
То я умру от счастья,
Что живу.

Что со мной после этого стихотворения начали творить! Такой был мордобой!.. Кстати, на эти стихи Иванов написал очень хорошую пародию – я вообще очень любил его пародии все. Мы все, кстати, когда говорили о стихах друг друга, всегда резко критиковали друг друга. А вот Олеся Николаева на меня обиделась за то, что я одну студентку из её семинара, с её точки зрения, обидел. Девушка мне сказала, чуть закатив глаза: "Я так люблю все ваши стихи!" – "А вы читали мою поэму "Дора Франко"?" – "Нет, я даже не слышала, что такая поэма есть". – "Так ведь она же была три года назад напечатана, причём много раз в разных книгах, это моя последняя любимая поэма. Как же вы любите стихи, не зная их?!" Когда мы любили поэтов, мы искали везде их стихи, не пропуская ничего, и знали их! Мне вот понравились стихи Полозковой (хотя не все: там, где она слишком "перемогучивает" могучий русский язык, там мне она не нравится), это замечательная, талантливая поэтесса, и у неё есть потрясающие строчки. Видно, что она хорошо знает поэзию. Посмотрим, что из неё получится. Она уже стала поэтом, но впереди большие испытания, большая дорога: вторая, третья, четвёртая книжка – это важнее, чем самая первая. Но она профессионал настоящий, хотя, повторяю... Может, я патриархальный, что ли, но я вообще матом в жизни не ругаюсь, знаете, нужно меня очень разозлить... Просто я не привык, ну а в женских устах мат – ну это просто... ну я не знаю! В общем, мне это не нравится. И у Павловой мне это не нравится, хотя она тоже талантливая. Зачем это делать – чтобы попиариться, себя показать? Да вы что, господа, не надо! У нас и так культуры маловато, да ещё если эта культурная, образованная женщина, которая знает блестяще поэзию (это видно по её стихам) ... Зачем же она притворяется какой-то халдой?! Это я просто любя говорю.

Есть одно очень важное в моём творчестве стихотворение того времени, я вам прочту его – это стихотворение "Мёд".

А потом я прочту совсем недавнее, тоже о войне, какой я её сейчас вижу, потому что война продолжается в нас, продолжается, её невозможно забыть, она продолжает нас учить. И ещё прочту стихотворение, тоже одно из знаменитых в то время, вокруг него тоже были шумы всяческие... Вы знаете, что сказал Солоухин по поводу этого стихотворения? "Прежде чем дорогого Женю Евтушенко, молодого поэта, выпускать за рубежи, надо, чтобы он овладел марксистской политграмотой", – вот что он сказал. И этот человек потом стал монархистом отъявленным, хотя он написал прекрасную, между прочим, повесть "Владимирские просёлки". Кстати, монархисты никогда не были моими друзьями. Так вот, это стихотворение меня всегда очень просят почитать, везде, на всех выступлениях.

И вот мы, поэты, начали выступать! Мы объявили День поэзии – это придумал Луговской, и в первый День поэзии в 54-м году мы вынесли поэзию в народ! А вот сейчас разорвалась связь писателей с народом: практически, кроме меня, никто не ездит в глубинку и не выступает так много, хотя я – меня в этом обвиняют, так обо мне говорят – и "проживаю" в Америке. Но я не проживаю – я работаю там и бьюсь за русскую поэзию – вот что такое шестидесятничество! Наш патриотизм, преданность Родине, никогда не противоречил любви ко всему человечеству! И национализм агрессивный никогда не будет главной, столбовой дорогой русской души, это чепуха! И вообще, национальная русская идея началась с Александра Сергеевича Пушкина, с отношений Александра Сергеевича Пушкина с его няней, – вот, я считаю, слияние интеллигенции с народом! Она была его лучшим другом, она, видимо, была и гениальным поэтом. Я благодарен Мише Задорнову за то, что он поставил несколько памятников Арине Родионовне, вернее, не он сам поставил, но способствовал, заплатил за всё. И вообще, что такое национальная идея? Да читайте русскую классику, там всё написано! Достоевский сказал о Пушкине... Главное качество Достоевского хотят взять на вооружение агрессивные националисты, те, кто называет других людей черножопыми (простите

меня за выражение, это не моё слово), чурками, чучмеками, жидами... Вы знаете, что Миша Матусовский плакал на моём плече однажды? Человек, написавший обошедшую весь мир песню русскую, ставшую музыкальным паспортом России, "Подмосковные вечера", которую знают все народы, даже Ван Клайберн играл, – этот человек плакал, после того как его в троллейбусе какой-то хмырь назвал жидом: "Что ты, жидюга жирный, расселся!" В войне победили все народы Советского Союза: там были и Давид Кугультинов, хотя калмыков всех выселили, там были грузины... Грузин тоже обзывают, оскорбляют как нацию – а сколько грузин умерло за Родину? Вспомните хотя бы замечательный фильм "Отец солдата"! Я был в 96 странах, и я нёс знамя нашего народа и нашей литературы, – поверьте мне, хотя меня обвиняли чёрт знает в чём! – не уронив его ни разу!

Можно я расскажу одну историю? Мне моя жена Маша, удивившись, как нехорошо ко мне относятся некоторые писатели, как-то сказала: "Женя, не обращай внимания, они знают, что ты хороший поэт, но им очень трудно тебя любить, потому что у тебя так судьба сложилась, что ты невероятно счастливый человек. Были, конечно, поэты и лучше тебя – Пушкин, Шекспир..." (Да я и сам это знаю – достаточно почитать Шекспира, Данте, Пушкина, чтобы быть скромным.) И Маша напомнила мне о Париже, где мы провели медовый месяц. Мы шли как-то по мосту, вдали парила Эйфелева башня, и вдруг большой-большой негр (хотя это слово не принято в Соединённых Штатах, меня бы сразу исключили из профессоров, в общем, африканец, сенегалец настоящий, как выяснилось потом) в длиннополом пальто, очень модном, с шарфом красным, развевающимся по ветру, побежал к нам навстречу и, распахнув руки, закричал: "Евтушенко!" А потом он стал рыться в карманах, вытащил своё портмоне, там был паспорт и заламинированное моё стихотворение. Это было старое, двадцатилетней давности стихотворение, которое я читал когда-то в Сорбонне при первом моём приезде в Париж, за которое мне "мыли" здесь голову. Он носил его 20 лет, с того незабываемого, как он сказал, вечера в Сорбонне. Сейчас этот негр – главный архитектор Сенегала.

А стихотворение было такое, раннее:
Женщина с мужчиною одни
На мосту у сонной синей Сены –
Над пустынным смыслом толкотни,
Над огнями призрачными всеми...
Так стоят, без слов, без целования,
Под плащом прозрачным до зари,
Будто бы в пакете целлофановом
Всей земле подарок от земли!

А потом мы вспомнили Петрозаводск, мой родной город, как мы шли после междусобойчика с нашими студентами с литфака и как что-то такое живое зашевелилось в канаве, тёмненькое, и забормотало что-то. Мы вытащили это что-то живое, это оказалось человеком. Это был такой пьяненький... в общем, милый человек, который сказал: "Евгений Александрович, вы мой любимый поэт, и я вам стихи сейчас прочту к месту:

Меняю славу на бесславье,
Ну, а в президиуме стул
На место тёплое в канаве,
Где хорошенько бы заснул...
...Швырнёт курильщик со скамейки
В канаву смятый коробок,
И мне углами губ с наклейки
Печально улыбнётся Блок".

И Маша продолжила: "Женя, они тебе завидуют, и не потому, что не любят, а потому, что у тебя редкая судьба. Они понимают, что у них никогда не будет и не может быть одновременно вот того африканца на мосту и этого пьянчужки в канаве..."

И это относится не только ко мне, это относится ко многим шестидесятникам, которые нашли невидимые нити... Мы были детьми холодной войны, но мы видели и настоящую войну в отличие от американцев, мы знали, как она страшна, и мы были влюблены во встречу на Эльбе, о которой показывали кино (это показывали в киножурналах), поэтому мы всегда верили в то, что можно восстановить дружбу, найти общий язык с американ-

цами. И я до сих пор верю, что просто надо долго искать, не сдаваться, не поддаваться на всякие недоброжелательные провокации. Если о нас пишут недоброжелательно – не поддаваться, быть выше, не поступать так, как они! Надо быть выше! Надо поступать не так, как они, а так, как поступали многие русские, как поступали, например, русские женщины: когда немецкие пленные шли по Садовому кольцу, женщины делились с ними своей черняшкой. Это потрясло тогда весь мир! Это на моих глазах было. Вот что видели мы, шестидесятники!

У нас сейчас время очень опасное. Наша страна многонациональная, интернационализм восстанавливать нужно. Я помню, когда показывали фильм Александрова, момент, когда передавали негритёнка из рук в руки, – весь зал встал тогда! Это был Джеймс Паттерсон, который впоследствии стал поэтом. И вдруг он уехал... Я его встретил в Америке и спросил: "Что с тобой?" Он заплакал. Он мне сказал, что его в детстве никогда не оскорбляли, а потом какие-то люди...

Когда передавали сюжет о взрыве в английском метро, я написал стихотворение "Так им и надо". Почему такое название? Потому что многие слушатели "Эха Москвы" звонили тогда и говорили: "Так им и надо!" А кто эти "так им и надо"? Там были медсёстры, дети, а вовсе не политики, полные вражды к Советскому Союзу. Как же можно было так говорить?!

Знаменитого кубинского свёртывателя кубинских сигар, сюда приглашённого, убили заточкой на улице: он вышел на улицу, первый раз увидев снег, и, когда он нагнулся, чтобы его попробовать, его ударил заточкой кто-то из банды скинхедов. Мы должны всерьёз об этом подумать. И я не говорю, что всё это массово и так далее. Но это наша забота, мы не должны допускать это в нашей стране, в стране, которая показала всему миру пример интернационализма, вывела буквально всё человечество из-за колючей проволоки фашистских лагерей... позабыв, правда, на долгое время о собственных людях.

Я вам прочту одно стихотворение о той войне, а потом ещё одно – о войне сегодняшней. Почему я сегодня о войне гово-

рю? Потому что шестидесятничество без этого нельзя понять, да и вообще без исторической памяти. Вот я знаю, что наше правительство приняло очень серьёзное решение, нелёгкое я думаю, – ввести "Архипелаг ГУЛАГ" в школьную программу, в школьном, так сказать, варианте. Я со многими подростками общался, они говорят: "Зачем нам это читать? Это ваша проблема!" Понимаете, они должны знать это, чтобы такое никогда не повторилось – ни в нашей стране, ни в какой другой! И вообще сейчас мало читают. А что с языком?! Я очень люблю и считаю лучшим писателем (это моё, конечно, субъективное мнение) советского времени Андрея Платонова, я обожаю его просто. Как-то, выступая в пединституте, я посоветовал студентам почитать Платонова. Так они знаете на что жаловались? "Половину слов понять невозможно". А ведь там нет никаких иностранных слов, это всё русские слова! Понимаете, что делается?! Русский язык должен быть чист, и тогда душа будет чище!

Мы многое видели во время войны: сталкивались с героизмом людей, но были и те люди, которые наживались на страданиях народа во время войны. Мне сломали два правых ребра спекулянты на вокзале. Расскажу, как это было. Живя только на сухомятке и на пустом кипятке всю дорогу, я вдруг увидел на вокзале дымящуюся картошечку на прилавке, сбрызнутую подсолнечным маслом, с сухоньким укропом сверху, – боже! – завёрнутую в капустный лист, я просто взял её в руки, даже не ел, просто дышал её дыханием, дыханием этой горячей картошки... У меня ведь деньги были, я хотел её купить (я ж пел там частушки и всякие песни, например "Коломбина с друзьями жила"), но в это время закричали: "Воры!", и на меня набросились спекулянты и сломали мне два ребра. Потом, в 1972 году, во время холодной войны, когда я выступал в Америке, на меня напали "дети" бандеровцев, тех, кто в Бабьем Яре расстреливал евреев, приехавшие из некоторых городов Украины в Штаты, и мне врач военного госпиталя сказал: "Вы что, попадали когда-то в какую-то катастрофу автомобильную? Они попали в старые надломы". Я рассказал эту ему историю, вдруг вижу:

что-то у него в глазах мокровато стало... Вот так у меня появился замысел фильма.

Ещё одна история о том, что было во время войны, о том, как люди по-разному себя вели, описана в моём стихотворении, я вам сейчас прочту его.

Мёд

Я расскажу вам быль про мёд.
Пусть кой-кого она проймёт,
Пусть кто-то вроде не поймёт,
Что разговор о нём идёт.
Итак, я расскажу про мёд.
В том страшном, в сорок первом, в Чистополе,
Где голодало всё и мёрзло,
На снег базарный бочку выставили –
Двадцативёдерную! – мёда!
Был продавец из этой сволочи,
Что наживается на горе,
И горе выстроилось в очередь,
Простое, горькое, нагое.
Он не деньгами брал, а кофтами,
Часами или же отрезами.
Рука купеческая с кольцами
Гнушалась явными отрепьями.
Он вещи на свету рассматривал.
Художник старый на ботинках
Одной рукой шнурки разматывал,
Другой – протягивал бутылку.
Глядел, как мёд тягуче цедится,
Глядел согбенно и безропотно
И с мёдом – с этой вечной ценностью –
По снегу шёл в носках заштопанных.
Вокруг со взглядами стеклянными
Солдат и офицеров жёны
Стояли с банками, стаканами,
Стояли немо, напряжённо.

И девочка прозрачной ручкой
В каком-то странном полусне
Тянула крохотную рюмочку
С колечком маминым на дне.
Но – сани закрипели мощно.
На спинке расписные розы.
И, важный лоб сановно морща,
Сошёл с них столп российской прозы.
Большой, торжественный, как в раме,
Без тени жалости малейшей:
"Всю бочку. Заплачу коврами.
Давай сюда её, милейший..."
Стояла очередь угрюмая,
Ни в чём как будто не участвуя.
Колечко, выпавши из рюмочки,
Упало вслед за ней умчавшихся...
Далёк тот сорок первый год,
Год отступлений и невзгод,
Но жив он, медолюбец тот,
И сладко до сих пор живёт.
Когда к трибуне он несёт
Самоуверенный живот,
Когда он смотрит на часы
И гладит сытые усы,
Я вспоминаю этот год,
Я вспоминаю этот мёд.
Тот мёд тогда как будто сам
По этим – этим – тёк усам.
С них никогда он не сотрёт
Прилипший к ним навеки мёд!

К сожалению, мы и сегодня видим среди нас людей, наживающихся бесстыдно на страданиях народа, и этого нельзя позволять и прощать!

И наконец, я прочту совсем недавнее стихотворение, которое мне выпало честь читать перед 42 тысячами молодых людей

три года тому назад на моём любимом фестивале, куда я езжу с ребятами, на Грушинском. 42 тысячи замечательных человеческих лиц, 42 тысячи человек сидели в коллизее русской природы – на холмах! Я выдумывать не умею, это списано тоже с натуры. Это из той книги, которая так не понравилась господину Мутко и которую до сих пор он позорно не издал, она вышла не в России, она, повторяю, напечатана в Полтаве, в Украине.

Не забывайте о том, что в Украине есть не только ужасные люди, бандеровцы и прочие, которые могут бессовестно надругаться над могилами наших солдат, и, кстати, украинских тоже, тех, кто сражался вместе с русскими, там много и хороших людей. Не впадайте, вообще... не надо относиться плохо ко всей нации. Я абсолютно убеждён, что пройдёт время, может быть годы, и всё вернётся на круги своя, разум и сердца человеческие в конце концов победят, но для этого надо работать. Итак, вернёмся к книге.

СССР – ФРГ. 1955 год. Репортаж из прошлого века.

Первый эпиграф: "Как зритель, перестрадавший этот матч, и как бывший солдат, скажу, что для нас он был один такой в XX веке." (Лев Филатов, замечательный футбольный обозреватель тех лет.)

Второй эпиграф: "Хочу поздравить Россию с такой командой". (Зепп Гербергер, тренер сборной ФРГ, чемпиона мира, после матча.)

Вдруг вспомнились трупы по снежным полям,

Бомбёжки и взорванные кариатиды.

Матч с немцами. Кассы ломают. Бедлам.

Простившие Родине все их обиды,

Катили болеть за неё инвалиды –

Войною разрезанные пополам,

Ещё не сосланные на Валаам,

Историей выброшенные в хлам –

И мрачно цедили: "У, фрицы! У, гниды!

За нами Москва! Проиграть – это срам!"

Незримые струнья от ран отдирая,

Катили с медалями и орденами
Обрубки войны к стадиону "Динамо" –
В единственный действующий храм,
Тогда заменявший религию нам.
Катили и прямо, и наискосок,
Как бюсты героев, кому не пристало
На досках подшипниковых пьедесталов
Прихлёбывать, скажем, берёзовый сок
Из фронтowych алюминиевых фляжек,
А тянет хлебнуть поскорей, без оттяжек
Лишь то, без чего и футбол был бы тяжек:
Напиток барачный, по цвету табачный,
Отнюдь не бутылочный, по вкусу обмылочный,
И, может, опилочный –
Из табуретов страны Советов,
Непобедимейший самогон,
Который можно, его отведав,
Подзакусить рукавом, сапогом.
И может, египетские пирамиды,
Чуть вздрогнув, слышали где-то в песках,
Как с грохотом катят в Москве инвалиды
С татуировками на руках.
Увидела даже статуя Либерти
За фронт припоздавший второй со стыдом,
Как грозно движутся инвалиды те –
Виденьем отмщения на стадион.
Билетов не смели спросить контролёрши,
Глаза от непрошенных слёз не протёрши,
Быть может, со вдовьей печалью своей.
И парни-солдатики, выказав навыки,
Всех инвалидов подняли на руки,
Их усадив попрямей, побравей
Самого первого ряда первой.
А инвалиды, как на поверке, –

Все наготове держали фанерки
С надписью прыгающей "Бей фрицев!",
Снова в траншеи готовые врыться,
Будто на линии фронта лежат,
Каждый друг к другу предсмертно прижат.
У них словно нет половины души,
Их жёны разбомблены и малыши.
И что же им с ненавистью поделать,
Если у них полдуши и полтела?
Ещё все трибуны были негромки,
Но Боря Татушин, пробившись по кромке,
Пас Паршину дал. Тот от радости вмиг
Мяч вбухнул в ворота, сам бухнулся в них.
Так счёт был открыт, и в неистовом гвалте
Прошло озаренье по тысячам лиц,
Когда Колю Паршина поднял Фриц Вальтер,
Реабилитировав имя "Фриц".
И прорвало молчание плоти –
Это не Паршину одному
Все инвалиды заплодировали –
Бывшему пленному своему!..
Когда нам и гол второй засадили,
Наш тренер почувствовал холод Сибири,
И аплодисментов не слышались звуки,
Как будто нам всем отсекли даже руки.
И вдруг самый смелый из инвалидов
Вздыхнул, восхищение горькое выдав:
"Я, братцы, скажу вам, по праву танкиста –
Ведь здорово немцы играют и чисто...",
И хлопнул разок, всех других огорошив,
В свои обожжённые в танке ладоши,
И кореш в тельняшке подхлопывать стал,
Качая поскрипывающий пьедестал...
Теперь в инвалидах была перемена –

Они бы фанерки свои о колена
Сломали, да не было этих колен,
Но всё-таки призрак войны околел.
Лишь только бы стольким опять
На погибель не вырос бы как-нибудь
Новенький Гитлер!
Лишь только бы, заново опьедестален,
Не ожил ни Брежнев, ни будущий Сталин!
Фриц Вальтер, ты где?
Я с этого матча – усвоил серьёзно
Дать руку кому-то не может быть поздно.
А счёт получился 3:2
В нашу всё-таки пользу.
Но выигрыш общий неразделим.
А, знаете, немцы, кто лучшие гиды?
Кто соединил две Германии вам?
Вернитесь в тот матч, и увидите там:
Кончаются войны не жестом Фемиды,
А только когда, забывая обиды,
Войну убивают в себе инвалиды,
Войною разрезанные пополам.

Когда я закончил читать эти стихи, произошло чудо: сорока-двухтысячная публика в едином порыве встала и запела песню Булата Окуджавы из замечательного фильма Андрея Смирнова "Белорусский вокзал", сорок две тысячи человек пели единым хором! И это всё были в основном молодые люди. Так что вот какая есть в нашей стране молодёжь! И я очень счастлив, что мы такой молодёжи, мы, шестидесятники, передали нашу веру в будущее и нашей Родины, и всего человечества!

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово Председателя Государственной Думы С. Е. Нарышкина при открытии цикла лекций, приуроченного к Году культуры	3
Лекция специального представителя Президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству М. Е. Швыдкого	5
Лекция директора Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровского	19
Лекция члена Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека Д. Б. Дондуря	40
Лекция координатора общественного движения "Архнадзор" Р. Э. Рахматуллина	62
Лекция президента Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина И. А. Антоновой	86
Лекция писателя, драматурга, телеведущего, историка Э. С. Радзинского	102
Лекция ректора Государственного музыкально-педагогического института имени М. М. Ипполитова-Иванова В. И. Вороны	118
Лекция поэта Е. А. Евтушенко	136

Состояние и перспективы развития российской культуры

Цикл лекций в Государственной Думе
25 марта – 23 мая 2014 года

Издание подготовлено отделом
редакционно-издательских работ
Управления организационного обеспечения
законодательного процесса
Аппарата Государственной Думы

Компьютерная вёрстка Дерр Л. А.

Оригинал-макет подготовлен
ООО "Новосибирский издательский дом"
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

Подписано в печать 22.10.2014.
Формат 60x90/16. Печ. л. 10,0. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета в ООО "Принт Сервис"
443070, г. Самара, ул. Верхне-Карьерная, 3а